

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Российский государственный гуманитарный университет

СТЕНЫ И МОСТЫ – VII

**Междисциплинарность:
что от историка требует,
что дает и чего лишает?**

Сборник трудов
Международной научной конференции

Москва
2019

УДК 930.2(08)

ББК 63

С 79

Ответственный редактор

Е.А. Долгова

Составитель

И.Н. Косиченко

Рецензенты

А.С. Усачев, доктор исторических наук, профессор

М.В. Каиль, кандидат исторических наук, доцент

ISBN 978-5-7281-2311-8

© Косиченко И.Н., составление, 2019

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2019

Содержание

Предисловие	8
Комплексные исследования и системные подходы в гуманитарных науках	
<i>Г.Г. Ершова, С.В. Вепрецкий, Д.С. Секачева</i> Археологический памятник «La Casa de las Golondrinas»: особенности междисциплинарного исследования	10
<i>Б.Н. Миронов</i> Об историческом развитии человеческого сознания	23
<i>Ю.И. Бродский</i> Математическое моделирование межкультурных отношений	44
<i>Г.Г. Ершова</i> Феномен культурной революции: к постановке проблемы	56
<i>Н.О. Бороздина</i> От истории к философии университета: мост в будущее	74
<i>Д.В. Лукьянов</i> Дивергентные сферы современных научных революций: медиография и историография в коалиции медиумов современности	80
Теории социальных наук в конкретике исторического исследования	
<i>Л.Б. Сукина</i> Междисциплинарность в исследованиях истории русской культуры позднего Средневековья и раннего Нового времени	91
<i>О.Н. Мухин</i> «Над кем смеетесь?»: К методологии анализа социокультурной роли смеха в историческом исследовании	102
<i>Е.А. Долгова</i> Научное сообщество конца 1910-х – первой половины 1930-х гг.: Теоретические подходы в исторической ретроспективе	112

А.С. Ходнев
«Недисциплинированная» междисциплинарность:
публичная история и ее практики 123

В.Л. Гайдук
Виртуальные архивы
и историческое знание в начале XXI в. 133

История и социальные науки

И.Н. Косиченко
Самоуправление индейских общин
на Юкатане в ранний национальный период..... 143

Л.М. Артамонова
Гендерный поворот провинциальной школы
в середине XIX в.: социальные факторы и последствия 152

Ю.Н. Смирнов
Модернизация социальной и культурной памяти
провинциального дворянства в середине XIX в.:
от артикуляции к литературе, из семьи на публику 162

Е.Ф. Синельникова
Революционная повседневность
научных обществ Петрограда 171

М.В. Фадеева
Дневники умирающих: Опыт реконструкции
и попытка экзистенциального анализа 181

Образ имени и образ языка в историческом преломлении

И.Б. Антонова
Образ власти в пространстве медиа:экскурс
в историю политического дискурса 191

Н.Т. Валеева
От голкипера к вратарю:
конкуренция англо- и русскоязычной
футбольной лексики в досоветской,
советской и постсоветской России 200

<i>Е.В. Пчелов</i>	
Имя Александр в русской династической истории и культуре XVIII–XIX вв.	205
<i>Л.Л. Федорова, С.А. Яковлева</i>	
Образы женщины в диахронии и в межъязыковых сопоставлениях (по лексикографическим источникам)	214
<i>Ю.Э. Шустова</i>	
Славянские названия месяцев в украинских печатных книгах конца XVI–XVII в.	229
История и география	
<i>А.Л. Рижинашвили</i>	
Фундаментальная экология и природоохранная практика в СССР в середине 1920-х – 1950-е гг.: историко-научный анализ взаимодействия науки и режима	241
<i>А.В. Собисевич, В.А. Снытко</i>	
«Конструктивная география»: научное направление о преобразовании природной среды	245
<i>Т.К. Холматов</i>	
Историческая география в научном творчестве В.К. Яцунского и О.М. Медушевой	252
<i>Н.А. Чеснокова</i>	
«Между строк»: Изучение географических трудов в определении культурно-исторического развития Кореи (на примере «Описания избранных деревень» (<i>Тхэнниджи</i> , 1751 г.) Ли Джунхвана (1690–1756?))	259
Сведения об авторах	269

Предисловие

Сборник объединяет статьи авторов-участников VII Международной научной конференции «Стены и мосты»: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях», состоявшейся в Российском государственном гуманитарном университете 24–25 мая 2018 г. К участию в конференции были приглашены специалисты, обращающиеся при реализации исторических исследований к теоретическим и практическим достижениям гуманитарных, социальных, точных и даже естественных наук.

Безусловно, дистанцирование многочисленных отраслей научного знания зашло столь далеко, что теперь уже мало кто решается на попытку соединить бурно разрастающееся специальное знание. Между тем совершенно очевидно, что тенденция сегментации, все большего и большего разветвления наук ведет к растущей изоляции ученых внутри научного сообщества. Подобное удельное обособление отдельных научных миров объективно неизбежно вследствие накопления конкретных знаний по четко очерченному предметному полю каждой из наук. Однако наряду с ощутимым ростом объема и качества информации следствием такой автономизации является ослабление эвристического потенциала как отдельных научных направлений, так и в целом научного сообщества. Поиск же путей налаживания диалога между разными областями знания неизменно наталкивается на устойчивые линии размежевания – незримые, но закрепленные профессиональными нормами дисциплинарные границы, обуславливая актуальность обращения к исследованию проблемных точек и трудностей диалога специалистов.

Одной из таких «трудностей» является вопрос об ограничениях применения методов и подходов других дисциплин к узко-профессиональной (в данном случае исторической) проблематике и о необходимом уровне научной квалификации историка для корректной работы в пограничном дисциплинарном пространстве. Междисциплинарный подход в научном познании не сводится лишь к тому, чтобы совместно рассматривать проблемы из разных областей науки; задача – гораздо шире: оговорить формы этого взаимодействия, выработать методы и подходы, поставить вопрос о преодолении непрофессионализма и возможной поверхностности в рамках пограничных полей исторических субдисциплин. Указанная проблематика и была актуализирована в рамках конференции, поставившей вопрос: «Междисциплинарность: что от историка требует, что ему дает и чего лишает?»

**Комплексные исследования
и системные подходы
в гуманитарных науках**

**Археологический памятник
«La Casa de las Golondrinas»:
особенности междисциплинарного исследования**

Г.Г. Ершова
С.В. Вепрецкий
Д.С. Секачева
Российский государственный
гуманитарный университет,
г. Москва

***Аннотация.** Археологический памятник «La Casa de las Golondrinas» считается одним из самых богатых комплексов наскальных рисунков в Латинской Америке, датирующихся от эпохи палеолита до начала XVI в. Изображения включают астрономические знаки, отпечатки рук, фигуры людей и животных, различные сцены и орнаменты. Состояние краски в большинстве случаев сильно повреждено, поскольку росписи подвергаются воздействию природы и человека. Несмотря на то что во многих случаях трудно распознать детали рисунков невооруженным глазом, применение новых методов обработки фотографий с помощью специальных программ позволяет реконструировать контуры большинства изображений. Данные методы были опробованы на материале, полученном после проведения на памятнике полевого сезона в 2018 г.*

***Ключевые слова:** наскальная живопись, Гватемала, археология, междисциплинарные исследования*

Археологический памятник «La Casa de las Golondrinas» (далее Ла-Каса-де-лас-Голондринас), расположенный в долине реки Гуакалате Гватемальского нагорья, недалеко от г. Антигуа, считается одним из богатейших комплексов наскальных рисунков в Латинской Америке (рис. 1). В настоящее время памятник относится к частной территории кофейной фабрики Сан Рафаэль Уриас, находящейся между городами Сьюдад Вьехо и Сан Мигель Дуэньяс.

Памятник был зарегистрирован в рамках археологического проекта Ареа Какчикель в 1994 г.¹, а начиная с 2000 г. там начались работы по полноценной документации наскальных росписей под руководством Е. Робинсон из Тулейнского университета. Документация включала в себя использование мультиспектральной съемки, суть которой состояла в создании для каждого наскального рисунка или сцены набора изображений из 10 снимков, выполненных в различных участках спектра электромагнитных волн. Данный метод позволяет выявить больше деталей рисунка, чем видно глазу, однако предполагает съемку каждого отдельного фрагмента с использованием штатива для получения всех снимков с одного ракурса, что в большинстве случаев не представляется возможным.

*Рис. 1. Панорамный вид на археологический памятник Ла-Каса-де-лас-Голондринас со стороны соседнего холма. Гватемала, деп. Сакатепекес 25 марта – 3 апреля 2018 г. Фото Д.С. Секачевой
Из личного архива Д.С. Секачевой*

В 2001 г. был опубликован отчет о работе проекта², который содержал предварительный каталог рисунков, представляющий собой их черно-белые прорисовки. В результате было выделено четыре крупные области А, В, С и D, включавшие в себя 21, 20, 28 и 1 рисунок соответственно. Исходя из данной номенклатуры становится ясно, что номера рисункам присваивались по ходу их обнаружения, а область D, включающая в себя только одно изображение, была выделена из-за сильной отдаленности от всех остальных областей.

Во время последующих полевых сезонов были обнаружены новые рисунки, общее количество которых возросло до 225 изображений³, однако не было составлено нового каталога, позволяющего проверить данную цифру или хотя бы оценить критерий, выбранный

при новых нумерации и подсчете. В магистерской диссертации Ф. Косты⁴, написанной в 2010 г. и посвященной сохранению наскальных рисунков Ла-Каса-де-лас-Голондринас, фигурируют две новые области E и F, но единственная информация о них – это локализация на общей карте памятника. Таким образом, на данный момент наиболее остро стоит вопрос о составлении полноценного каталога, который бы включал в себя фотографии и прорисовки каждого рисунка или сцены наскальных росписей памятника и позволил бы закрыть вопрос о действительном количестве наскальных рисунков на территории Ла-Каса-де-лас-Голондринас.

Исходя из исследований, посвященных предположительной датировке памятника, следует, что он существовал на протяжении очень продолжительного периода. Наиболее ранние даты красного пигмента попадают в промежуток между 6250 и 5550 гг. до н. э.⁵, а некоторые органические компоненты одной из взятых проб дают еще более раннюю дату – 6890 г. до н. э. ± 160 лет⁶. О начале постоянной деятельности на памятнике можно говорить лишь с 1500 – 900 гг. до н. э.⁷, а обнаруженный на месте керамический материал свидетельствует об активности в период с 1000 г. до н. э. до конца постклассического периода около 1500 г. н. э.⁸

Несмотря на то что Ла-Каса-де-лас-Голондринас был включен в общий реестр наскальной живописи Гватемалы⁹, памятник подвергается вредоносному воздействию как природы, так и человека. Рисунки нанесены на вертикальной поверхности скальных склонов и не защищены от солнца, ветра и дождя. Кроме того, на этих скалах появляется обильная растительность, в некоторых случаях покрывающая собой росписи. Также следует отметить, что в данной области продолжают появляться современные граффити и изображения, которые в большинстве своем нанесены поверх древних изображений, однако к счастью выполнены они черным цветом, что позволяет отличить их от древних при обработке изображений.

В 2017 г. сотрудники Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова С.В. Вепрецкий, Ф.С. Галеев, Г.А. Борисова и Г. Кантун совершили предварительный визит на территорию памятника. Работы были осуществлены по просьбе владельца кофейной финки дона Исидро Вальдеса и прежде всего включали в себя локализацию наскальных рисунков для их дальнейшей документации в рамках полноценного проекта. В ходе данного визита был разработан новый метод документации росписей, позволяющий распознать максималь-

ное количество деталей каждого отдельно взятого рисунка. Данный метод будет описан ниже.

Полевой сезон 2018 г., осуществленный под руководством Г.Г. Ершовой, включал в себя документацию всех обнаруженных на памятнике рисунков, среди которых были и опубликованные ранее в отчетах Робинсон. Документация велась по направлению с северо-запада на юго-восток, или от области D к области C по номенклатуре предыдущих проектов, и осуществлялась в два этапа: 1) фотофиксация каждого отдельного рисунка на месте, а также привязка разных групп памятника на карту при помощи GPS; 2) лабораторная обработка всех репрезентативных снимков с выявлением максимального количества деталей каждого рисунка. Для фотографирования использовалась камера Nikon D800, а фотографии снимались в форматах JPEG (наиболее удобный формат при просмотре изображений), и RAW – формат, сохраняющий максимальную цветовую информацию изображения, что впоследствии позволяет выявить больше деталей в тех случаях, когда рисунок плохо сохранился.

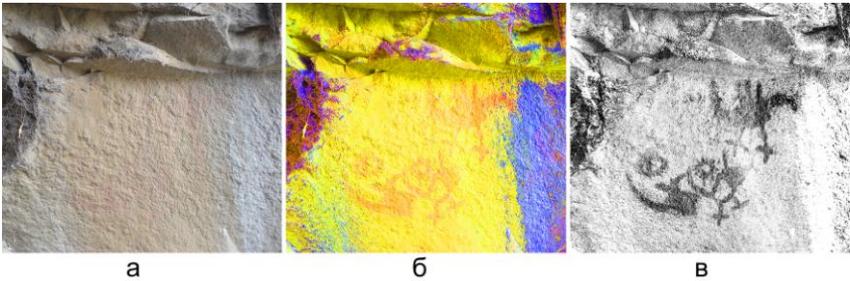

Рис. 2. Новый метод документации наскальных росписей:

- а) оригинальная фотография;
- б) фотография после первого этапа обработки;
- в) фотография после второго этапа обработки

Гватемала, деп. Сакатепекес. 25 марта – 3 апреля 2018 г.

Фото Д.С. Секачевой. Из личного архива Д.С. Секачевой

Дальнейшая лабораторная обработка фотографий включала в себя, в первую очередь, увеличение интенсивности красного цвета на изображениях, что позволяло увидеть даже самые блеклые остатки красного пигмента на поверхности. В некоторых случаях приходилось менять цветовой тон для получения более четкого контура рисунка. На последнем этапе обработки было выполнено

преобразование красных цветов в черный, а всех остальных в белый, что давало максимальную детализацию росписи (рис. 2).

Вся вышеобозначенная обработка может быть осуществлена в любом фоторедакторе, в нашем случае был использован Adobe Photoshop CC 2015.5.

Описанный выше метод реконструкции контуров наскальных изображений с использованием фотообработки превосходит по качеству мультиспектральную съемку, использованную предыдущим проектом, за счет отсутствия необходимости иметь специальное оборудование (достаточно ограничиться любой профессиональной камерой) и делать все снимки со штативом. Кроме того, нельзя не отметить, что финальные изображения, полученные с помощью данного метода, дают значительно больше информации о деталях наскальных росписей, нежели фотографии, сделанные в разном спектре.

Основной задачей этого сезона прежде всего был сбор материала для создания полноценного каталога, в который будут включены не только фотографии каждого рисунка или группы, прошедшие оба этапа обработки, но и прорисовки. Наиболее важным фактором при создании данного каталога следует выделить критерий, по которому каждому наскальному изображению будет присвоен свой номер. В ходе документации стало понятно, что росписи можно условно разделить на несколько видов: 1) одиночные рисунки, представляющие собой изображения, которые на первый взгляд никак не связаны с соседними рисунками, либо же находящиеся в отдалении от таковых; 2) сцены, в которых несколько одиночных рисунков соединены линиями и относятся к единому сюжету; 3) группы рисунков, при которых разные изображения могут быть не соединены линиями, но при этом соотноситься тематически (например, изображения нескольких птиц близко друг от друга и т. п.).

Подводя предварительные итоги, можно отметить, что в ходе полевого сезона было сделано несколько новых наблюдений по сравнению с предыдущими проектами. В первую очередь следует отметить, что в области А по номенклатуре Робинсон на том же скальном склоне, где встречается изображение группы животных (рисунок 16)¹⁰, являющееся поистине одной из визитных карточек памятника, были обнаружены отпечатки рук, вероятно являющиеся самыми древними изображениями памятника. Дело в том, что эти отпечатки

не сохранили свой красный цвет, как в некоторых подобных примерах из других групп, поэтому не могли быть зафиксированы с помощью мультиспектральной съемки. О древности данных отпечатков может свидетельствовать тот факт, что перед нами один из редчайших примеров, где краска не сохранилась, но при этом общая текстура поверхности стала разительно отличаться от естественного цвета скального склона.

Другими словами, для обнаружения этих отпечатков при обработке фотографии нам не понадобилось резкое увеличение интенсивности красного цвета в фоторедакторе, напротив, красный цвет следовало ослабить и усилить желтый, что, с одной стороны, понизило детальность соседних рисунков, выполненных красным цветом, а с другой, позволило очень четко разглядеть как минимум семь отпечатков рук, четыре правых и три левых (рис. 3). Данное наблюдение можно считать одним из основных новшеств прошедшего полевого сезона.

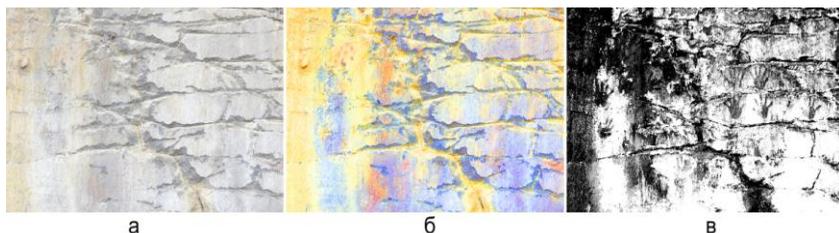

Рис. 3. Изображение отпечатков рук в области А:

- а) оригинальная фотография;
- б) фотография после первого этапа обработки;
- в) фотография после второго этапа обработки

Гватемала, деп. Сакатепекес. 25 марта – 3 апреля 2018 г.

Фото Д.С. Секачевой. Из личного архива Д.С. Секачевой

Еще одним значительным наблюдением этого сезона можно назвать возможную древнюю «обсерваторию», расположенную в области С (рис. 4).

*Рис. 4. Возможная древняя «обсерватория»
Гватемала, деп. Сакатепекес. 25 марта – 3 апреля 2018 г.
Фото Д.С. Секачевой. Из личного архива Д.С. Секачевой*

*Рис. 5. Рукотворное отверстие на месте возможной «обсерватории»
Гватемала, деп. Сакатепекес. 25 марта – 3 апреля 2018 г.
Фото Д.С. Секачевой. Из личного архива Д.С. Секачевой*

Выбор участка скалистого (базальтового) берега реки (край древней кальдеры, включая наслоения окаменевшей лавы более поздних извержений вулкана Фуэго), по всей видимости, неслучаен. В извилистом русле реки данный участок (область С) определяется пространственной ориентацией. Общее направление реки от горных истоков до Тихоокеанского побережья придерживается четкой позиции север – юг. Участок Ла-Каса-де-лас-Голондринас имеет ориентацию запад – восток. При обзоре участка с противоположного холма он оказывается расположенным точно между двумя вулканами: Фуэго и Агуа. И центр этой панорамы указывает направление на юг, к Тихоокеанскому побережью.

Вероятно, такая ориентационная нагрузка связана с наличием большого числа изображений астрометрического назначения. С этой точки зрения наибольший интерес представляет особый комплекс в естественном и доработанном скальном образовании.

Область С состоит из двух частей. Рассматриваемый фрагмент относится к части 1 области С. Протяженность поверхности с изображениями достигает 20 м. Высота в целом составляет около 30 м. Скальная поверхность сложена из базальтовых платин. Поверхность платин покрыта рисунками, выполненными красным пигментом, среди которых преобладают опознаваемые небесные объекты. Кроме того, имеются единичные и групповые изображения связанных с водой животных, а также антропоморфные фигуры.

Именно в этой области, ее крайнем южном выступе, расположено естественное образование со следами доработки. Это плоская скала, около 7 м высотой, выступающая перпендикулярно к основному массиву и обработанная по верхнему и боковому краю. Кроме того, в верхней части находится искусственное отверстие диаметром 8 см (рис. 5), слева от которого выдолблено полусферическое пространство-«корытце», где могла бы собираться дождевая вода. Подобные «приборы» в древности позволяли проводить наблюдения за звездным небом, а также затмения луны и, безусловно, солнца. Перед этим образованием, на земле, находится большой (1,5 м х 2 м х 1 м) искусственно огранный пятигранный камень, верхняя грань которого указывает точно на восток (рис. 6).

Рис. 6. Искусственно обработанный пятигранный камень, находящийся напротив скального выступа с отверстием Гватемала, деп. Сакатепекес. 25 марта – 3 апреля 2018 г. Фото Д.С. Секачевой. Из личного архива Д.С. Секачевой

Образование-«обсерватория» ограничивает справа часть скалы, грунт которой использовался для выемки красно-коричневых пигментов. Об этом свидетельствуют отверстия, куда вставлялись шесты для дальнейшего отвала кусков пигментов.

Отверстие в скале служило для наблюдений за перемещением позиций солнца. Об этом свидетельствуют соответствующие солярные изображения на западной части чуть нависающего скального массива. Причем четыре солярных изображения маркируют позицию от верхней до контакта с грунтом и расположены по дуге. Примечательно, что есть не только полнокружные изображения солнца, но и полукружное – видимо, по форме солнечного пятна от луча, проходящего через отверстие. Первое сверху изображение – наиболее полное изображение солнца со всеми соответствующими элементами. Второе – это половина солнца. Третье изображение находится в плохой сохранности. Четвертое, уходящее под землю солнце, также представлено полным кругом. Первые два изображения луча света, проходящего через отверстие, – это обычное

круглое антропоморфное изображение солнца: точки-глаза и черт-рот. Угол наклона составляет от 90 до 110 градусов.

Кроме того, наблюдение отверстия с западной стороны при нахождении солнца в зените позволяет видеть, как через отверстие светится отражение солнца от выдолбленной поверхности. Сама вертикальная «обсерватория» с западной стороны напоминает профиль человека, а с восточной стороны – выползающую рептилию. При этом отверстие соответствует глазу существа.

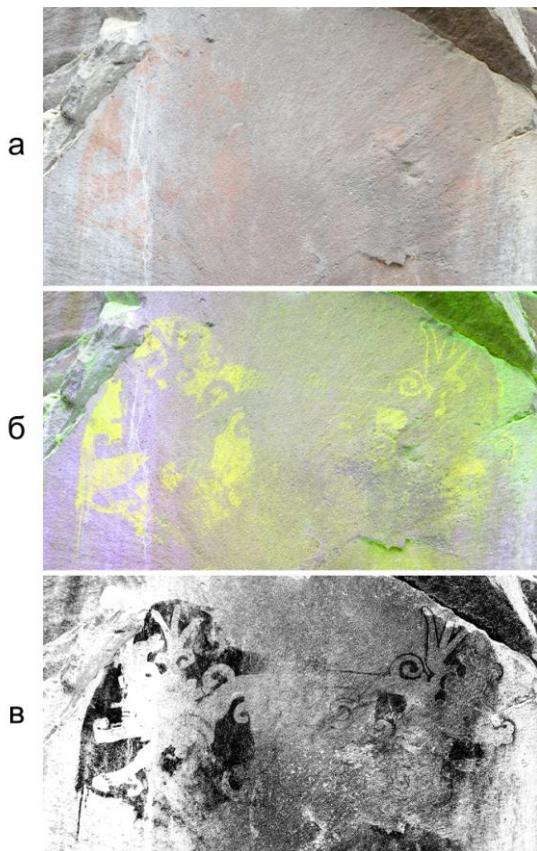

Рис. 7. Единый трафаретный рисунок.:

а) оригинальная фотография;

б) фотография после первого этапа обработки;

в) фотография после второго этапа обработки

Гватемала, деп. Сакатепекес. 25 марта – 3 апреля 2018 г.

Фото Д.С. Секачевой. Из личного архива Д.С. Секачевой

Среди изображений можно определить некоторые важные созвездия: Южный Крест, Плеяды. Причем Плеяды изображены в зеркальной проекции, что подтверждает способ наблюдения – в отражении в воде. Предположительно, в росписях присутствуют изображения небесных объектов, в том числе зодиакальных созвездий: Крокодил (Млечный путь), Обезьяна (Водолей), Летучая мышь, Черепаха, Жаба, Паук, Удав. В целом семантика изображений соответствует общемировой практике фиксации ранних научных знаний в наскальных росписях.

Кроме того, в ходе полевого сезона было зафиксировано несколько наскальных рисунков, находящихся на большой высоте от поверхности. К сожалению, невозможно определить, были ли они задокументированы предыдущими проектами, но с уверенностью можно говорить, что в литературе и отчетах о подобных случаях не сказано ни слова. Так, нами было отмечено четыре подобных случая: два рисунка относятся к области В и находятся на высоте примерно 6 и 12 м от поверхности земли, а другие два были обнаружены в области С на высоте примерно 10 и 15 м от поверхности. Если в первом случае в области В видно, что доступ к этим рисункам был снизу и к ним можно подобраться, карабкаясь по склону скалы, то во втором случае мы явно имеем дело с совершенно иным принципом их создания. В области С для нанесения этих росписей очевидно использовалось древнее скалолазное снаряжение, крепившееся к чему-то на вершине склона (там находится своеобразное плато). Иными словами, древний художник поднимался на плато, откуда должен был спуститься с помощью специального крепления вниз и наносить наскальные росписи навесу.

Среди других наблюдений следует выделить два изображения в области В, которые по номенклатуре Робинсон фигурируют под номерами 5 и 6¹¹. Первый рисунок представляет собой трафаретное изображение в майяском стиле, главным элементом которого является открытая пасть крокодила или каймана, второй же, судя по прорисовке Робинсон, выглядел скорее как линейный рисунок с непонятной тематикой. При использовании нашего метода документации было выявлено, что данные два изображения не просто можно отнести к одной группе, но и констатировать, что они являются собой две части одного отдельного рисунка, связующие линии которого сильно затерлись (рис. 7). При предварительном анализе черно-белого изображения, полученного в ходе второго этапа обра-

ботки фотографий, стало понятно, что рисунок 6 также является трафаретным изображением, продолжающим и практически зеркально повторяющим рисунок 5, то есть также имеет открытую пасть крокодила как основной элемент. Разница между двумя частями этого изображения заключается в отсутствии у его правой части ярко выраженного темного фона, что, скорее всего, имело смысловую нагрузку.

Все обозначенные выше наблюдения были сделаны на первоначальном этапе анализа наскальных росписей Ла-Каса-де-лас-Голондринас. После создания полноценного каталога, а также новой переработанной номенклатуры можно будет не только выявить новые детали непосредственно рисунков, но и выстроить их типологию, а также начать полноценный этно-семиотический анализ, который позволит более глубоко взглянуть на изображения, относящиеся к данному памятнику.

---

¹ *Robinson E.* Informe del Proyecto Kaqchikel: Área de las faldas del volcán de Agua entre Ciudad Vieja y San Miguel Escobar. Ms. Instituto de Antropología e Historia, Guatemala. [Menciona pintura rupestre, La Casa de las Golondrinas, Municipio de San Miguel Dueñas, Depto, Sacatepéquez, Guatemala], 1994.

² *Robinson E., Ware G.* Multi-spectral Imaging of La Casa de las Golondrinas Rock Paintings: Informe entregado al Instituto de Antropología e Historia. Guatemala, 2001.

³ *Robinson E.* Memorized Sacredness and International Elite Identities: The Late Postclassic at La Casa de las Golondrinas, Guatemala // *Archaeologies of Art, Time, Place, and Identity*. California, 2008. P. 131–150.

⁴ *Costa P.* Proyecto de restauración de La Casa de las Golondrinas, Un sitio de arte rupestre en las tierras altas de Guatemala. Ciudad de Guatemala, 2007.

⁵ *Livingston A.J., Robinson E., Armitage R.A.* THM-GC-MS Analysis of Rock Paintings from La Casa de Las Golondrinas, Guatemala: Implications for Radiocarbon Dating // *International Journal of Mass Spectrometry*. 2009. Vol. 284. P. 142–151.

⁶ *Devlet E.G., Greshnikov E.A., Fakhri A.I.* Study of Mesoamerican Pigments of the Pre-Columbian Period in Rock Art and Cave Painting by the Natural Science Methods // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. Vol. 6 (2). P. 18–23.

⁷ Reimer P.J. IntCal04 terrestrial radiocarbon age calibration, 0-26 cal kyr BP // Radiocarbon. 2004. Vol. 46 (3). P. 1029–1058.

⁸ Robinson E. Nuevos hallazgos en La Casa de Las Golondrinas, un sitio con arte rupestre en las Tierras Altas Centrales de Guatemala // XVII Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala, 2003. P. 165–172; Museo Nacional de Arqueología y Etnología. Guatemala, 2004. P. 167.

⁹ Stone A., Ericastilla Godoy S. Registro de arte rupestre en las Tierras Altas de Guatemala: Resultados del reconocimiento de 1997 // XII Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala, 1998. Ciudad de Guatemala, 1999. P. 682–695.

¹⁰ Robinson E. Memoried Sacredness... P. 131–150.

¹¹ Ibid.

Об историческом развитии человеческого сознания

Б.Н. Миронов
Санкт-Петербургский
государственный университет,
г. Санкт-Петербург

***Аннотация.** Историческое развитие сознания человеческого вида имеет сходство с развитием психики ребенка в современных развитых странах. Коренные изменения в сознании ребенка происходят по тем же самым линиям: от конкретно-образного восприятия действительности к понятийному, от слияния себя со средой к четкому выделению себя из нее, от восприятия себя объектом воздействия внешних сил к осознанию себя субъектом своих действий, от бессознательного и стихийного поведения к сознательному и самоконтролирующему, от оценки и восприятия себя со слов окружающих к самосознанию и самооценке. Однако, как и в эволюции человеческого сознания, эти изменения в детской психике происходят не автоматически, поскольку они не запрограммированы биологически, а возникают только в процессе обучения, общения со взрослыми и активной деятельности ребенка.*

***Ключевые слова:** историческое развитие сознания, онтогенез, филогенез, концепция Ж. Пиаже, теория рекапитуляции.*

В психологии получило широкое признание представление об историческом характере сознания – о том, что сознание людей со временем изменяется также и с точки зрения строения, характера высших психических процессов человека, таких как восприятие, память, активное внимание, воображение, отвлеченное или абстрактное мышление, волевое действие, самосознание, индивидуализм, его обусловленности культурой. Особенно большая роль в разработке и доказательстве данного положения принадлежит российским психологам Л.С. Выготскому (1896–1934), А.Н. Леонтьеву (1903–1979), А.Р. Лурии (1902–1977), которые еще

© Миронов Б.Н., 2019

Исследование выполнено при поддержке гранта
Российского научного фонда (проект № 15-18-00119).

в 1930-е гг. экспериментально это доказали¹, хотя идея об этом высказывалась и раньше, начиная с Ч. Дарвина и Г. Спенсера. Зарубежные ученые, прежде всего Э. Дюркгейм, Э. Кассирер, Л. Леви-Брюль, С. Леви-Стросс, Б. Малиновский, Л. Уорф и др., на основе этнографических исследований пришли в принципе к анало-аналогичным выводам об историческом характере сознания².

Предельным выражением идеи исторического развития психики является теория рекапитуляции, или теория культурных периодов, утверждающая: 1) если индивидуальный человеческий организм в своем внутриутробном развитии повторяет весь ряд форм, которые прошли его животные предки за сотни миллионов лет, от простейших одноклеточных существ до первобытного человека, то ребенок в период детства проходит весь ход развития человечества от первобытной дикости до современной ему культуры; 2) в онтогенезе детской психики воспроизводятся основные стадии биологической эволюции и этапы культурно-исторического развития человечества. Другими словами, все культуры в своем развитии проходят ряд стадий (или периодов), а развитие каждого индивида повторяет последовательность этих периодов. Процесс индивидуального развития, или онтогенез, повторяет процесс исторического развития видов, или филогенез (от греч. *phylon* – племя, род, вид, и *genesis* – зарождение, развитие). Современная наука рассматривает соотношение онтогенеза и филогенеза не так прямолинейно, как сформулировали этот биогенетический закон его открыватели П. Мюллер (1801–1858) и Э. Геккель (1834–1919), – индивидуальное развитие особей является кратким и быстрым повторением (рекапитуляцией) важнейших этапов эволюции вида. Под влиянием критики первоначальное толкование биогенетического закона было уточнено и теперь звучит так: онтогенез – это процесс программированного развития зародышевого зачатка, т. е. повторение признаков не взрослых особей предков, а их зародышей, включающего возможность случайных изменений в генотипе клеток под влиянием мутаций. Биогенетический закон применим не только к миру растений, но к миру животных и человека, т. е. имеет общебиологическое значение³. Развитию подвержены три области сознания: *психофизическая* – размеры и формы тела и органов, структуры мозга, сенсорные возможности и сенсорные навыки (нейро- и психо-динамика, психомоторика); *психосоциальная* – эмоции, свойства личности и социальные навыки; *когнитивная* – все

умственные способности и психические процессы, включая конкретную организацию мышления⁴.

Исследователь, исходящий из убеждения, что психический склад людей не изменяется, невольно наделяет наших предков мироощущением современного человека, а вслед за этим приписывает людям той или другой эпохи несвойственные им установки и мотивы поступков. Поясню эту мысль примером. Древнерусская живопись применяла обратную перспективу. Историки и искусствоведы, как правило, истолковывают отсутствие прямой перспективы как особый прием древних живописцев, специально используемый ими для выражения своих эмоций и идей. Тем самым они исходят из мысли, что древнерусские художники знали и видели мир в прямой перспективе. Однако в действительности древнерусские художники, точно так же как и западноевропейские средневековые живописцы, не знали прямой перспективы. Они не пользовались обратной перспективой как художественным приемом, а видели мир в этой перспективе. Специальные исследования показали, что «естественный» человек, как и ребенок, знает только обратную перспективу, что видение мира в прямой перспективе – результат воспитания и обучения, а не свойство наших органов зрения⁵.

На картинах средневековых живописцев есть и другие «несообразности»: последовательные действия изображены так, будто они происходили одновременно, а мир земной и мир сверхчувственный показаны с одинаковой степенью отчетливости и тоже в пределах одной картины. И вновь дело здесь не столько в особенностях художественного мышления средневековых мастеров, сколько в том, что время средневековым человеком воспринималось не как линейное, необратимое, бесконечно делимое (так относятся ко времени современные образованные европейцы), а как единое, неделимое, вечное, без четкого различия настоящего, прошлого и будущего. Помещение же в одну плоскость картины реальных и фантастических, вымышленных событий обуславливалось нечетким отделением мира земного от сверхчувственного, правды от вымысла⁶.

Современное состояние исторической психологии не позволяет пока строго научно выявить и эмпирически и операционно определить стадии в развитии человеческого сознания и указать на их характерные особенности. Однако антропологи зафиксиро-

вали в бесписьменных культурах существование социумов и людей с так называемым мифологическим типом сознания и мышления (буду называть их вслед за Л. Леви-Брюлем мифологичными), имеющим следующие особенности.

1. Мифологичный может рассуждать только о наблюдаемом, его мышление *симпраклично*, т. е. конкретно, ситуативно и непосредственно связано с ощущениями и действиями⁷. Он не может решить силлогизм: смертен ли Сократ, если Сократ человек, а все люди смертны? Он посоветует обратиться к тем, кто знает Сократа. Исходные посылы силлогизма он воспринимает как два изолированных вопроса. Абстрактное мышление находится на низком уровне, он может оперировать информацией, почерпнутой почти исключительно из своего жизненного опыта и в рамках этого опыта. Мифологичные не могут правильно решать вербальные задачи, не в состоянии или не хотят применять понятия и логику научного мышления, но не столько потому, что им недостает способности абстрактно мыслить; скорее они не понимают гипотетического характера вербальных задач: им трудно понять, что вопросы и ответы на них необязательно должны быть конкретными, привязанными к конкретной ситуации⁸. «Симпракличность традиционных регуляторов поведения означает, что данная культура не создает никаких предпосылок для того, чтобы субъект мог произвольно преодолевать “связанность” со смысловыми “полями” ситуационной реальности за счет частичной переориентации своего сознания на отвлеченные и закрепленные в понятиях планы деятельности. Решение выдвигаемых традиционной культурой поведенческих задач постоянно носит такой характер, что индивид оказывается полностью “погруженным” в деятельность и ничто в ней самой не облегчает ему выход за пределы своего эмпирического “Я”», так как он не может занять по отношению к себе рефлексивную позицию стороннего, контролирующего наблюдателя⁹.

Симпракличное мышление оперирует преимущественно образами. «Те представления, которые человек создает о себе и о группе, к которой он принадлежит, лишь отдаленно напоминают идеи или понятия. Они скорее чувствуются или переживаются, чем обдумываются»¹⁰. Он дает имя собственное всему, что он видит, чувствует, слышит; все в мире имеет для него собственное имя, подобно тому как имеет собственное имя человек. Такое мышление представляет собой практический анализ и синтез. Оно обобщает не на

уровне понятий и категорий, а на уровне чувственного созерцания (на уровне ощущений, восприятий, представлений), без отрыва от конкретного, и обобщения выражает преимущественно действиями, образами, символами, жестами, то есть конкретно-наглядным способом. Классификация происходит не путем выделения существенных признаков предметов и явлений, не по категориям, а посредством объединения предметов и явлений в такие группы, которые когда-то встречались в практике человека, то есть путем воспроизведения наглядно-чувственной ситуации. Анализ совершается не с помощью дискурсивного рассуждения, а в ходе бессознательно-чувственного или чувственно-интуитивного постижения практического смысла фактов и явлений, редко выходящих за границы личного опыта. Специфика архаического мышления в его метафоричности и наглядно-действенным способе выражения, оно оперирует готовым набором устойчивых образов и представлений, жестов и действий. Симпрактичное мышление нечувствительно к логическому противоречию, сходство принимает за тождество; причину и следствие наделяет независимым бытием; смешивает реальное и идеальное, слово и действие, действительное и вымысел; нечетливо разделяет субъект и объект, материальное и идеальное (то есть предмет и знак, вещь и слово, существо и его имя), вещь и ее атрибуты, единичное и множественное, статичное и динамичное, пространственные и временные отношения.

«Мышление (мифологичных. – Б. М.) проявляет безразличие, можно сказать, отвращение к рассудочным операциям мысли, к рассуждениям, – отмечает Л. Леви-Брюль. – Это не есть неспособность или бессилие: в низших обществах есть и “умы, столь же способные к наукам, как и наши, европейские”. <...> Это также не есть следствие глубокого умственного оцепенения, притупленности и как бы непробудного сна, поскольку те же самые люди, которым самая непосильная мысль дается с непосильным трудом, которые как будто никогда не пытаются размышлять, в тех случаях, когда их интересует какой-нибудь предмет, и особенно если речь идет о достижении горячо желаемой цели, показывают себя проникательными, рассудительными, умелыми, искусными и даже изощренными»¹¹. Им свойственно также «красноречие, богатство аргументации, ловкость словесных выпадов и защиты в спорах», тонкая и острая наблюдательность, плодотворное и поэтическое воображение». Этот парадокс – способность решать жизненные

проблемы без обращения к логическим операциям, Леви-Брюль объясняет тем, что в дописьменных культурах «люди действуют посредством чистой интуиции, путем быстрой и почти мгновенной интерпретации того, что воспринято чувствами. <...> Ими руководит что-то вроде чутья или сметки. Опыт развивает их и уточняет, и они могут стать безошибочными, не имея ничего общего с интеллектуальными операциями в их собственном смысле». Это «похоже на умелость хорошего игрока в бильярд, который, не зная ровным счетом ничего ни о геометрии, ни о механике, не испытывая потребности размышлять, приобрел скорую и верную интуицию относительно того движения, которое следует сделать при данном расположении шаров»¹². Интересно отметить, что в современной экономической антропологии пользуется популярностью концепция «субстантивизма», предложенная К. Поланьи (1886–1964), согласно которой экономика в дописьменных и традиционных обществах отличалась от капиталистической *качественно* (как мифологическая система мышления от рациональной по Леви-Брюлю). Такая экономика не образовывала единой автономной целостной системы, не отделялась от институтов семьи, религии, политики, культуры, а была органически встроена в семейные, социальные и религиозные отношения¹³.

2. У мифологичных отсутствует чувство «я», поскольку личность понимается как безразличная часть целого, которая не обладает никакой спецификой, никаким своеобразием. Вследствие этого человек сливается с той социальной группой, в которой живет. «Выделиться каким бы то ни было способом – значит подвергнуть себя опасности. <...> Этот тиранический конформизм не давит на индивидов. Они привыкли к нему с детства и обычно не представляют себе, что может быть по-другому. Отношения индивида с социальной группой (семьей, кланом, племенем) – вот что прежде всего делает его (конформизм. – *Б. М.*) необременительным. Индивид в этих обществах намного менее выделяется из своей группы, чем в наших»¹⁴. Одновременно он не выделяет себя сколько-нибудь отчетливо и из природы и переносит на природные объекты свои собственные свойства, наделяет их жизнью, человеческими страстями, приписывает им сознательную, целесообразную деятельность, возможность выступать в человеческом облике, иметь социальную организацию и т. п. Эта «еще невыделенность» являет-

ся результатом его неумения качественно отдифференцировать человека от общества, общество и человека от природы.

3. Создавая для обеспечения благополучия своей социальной системы целый мифологически-ритуальный комплекс и обращаясь к магическим средствам поддержания существующего природного и социального порядка, человек стремился подчеркнуть и продемонстрировать свою причастность и неизменную доброжелательность ко всему существу, ко всем природным объектам, силам и стихиям, свое желание жить с ними в мире и дружбе. Он не хочет изменять и завоевывать природу. Жить в постоянной гармонии со своей социальной группой и с природой – вот его цель, и в этом состоит доминирующий мотив всех мифов, обрядов и ритуалов. Люди дописьменных культур проявляли максимум готовности к сотрудничеству. Лишь по мере развития цивилизаций жестокость и деструктивность, власть и насилие приобретают в обществе большее значение¹⁵.

4. Мифологичные с некоторыми трудностями осуществляют целеполагающую деятельность ввиду неразвитой способности к логистике, предварительному мысленному построению действия и к предвидению его отдаленного последствия. Им долгое время было недоступно земледелие, потому что не удавалось осознать причинно-следственную связь между посаженным в землю зерном или семенем и будущим урожаем. Неслучайно, вероятно, и после неолитической революции земледелие и скотоводство не стали основными отраслями хозяйства в подавляющем числе бесписьменных обществ, а многие племена так и не узнали земледелия даже как вспомогательной отрасли производства¹⁶. Этому не противоречит «своего рода изощренность, операционная гибкость мифологического мышления», способность к анализу и классификациям, которые сделали возможной неолитическую техническую революцию, убедительно доказавшую, что логика мифологичных «своими особыми средствами способна решать задачи, аналогичные тем, которые разрешает научная логика»¹⁷. Слабо выраженная способность к целеполагающей деятельности отчасти находит свое объяснение в отсутствии у человека интереса к будущему, к изменению и новизне. Мифологичный ориентируется исключительно на прошлое. С его точки зрения только цикличность и повторяемость событий и придает им реальность. «Высшим правилом является делать то, что делали предки, и делать только то, что делали они. <...> Даже если какое-нибудь новшество однажды

проникает, его положение долгое время остается непрочным. Препятствием всегда готов вновь взять верх»¹⁸. Вещи, которые выходят за пределы общепринятых категорий, несут на себе отпечаток магии или скрытого смысла. Они воспринимаются как опасные. При таком умонастроении технические и социальные изменения могли происходить очень медленно.

5. Мифологичные не способны к самосознанию, к оценке своего знания, нравственного облика, идеалов, мотивов поведения; им в слабой степени свойственны и самоконтроль над собственными поступками и действиями, и принятие полной ответственности за них. Поэтому они нуждаются в контроле со стороны той общности, где проходит их жизнь. В силу этого в архаических обществах развивается система строгого социального контроля, которая почти, если не абсолютно, подчиняет человека определенным правилам поведения. «В свободной по видимости жизни дикарей личность от колыбели до могилы заключена в прокрустово ложе наследственного обычая»¹⁹. Мифологичный сливается с той ролью, которая ей отводится в данной социальной группе. При этом образцы поведения обязательно выражаются словесно, они могут выступать в виде ритуала и церемониала, усваиваться в процессе ролевой либо сюжетной игры или танца детей и взрослых, подобно тому, как современные дети первые опыты общественного поведения получают и усваивают в процессе игры со сверстниками²⁰.

Сознание и мышление современного человека, получившего систематическое европейское образование, условно называемого рациональным, имеет свою специфику.

1. Он воспринимает и интерпретирует мир преимущественно в системе абстрактных понятий и категорий. Благодаря этому он способен делать выводы, не только полагаясь на личный практический опыт, но и опираясь на логические рассуждения, или, как говорят психологи, на дискурсивные, вербально-логические процессы, что позволяет ему выходить далеко за границы непосредственного опыта, за пределы той информации, которую ему сообщают органы чувств. Мысль опирается на круг широких логических рассуждений, на творческое воображение, что расширяет внутренний мир человека.

2. Он полностью выделяет себя из окружающей среды – как из природы, так и из социальной группы или общества – и противопоставляет себя и природе, и обществу как субъект объекту.

3. Чувствуя себя субъектом своих действий и воспринимая окружающую среду как объект воздействия, человек стремится преобразовать, изменить окружающий мир в соответствии со своими потребностями, целями, идеалами.

4. Он в полной мере осуществляет целеполагающую деятельность. В обществе действуют люди, одаренные волей и сознательно преследующие определенные цели, осознающие свою принадлежность к той или иной социальной группе, в высокой степени способные к организации своей деятельности и предвидению ее результатов.

5. Человек способен к самосознанию и самоанализу, к оценке своего знания, нравственного облика и интересов, идеалов и мотивов поведения, к целостной оценке себя как деятеля, как чувствующего и мыслящего существа. При этом самосознание свойственно не только отдельным личностям, но и обществу, классам, социальным группам, поскольку они поднимаются до понимания своего положения в обществе и своих групповых интересов и идеалов. Человек способен осуществлять самоконтроль над собственными поступками, принимать и нести полную ответственность за них. Благодаря этому общество оставляет значительный простор для проявления инициативы и самостоятельности. Регулятором поведения выступают не только органы социального контроля и насилия, но также мораль, правовые нормы и идеология, которые вербализированы и выражены явным, открытым, всем понятным способом²¹.

Этот психический тип вырабатывался постепенно в ходе эволюции. Между ним и мифологическим типом есть много промежуточных форм. Любой тип сознания целесообразнее рассматривать как исторически обусловленную конкретную форму сознания, которая вполне – до определенной поры, разумеется, – соответствовала уровню развития общества и удовлетворяла его нужды. «Примитивное» («архаическое», «варварское») сознание ни в коей мере не примитивно, но оно существенно отличается от современного рационалистического сознания иным способом расчленения и организации действительности, способом, вряд ли менее логичным и последовательным, чем наш, и главное, вполне соответствующим потребностям общества, которое выработало этот тип сознания²². Целостное, интегрированное восприятие мира выступает как «живое знание», как называли подобное знание русские философы В.С. Соловьев, С.Л. Франк или швейцарский психолог К.-Г. Юнг²³.

Мифологическое или рациональное сознание (как и другие типы) не существуют в «чистом» виде. В реальной жизни в них сосуществуют элементы, фрагменты других типов сознания. Мифологическое сознание знает число, хотя абстрактность численных представлений еще относительна: человек представляет себе не числа вообще, а лишь числа определенных предметов; его логика проявляет тенденции, пусть слабые, к созданию более отвлеченных представлений. Лексикон даже самых отсталых племен, изученных европейцами, насчитывает не менее десяти тысяч слов. Эти языки тяготеют еще к конкретным, детализированным, единичным определениям, но в них уже содержатся обобщающие понятия среднего уровня: есть обозначения для дерева, кустарника, травы, но нет обозначения для растения; есть обозначения для рыбы или змеи, но нет обозначения для животного.

Определенные черты мифологического сознания имеют аналогии в продуктах фантазии человека многих исторических эпох. Поэтому, хотя мифологическое сознание доминирует только в архаических культурах, миф в качестве некоего «уровня» или фрагмента присутствует в самых различных культурах, особенно в литературе и искусстве, обязанных ему многим генетически и отчасти имеющим с ним общие черты (например, «метафоризм» и т. п.). «Познавательные возможности мифологического мышления (в частности, его особая “полнота” засчет включения эмоционально-интуитивного начала) и историческое сосуществование мифологического и научного мышления не позволяют рассматривать первое исключительно как несовершенного предшественника второго. <...> Мы можем рассматривать мифологическое и научное мышление синхронически, – справедливо указывает Е.М. Мелетинский, – как два логических “типа” или “уровня”»²⁴. Многие выдающиеся ученые – А. Эйнштейн, И. Кант, Н. Винер, И.П. Павлов и др. – отмечали громадное значение образно-эмоционально-интуитивного начала в своем научном творчестве, то есть по существу признавали наличие в сознании ученого мифологического «уровня» или «фрагмента». «Воображение интуиции, используемое в разумных пределах, остается необходимым вспомогательным средством ученого в его движении вперед, – пишет, например, известный физик Луи де Бройль (1892–1987). – Человеческая наука, по существу рациональная в своих основах и по своим методам, может осуществлять свои наиболее замечательные завоевания лишь пу-

тем опасных внезапных скачков ума, когда проявляются способности, освобожденные от тяжелых оков строгого рассуждения: их называют воображением, интуицией, остроумием»²⁵. Ф. Гальтон (1822–1911) отметил, что в процессе его рассуждений нередко случалось, что он «слышит аккомпанемент слов, лишенных смысла, как мелодия песни может сопровождать мысль». Известный французский математик Ж. Адамар (1865–1963) утверждал, «что слова полностью отсутствуют в моем уме, когда я действительно думаю, когда я слышу или прочитаю вопрос, все слова исчезают точно в тот момент, когда я начинаю думать; слова появляются в моем сознании только после того, как я окончу или заброшу исследование, точно так же как и у Гальтона, и я полностью согласен с Шопенгауэром, когда он пишет: “Мысли умирают в тот момент, когда они воплощаются в слова”»²⁶.

В некоторых случаях подход мифологичных к решению проблем человеческого бытия в рациональном сознании преобразуется в строгий научный метод! Так, кардинальная черта мифологического сознания состоит «в сведении сущности вещей к их генезису: объяснить устройство вещи – значит, рассказать, как она делалась; описать окружающий мир – то же самое, что поведать историю его первотворения. Знание происхождения является ключом к использованию вещи, и знание о прошлом отождествляется с мудростью»²⁷. А что такое генетический метод в современном научном, в частности историческом, исследовании? В своей хронологически-описательной разновидности, когда исследователь реконструирует последовательность событий, тщательно и подробно выясняет происхождение, генезис данного конкретного явления, чтобы его объяснить, генетический метод почти буквально повторяет главнейший путь познания, практиковавшийся мифологичными. А в своей стадильной разновидности, когда исследователь стремится к выявлению и описанию закономерностей и основных этапов определенного процесса, генетический метод является дальнейшим развитием исторического метода познания, свойственного и мифологическому мышлению. Историк полагает: сущность – в прошлом. А ведь точно так же думал и человек бесписьменной культуры. «Психологизм XIX века в своем развитии с необходимостью наталкивается на мифологические первоосновы современного сознания, что дает возможность лишить миф книжной условности и заставить мир архаики и мир цивилизации активно объяснять друг друга»²⁸.

Историческое развитие сознания человеческого вида имеет сходство с развитием психики ребенка в современных развитых странах²⁹. Коренные изменения сознания ребенка происходят по тем же самым линиям: от конкретно-образного восприятия действительности к понятийному, от слияния себя со средой к четкому выделению себя из нее, от восприятия себя объектом воздействия внешних сил к осознанию себя субъектом своих действий, от бессознательного и стихийного поведения к сознательному и самоконтролирующему, от оценки и восприятия себя со слов окружающих к самосознанию и самооценке. Однако, как и в эволюции человеческого сознания, эти изменения в детской психике происходят не автоматически, поскольку они не запрограммированы биологически, а возникают только в процессе обучения, общения со взрослыми и активной деятельности ребенка. Ребенок, не прошедший школьного обучения и не включившийся активно в жизнь взрослых людей с рациональным типом сознания, в отношении мышления и других психических процессов всю жизнь будет находиться на детском или, во всяком случае, на более низком уровне, чем его одноклассники, получившие образование и занимавшиеся активной деятельностью под руководством взрослых.

Известный швейцарский психолог Ж. Пиаже (1896–1980) считает, что человек в своем умственном развитии проходит четыре качественно различные стадии, они последовательно сменяют друг друга и каждая из них опирается на достижения предыдущих.

1. *Сенсомоторная*: в возрасте от рождения до 18 месяцев знание о внешнем мире основано преимущественно на сенсорном опыте и моторной активности, т. е. на информации, воспринятой через органы чувств (глаза, уши, кожу, нос и язык).

2. *Дооперационная*: в возрасте от 18 месяцев до 5 лет у ребенка возникает способность размышлять об объектах и событиях, встречавшихся в его опыте, но отсутствующих в данный момент, и мысленно представлять их в виде картин, звуков, образов, слов и других формах. Обретение способности ментальной репрезентации позволяет детям выйти за пределы наличной ситуации, осознать, например, что предметы существуют, даже исчезнув из поля зрения. Однако во многих аспектах мышление остается алогичным: ребенок не может производить какие-либо операции с полученной информацией; он пользуется перцептивными образами, формирующимися без каких бы то ни было мыслительных

операций и содержащих то, что вытекает из непосредственных чувственных ощущений; он может сосредоточиться лишь на одном аспекте ситуации или объекта.

3. *Стадия конкретных операций*: в возрасте 6–8 лет дети осваивают конкретные операции, посредством которых преобразуется получаемая ими информация. Например, они могут упорядочивать объекты по определенному признаку (ранжирование палочек по длине) или отнести объекты к категориям (роза, ландыш, гвоздика и т. п. – цветы) и др. Они используют операции, обладающие свойствами обратимости, например, понимают, что взяв монеты из копилки, они восстановят их число, добавив столько же, сколько взяли. Дети способны к децентрации – могут сосредоточиться сразу на нескольких свойствах объекта или нескольких аспектах ситуации и оценить отношения между их свойствами и аспектами. Но дети способны размышлять только о непосредственно наблюдаемых материальных вещах и совершать конкретные операции лишь в ситуации «здесь-и-сейчас». Они испытывают затруднения с абстракциями и гипотетическими предположениями.

4. В возрасте от 12 до 15 лет формируется «конечная» стадия интеллектуального развития ребенка – *стадия формальных операций*: он может размышлять не только о наличных, но и о гипотетических ситуациях – что могло бы быть³⁰. Эта стадия может вовсе не появляться или, возможно, появляется в ограниченной, менее общей форме у людей бесписьменных культур и у неграмотных индивидов письменных цивилизаций³¹.

Учащиеся дорастают до операционного мышления только благодаря школе. С чем это связано? Развитие навыков чтения, письма и счета само по себе повышает на порядок умственные способности человека. Чтение предполагает усвоение фонетики и приобретение навыков декодирования алфавита; оно включает также восприятие письменного текста, а письмо – передачу мыслей в письменной форме. Чтение и письмо как формы символической коммуникации развивают внимание, восприятие, память, умение находить ассоциации конкретного контекста с имеющимися знаниями. Символы, являясь соединительными звеньями между формами и смыслами, организуют чувства, переживания и мысли; при помощи символической коммуникации люди связывают внешний мир со своими мыслями и чувствами. Во время письма человек кодирует вещный мир в символы, а во время чтения деко-

дирует его, и благодаря этому он научается размышлять не только о непосредственно наблюдаемых материальных предметах в ситуации «здесь-и-сейчас», но и о гипотетических ситуациях – что могло бы быть. Освоение арифметики дает новый толчок для развития мышления, потому что все математические действия основываются на способности совершать формальные логические операции. Ввиду этого именно освоение навыков чтения, письма и счета поднимает интеллектуальные способности до уровня формальных операций и способствует формированию абстрактного мышления, не привязанного к существующим в данный момент конкретным условиям внешней среды, и посредством его (абстрактного мышления) дает возможность совершать разнообразные мыслительные операции с информацией, которой человек обладает. Человек, образно говоря, отрывается от земли и конкретики. В советское время таких были миллионы.

Роль образования многогранна: оно (при прочих равных условиях) не только воспитывает чувства и учит укрощать эмоции, но преодолевает симпрактичность мышления, делает его более богатым, содержательным, общим и более абстрактным и в то же самое время более дисциплинированным и застрахованным от ошибок. «Мышление необразованного при прочих равных условиях (например, при одинаковом жизненном опыте) более ограничено и менее содержательно, малоспособно к обобщениям и абстракциям, но в то же время более поверхностно, недисциплинированно и склонно к ошибочным объяснениям и неверному пониманию, – зафиксировал известный философ, педагог и психолог П.П. Блонский. – Нет, пожалуй, ни одной интеллектуальной функции, на которую школа и даваемое ею образование влияли сильнее, чем на мышление. И дело не только в даваемых школою знаниях. <...> Школа учит решать задачи, выводить следствия, находить причины. Школа делает человека более опытным в мышлении»³². Подчеркну: здесь ученый имеет в виду исключительно европейскую школу Нового и Новейшего времени, которая ставила целью развитие у учащихся способности к формальным операциям и абстрактному мышлению.

Способности совершать формальные логические операции и абстрактное мышление приобретаются не тотчас после того, как человек научится читать, писать и считать, а после длительного школьного обучения. Полуграмотный человек, едва освоивший грамоту, таких способностей не приобретает. Легендарный гого-

левский Селифан, кучер Чичикова, умел читать, но не понимал прочитанное и не умел рефлексировать. Не Гоголь придумал подобный стиль чтения. Он взял его прямо из жизни. «Грамотные старики слова из слогов складывают, а смысл не понимают – в старину этому не учили. Крестьяне рады бывают послушать «слова Божья», но, имея малое умственное развитие, не понимают прочитанного, и потому у них скоро теряется охота слушать; иные, не теряя терпения, слушают, дожидаясь более понятного места, а другие скоро уходят».

Важно подчеркнуть три обстоятельства. *Во-первых*, «если проблемы, с которыми сталкивается индивид, не требуют способности абстрактного мышления, то она может не получить достаточного развития». Иначе говоря, функциональность абстрактного мышления является важнейшим условием для его развития до уровня формальных операций и концептуального (понятийного) мышления. *Во-вторых*, вместе с когнитивными способностями развиваются *метакогнитивные* умения человека – текущий самоконтроль и саморегуляция, способность размышлять о мыслительных процессах своих и других людей, заниматься самоанализом и самокритикой, анализировать свои поступки в прошлом, связывать их с реальностью настоящего и мысленно переноситься в собственное будущее, рассуждать на высоком моральном уровне³³. В частности, абстрактное мышление приводит к росту или возникновению способности концептуального понимания других людей и к аналогичному возрастанию возможностей самопознания, является «решающим фактором в формировании Я-концепции». *В-третьих*, приобретение и использование когнитивных и метакогнитивных умений имеет биологические предпосылки, состоящие, в частности, в том, что абстрактное логико-знаковое мышление в ходе эволюции человека закрепилось за структурами левого полушария, а наглядно-образное – за структурами правого: «Дифференциация функций закрепляется в мозгу каждого индивида в виде биологических предпосылок к развитию обоих типов мышления порознь в правом и левом полушариях»³⁴. Однако абстрактное логико-знаковое мышление не развивается автоматически, стихийно, неотвратимо и неизбежно под влиянием школьного обучения, а обуславливается конкретными обстоятельствами, средой и культурой, в которой живет человек³⁵. Преодоление симпрактивности мышления в ходе обучения не только детей, но и взрос-

лых подтверждает правоту тех, кто считает, что проблема типа мышления – не только биологическая и генетическая, но и культурная³⁶.

Учет этого обстоятельства проливает свет на характерное для многих варварских обществ и для западноевропейского средневековья игнорирование детства как особого качественного состояния (это проявлялось в том, что взрослые и дети обучались вместе, не было специальной детской одежды, детских игр, ребенок рассматривался как естественный партнер взрослых, а художники изображали детей, как взрослых, только уменьшенного размера)³⁷. Можно допустить, что игнорирование детства определялось не только тем, что средневековому человеку была чужда идея развития и изменения³⁸, но и тем, что в психологическом отношении – по крайней мере, в отношении познавательных процессов – дети и взрослые в средневековом обществе отличались друг от друга не столь существенно (или во всяком случае имели больше общего, чем взрослые и дети в современных индустриально развитых странах). Недостаточно сильное фактическое различие взрослых и детей в психическом отношении, возможно, и послужило дополнительным основанием для того, что дети с семилетнего возраста – именно с того момента, когда в отношении некоторых важных познавательных процессов они приближались к взрослому человеку, – вливались в большую семью взрослых, разделяя со своими друзьями, молодыми и старыми, повседневные труды и развлечения. В развитых европейских странах XVII в., когда взрослые стали значительно отличаться от детей в психологическом и интеллектуальном отношении (в результате специального обучения, образования, усложнения общественной практики и т. п.), по мере роста этого различия – между миром взрослых и миром детей возникла своего рода стена, которая преодолевалась длительным процессом образования и воспитания ребенка³⁹.

Подавляющее большинство русских крестьян в поздней имперской России не прошли систематического школьного обучения. Даже в 1917 г. двое из трех крестьян мужского и женского пола в возрасте 10 лет и старше были неграмотными. По этой причине они еще не вполне обладали когнитивными способностями образованного человека и обладали симпрактическим мышлением. Оно представляет собой практический анализ и синтез и обобщение без отрыва от конкретного. Абстрактное мышление слабо развито, индивид может

оперировать информацией, почерпнутой почти исключительно из своего жизненного опыта и в рамках этого опыта. Однако равнодушные к формальным операциям и к логическим абстрактным рассуждениям не есть неспособность к мышлению: те же самые люди, которым отвлеченная мысль дается с трудом, в тех случаях, когда какой-нибудь предмет представляет для них жизненный интерес, показывают себя рассудительными, умелыми, искусными и изощренными⁴⁰.

Психологи полагают, что говорить об иерархии между типами мышления некорректно – они оперируют разным языком, по-разному контактируют с миром и только во взаимодействии представляют собой единую систему психической деятельности. Однако в зависимости от того, какой тип переработки информации или тип мышления преобладает, возможно право- или левополушарное доминирование. В процессе индивидуального развития под влиянием обучения и социальных контактов правополушарные люди переориентируются в левополушарных⁴¹.

---

¹ *Выготский Л.С.* Поведение животных и человека // Выготский Л.С. Развитие высших психических функций: Из неопубликованных трудов. М., 1960. С. 397–457; *Он же.* Психология развития ребенка. М., 2003; *Выготский Л.С., Лурия А.Р.* Этюды по истории поведения. М., 1930; *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М., 1981. С. 219–435; *Лурия А.Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974; *Он же.* Психология как историческая наука // История и психология. М., 1971. С. 36–62. Эти труды остаются актуальными и в настоящее время: *Фрумкина Р.М.* Культурно-историческая психология Выготского–Лурия. М., 2006.

² *Анциферова Л.И.* К проблеме изучения исторического развития психики // История и психология. М., 1971. С. 63–89. Наиболее плодотворно в этой области из отечественных ученых работал В.А. Шкуратов: *Шкуратов В.А.* Психика. Культура. История: Введение в теоретико-методологические основы исторической психологии. Ростов н/Д., 1990; *Он же.* Историческая психология. Ростов н/Д., 1997; *Он же.* Проблема синтеза культурологии и психологии в исторической психологии. Ростов н/Д., 1996; *Он же.* Новая историческая психология. Ростов н/Д., 2009; *Он же.* Психология в истории культуры и познания. Ростов н/Д., 2011.

³ Большая психологическая энциклопедия: Почему человек ведет себя так, а не иначе: психологические законы человеческого поведения / Э. Аронсон, Т. Уилсон, Р. Эйкерт. СПб., 2008. Биогенетический закон; Большой толковый психологический словарь: The Penguin: В 2 т. М., 2001. Т. 1. С. 397; Т. 2. С. 189–190. Не все ученые принимают полностью этот закон применительно к человеку.

⁴ *Крайг Г.* Психология развития. 7-е изд. СПб., 2000. С. 17; *Ньюкомб Н.* Развитие личности ребенка. СПб., 2002. С. 23–30.

⁵ *Раушенбах Б.В.* Пространственные построения в древнерусской живописи. М., 1975; *Раушенбах Б.В.* Пространственные построения в живописи: Очерк основных методов. М., 1980; *Флоренский П.А.* Обратная перспектива // Труды по знаковым системам. III. Тарту, 1967. С. 381–416.

⁶ *Гуревич А.Я.* Представления о времени в средневековой Европе // История и психология. М., 1971. С. 159–198.

⁷ Понятие «симпрактичность» было введено в научный оборот в кн.: *Романов В.Н.* Историческое развитие культуры: Проблемы типологии. М., 1991. С. 3. Автор выделяет два типа культуры: симпрактический предполагает такой способ транслирования информации, при котором она передается посредством «предметных схем действий» (например, знание о том, как необходимо копать лопатой или плести корзины, передается непосредственным примером), и теоретический, при котором выделяется отдельный канал передачи информации, отстраненный от непосредственной деятельности.

⁸ *Мацумото Д.* Психология и культура. СПб., 2002. С. 135.

⁹ *Романов В.Н.* Историческое развитие культуры. С. 50.

¹⁰ *Леви-Брюль Л.* Первобытный менталитет. СПб., 2002. С. 366.

¹¹ Там же. С. 18.

¹² Там же. С. 364–365. Предположение ученого о существовании специфического дологического мышления и особого «первобытного менталитета, обладающего собственным пространством, собственной причинностью, собственным временем, которые несколько отличаются от наших» встретило возражение некоторых антропологов: *Кабо В.* Круг и крест: Размышления этнолога о первобытной душе. М., 2007. Ч. 3. Первобытное сознание как система [Электронный ресурс]. URL: <http://aboriginals.narod.ru/cc.htm> (дата обращения 08.01.2019).

¹³ *Веселов Ю.В.* Экономическая социология Карла Полаanyi // Полис. 1999. С. 111–115; *Латов Ю.В.* 60-летие «Великой трансформации» Карла Полаanyi // Историко-экономические исследования. 2004. № 3. С. 7–10; *Розинская Н.А.* Методологические проблемы экономической антропологии // Очерки экономической антропологии. М., 1999. С. 92–97.

¹⁴ *Леви-Брюль Л.* Указ. соч. С. 324, 325.

¹⁵ Фромм Э. О происхождении агрессии // Фромм Э. Иметь или быть? Ради любви к жизни. Анатомия человеческой деструктивности. М., 2004. С. 270–293.

¹⁶ *Периц А.И., Монгайт А.Л., Алексеев В.П.* История первобытного общества. М., 1974. С. 123.

¹⁷ *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М., 1976. С. 167, 168.

¹⁸ *Леви-Брюль Л.* Указ. соч. С. 319, 321.

¹⁹ *Фрэзер Д.Д.* Золотая ветвь: исследования магии и религии. М., 1980. С. 60.

²⁰ Обстоятельный анализ мифологического сознания см.: *Леви-Брюль Л.* Указ. соч. С. 11–21, 352–367; *Мелетинский Е.М.* Указ. соч. С. 164–168. При характеристике культурно-исторических типов сознания я опирался прежде всего на эти работы, а также на: *Белецкая Н.Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978; *Белик А.А.* Культурная (социальная) антропология. М., 2009; *Брунер Дж.* Психология познания: За пределами непосредственной информации. М., 1977. С. 320–358; *Иорданский В.П.* Хаос и гармония. М., 1982; *Кассирер Э.* Философия символических форм: В 3 т. Т. 2. Мифологическое мышление. М.; СПб., 2002; *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М., 1983; *Леви-Стросс К.* Мифологические // Семиотика и искусствометрия. М., 1972. С. 25–49; *Мосс М.* Общество. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 1996; *Он же.* Социальные функции священного. СПб., 2000; *Стеблин-Каменский М.И.* Миф. Л., 1976; *Фрэзер Д.Д.* Указ. соч. С. 20–73.

²¹ *Лебедев Б.К.* Исторические формы социальных типов личности. Казань, 1976. С. 134–170; *Лой А.Н.* Социально-историческое содержание категорий «время» и «пространство». Киев, 1978. С. 78–85; *Кон И.С.* Открытие «я». М., 1978. С. 183–224.

²² *Гуревич А.Я.* Социальная психология и история: Источниковедческий аспект // Источниковедение: Теоретические и методологические проблемы. М., 1969. С. 398.

²³ *Сухорчук Г.Д.* Восток – Запад: историко-психологический водораздел // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 32.

²⁴ *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. С. 153, 167. О роли эмоций см.: Эмоции и отношения человека на ранних этапах развития / Р.Ж. Мухамедрахим (ред.). СПб., 2008.

²⁵ Цит. по: *Хильми Г.Ф.* Поэзия науки. М., 1970. С. 28.

²⁶ *Адамар Ж.* Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М., 1970. С. 66, 72.

²⁷ *Мелетинский Е.М.* Указ. соч. С. 172, 173.

²⁸ *Аверинцев С.* Аналитическая психология К.Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // Вопросы литературы. 1970. № 3. С. 117.

²⁹ Брунер Дж. Указ. соч. С. 359–376.

³⁰ Ньюкомб Н. Указ. соч. С. 175–177. См. также: Психология детства / А.А. Реан (ред.). СПб., 2003.

³¹ Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление: Психологический очерк. М., 1977. С. 42.

³² Блонский П.П. Память и мышление // Блонский П.П. Избранные психологические произведения. М., 1964. С. 281.

³³ Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М., 1986. С. 82, 105, 115, 215, 595.

³⁴ Аршавский В.В. Межполушарная асимметрия в системе поисковой активности: (К проблеме адаптации человека в приполярных районах Северо-Востока СССР). Владивосток, 1988. С. 7; Ершова Г.Г. Асимметрия зеркального мира. В развитие программы В.П. Алексеева. М., 2003. С. 100–104.

³⁵ Graff H.J. Introduction to Historical Studies of Literacy // Understanding Literacy in its Historical Contexts: Socio-Cultural History and the Legacy of Egil Johansson. Lund, 2009. P. 15–17.

³⁶ Иванов В.В. Нейропсихологические модели и возможность их применения к истории русской средневековой культуры // Московская Русь (1359–1584): культура и историческое самосознание. М., 1997. С. 181–202. Иванов оспаривает утверждения о недоразвитости у наших предков левого полушария головного мозга, отвечающего за логические и математические способности. Против концепции «невегласия» – недостаточного интеллектуального уровня древнерусской культуры выступил также: Симонов Р.А. Хронология и метрология Древней Руси в свете новых памятников математической культуры // Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления: Материалы XVIII научной конференции. Москва, 26–28 января 2006 г. М., 2006. С. 82–92. Смысл концепции «невегласия» изложен в: Шпет Г.Г. Очерк истории русской философии // Очерки истории русской философии. Свердловск, 1991. С. 225–260. Возражения против концепции «невегласия» применительно к древнерусской философско-математической мысли см.: Симонов Р.А. Древнерусская математическая культура: новые материалы: «Невегласие» культуры Древней Руси: за и против // Книгочей. М., 2001. С. 4–16. См. также: Иванов В.В. Культурная антропология в системе наук: Программа нового гуманитарного образования // Антропология культуры. 2002. Вып. 1. С. 9–31.

³⁷ Ариес Ф. Возрасты жизни // Философия и методология истории. М., 1977. С. 216–245; Идеология феодального общества в Западной Европе: Проблемы культуры и социально-культурных представлений в современной зарубежной историографии. М., 1980. С. 273–291.

³⁸ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. С. 279–280.

³⁹ *Крайг Г.* Психология развития. С. 31–34.

⁴⁰ *Миронов Б.Н.* Познавательные способности русских крестьян доиндустриальной эпохи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 4. С. 1047–1081.

⁴¹ *Аршавский В.В.* Межполушарная асимметрия... С. 97; *Ротенберг В.С.* Функциональная асимметрия мозга человека (психофизиологические аспекты) // Итоги науки и техники. Сер.: Физиология человека и животных. М., 1989. С. 145–236; *Ротенберг В.С., Бондаренко С.М.* Функциональная асимметрия полушарий мозга, типы мышления и обучение // Ротенберг В.С., Бондаренко С.М. Мозг. Обучение. Здоровье: Книга для учителя. М., 1989. С. 158–177.

Математическое моделирование межкультурных отношений

Ю.И. Бродский

Федеральный исследовательский центр
«Информатика и управление» РАН,
г. Москва

***Аннотация.** В работе высказываются соображения о применении математических методов в гуманитарной области. Процесс взаимодействия двух культур моделируется уравнениями конкуренции Лотки-Вольтерры. Обсуждается важное свойство социальных процессов, отличающее их от биологических, – изменение параметров культуры в процессе межкультурного взаимодействия может оказаться одним из механизмов управления, позволяющим культуре выжить в условиях, когда биологическая популяция бы погибла. Один из самых интересных выводов моделирования, – мы практически всегда неверно оцениваем ситуацию при взаимодействии с чужой культурой, пытаясь сравнить ее со своей и измерить своей. Так происходит из-за того, что чужую культуру «в себе» мы не знаем, а наблюдаем лишь ее отношение к нам, с которым постоянно сталкиваемся.*

***Ключевые слова:** взаимодействие культур, математическое моделирование, двойные стандарты, мягкая сила, толерантность, нетерпимость*

Введение. О математическом моделировании в гуманитарной области

Вслед за своими учителями Н.Н. Моисеевым и Ю.Н. Павловским автор считает, что в гуманитарной области исследователь обычно сталкивается с более сложными задачами, нежели в области естественных наук. Приведем цитату Ю.Н. Павловского: «...те системы, для которых существуют общепризнанные адекватные математические модели, будут называться *простыми*. Те системы, для которых таковых не существует, однако

их адекватный прогноз могут осуществлять "имеющие с ними дело" специалисты, будут называться *сложными*. Методы, использующиеся такими специалистами для прогноза поведения сложных систем, будут называться *гуманитарными*¹.

Почему гуманитарная область сложнее? Такое мнение может показаться как минимум спорным, например, тем, кто считает, что если школьнику не дается математика, – то у него «гуманитарный» склад ума. Однако, автор и его учителя не одиноки в своем мнении. Одному из выдающихся математиков XX в. Дж. фон Нейману принадлежит следующий афоризм: «Если люди не верят, что математика – это просто, то лишь потому, что не осознают, насколько сложна жизнь». Попытаемся пояснить высказанное мнение.

В 30-х годах XX в. К. Геделем была доказана теорема о неполноте. Она утверждает, что в любой формальной системе сложнее арифметики обязательно найдется синтаксически правильное утверждение, истинность которого недоказуема и непроверяема внутри этой системы. На обычный язык смысл этой теоремы хорошо передает следующий афоризм Н. Бора: «Есть два вида истины – тривиальная, отрицать которую нелепо, и глубокая, отрицание которой – тоже глубокая истина».

С подобной глубокой истиной математика столкнулась впервые в попытке обосновать или опровергнуть Пятый постулат Евклида, что привело в XIX в. к появлению неевклидовых геометрий. На взгляд автора, гуманитарный дискурс со времен Сократа и до наших дней в основном занимается именно такими, «глубокими» в смысле Н. Бора истинами, правда, далеко не всегда успешно. Часто неуспех бывает обусловлен неразвитостью языка, на котором ведется дискурс, например, отсутствием или недостатком в нем средств типизации, позволяющих различать рассматриваемые сущности. В этом смысле моделирование вообще и математическое моделирование в частности всегда развивает язык, созданные и изученные модели затем становятся элементами языка дискурса предметной области моделирования.

Многие мудрецы разных времен и народов считали, что в любой науке столько истины, сколько в ней математики, поэтому попытки применения математических методов для изучения гуманитарных процессов известны давно.

Одной из таких попыток можно считать «Этику» Б. Спинозы². В ней знаменитый философ попытался построить аксиоматическую

теорию – дать строгие «математические» определения философским категориям с тем, чтобы впоследствии на их основе доказывать леммы и теоремы в духе геометрии Евклида и таким образом получать математически доказанные философские истины.

На наш взгляд, генератора истин не получилось. Некоторые соображения по этому поводу высказаны в работе³. Главное из них – чрезмерное упование на чудодейственность метода «математических» доказательств без попыток отразить в структуре математической модели связи философских категорий, закладываемых в ее основу определениями. При этом нельзя сказать, что само по себе желание построить аксиоматическую теорию чего-либо ущербно. Например, замечательные успехи были достигнуты при построении аксиоматической термодинамики. Видимо, дело в том, что в последнем случае имело место более отчетливое исходное представление о предметной области.

Доказательство теорем – одна из важнейших техник математики, дающая ее выводам силу непреложности. Тем не менее суть математики не в доказательствах, а в выявлении структур, объединяющих изучаемые объекты. По словам одного из величайших математиков всех времен и народов А. Пуанкаре, «математика – это искусство называть разные вещи одним и тем же именем».

На наш взгляд, в начале исследования, когда представления о его предметной области еще достаточно смутные, гораздо плодотворнее с помощью аналогий строить «математическую мифологию» изучаемого явления – искать отображение части атрибутов объекта моделирования на множество характеристик упрощенной математической модели так, чтобы ее структура передавала наблюдаемые связи между исходными атрибутами.

В результате можно получить серию простых моделей, казалось бы, не связанных между собой, структура каждой из которых отражает один или несколько аспектов изучаемого сложного объекта, в духе: «Царство Небесное подобно зерну горчичному... Мф 13:31-32; Царство Небесное подобно закваске... Мф 13:33» и т. д. Такой подход свойственен не только христианству, но древнему мифологическому сознанию вообще. Любая мифология дает набор моделей космогенеза, антропогенеза, истории на доступном для слушателя языке. Упрощение (иногда весьма значительное) в мифологии имеет место, но оно никогда не «убивает» глубину процессов предметной области.

Затем наступает этап связывания некоторых из этих простейших моделей в более сложные, в каких-то областях появляются стройные аксиоматические теории. Но даже в физике, наиболее математизированной из естественных наук, мы имеем четыре независимые друг от друга модели основных взаимодействий, а о теории их объединения пока лишь мечтаем.

Одной из таких простейших моделей-«мифов» применительно к явлению межкультурного взаимодействия можно считать уравнения конкуренции, впервые рассмотренные А. Лоткой и В. Вольтеррой⁴ в 20-х гг. XX в.

Уравнения конкуренции и связанная с ними дифференциальная игра

Под культурой будем понимать ее этологический аспект – способ поведения, набор стандартных для данной культуры ответов на стандартные запросы среды. За основу берется известная в биологии модель А. Лотки – В. Вольтерры, где две популяции конкурируют за ограниченный, жизненно важный, но не конкретизируемый ресурс.

$$\frac{dN}{dt} = \alpha N \left(1 - \frac{N}{N^*} - m \frac{M}{M^*}\right), \quad \frac{dM}{dt} = \beta M \left(1 - \frac{M}{M^*} - n \frac{N}{N^*}\right). \quad (1)$$

Элементами изучаемых культур в этой модели можно считать мальтузианские коэффициенты α и β , определяющие скорость роста популяции в отсутствие конкуренции; емкости среды N^* и M^* , определяющие силу конкурентного давления в популяциях и коэффициенты двойных стандартов n и m (ранее они были названы коэффициентами нетерпимости⁵), определяющие во сколько раз конкурентное давление на «чужих» больше или меньше такого давления на «своих».

Отличие социальных процессов от биологических в том, что конкуренты откликаются на ситуацию на «быстрых» временах, превращая хорошо известную из математической биологии статическую систему дифференциальных уравнений в позиционную кооперативную дифференциальную игру, выигрышами которой можно считать предельные численности популяций, а управлениями – доступные

игрокам внешние переменные модели – элементы конкурирующих культур.

Возникает вопрос – если считать основные характеристики культур α , N^* , n и соответственно β , M^* , m управлениями, то от чего эти управления должны зависеть? Дело здесь в том, что в предметной области далеко не все характеристики одной стороны могут быть непосредственно наблюдаемы другой стороной. Например, стороне N непосредственно даются величины N и M – численности сторон, которые нетрудно измерить, а также $m \frac{M}{M^*}$ – сила, с которой M «давит» на N . Отметим важность того

факта, что величину $m \frac{M}{M^*}$ сторона N воспринимает всю целиком, не имея возможности вычленить из нее по отдельности m и $\frac{M}{M^*}$. Что же касается характеристик β , M^* и тем более m – для их измерения даже в статическом варианте (1), т. е. когда они константы, а не управления, требуются глубокие знания чужой культуры изнутри, – тем сложнее измерить их, если они стали управлениями и меняются на быстрых временах. Аналогично считаем, что сторона M умеет отслеживать величины N , M и $n \frac{N}{N^*}$. Получаем следующие дифференциальные ограничения игры:

$$\begin{aligned} \frac{dN}{dt} &= \alpha(N, M, m \frac{M}{M^*}) N \left(1 - \frac{N}{N^*(N, M, m \frac{M}{M^*})} - n(N, M, m \frac{M}{M^*}) \frac{N}{N^*(N, M, m \frac{M}{M^*})} \right) \\ \frac{dM}{dt} &= \beta(N, M, n \frac{N}{N^*}) M \left(1 - \frac{M}{M^*(N, M, n \frac{N}{N^*})} - m(N, M, n \frac{N}{N^*}) \frac{M}{M^*(N, M, n \frac{N}{N^*})} \right) \end{aligned} \quad (2)$$

Двойные стандарты

Анализ системы уравнений конкуренции А. Лотки – В. Вольтерры показывает, что качественно различные типы решений системы (1) зависят исключительно от коэффициентов двойных стандартов n и m – от принадлежности их к тем или иным допустимым диапазонам их изменения. Было показано, что имеет смысл различать следующие диапазоны изменения коэффициентов двойных стандартов.

Таблица 1

Диапазоны коэффициентов двойных стандартов

$(-\infty, 0)$	$[0, 1)$	1	$(1, \infty)$
Сверхтолерантность	Толерантность	Отношение без предубеждений и предпочтений	Нетерпимость

Выбор диапазона коэффициентов двойных стандартов можно в первом приближении считать стратегией в конкурентной игре.

В биологических системах можно ограничиться анализом (1). Такой анализ говорит⁶, что при $n, m < 1$ траектория системы на бесконечности приходит в устойчивый узел с координатами

$$\bar{N} = N^* \frac{1-m}{1-nm}, \quad \bar{M} = M^* \frac{1-n}{1-nm},$$

т. е. обе популяции могут сосуществовать. Неравенство $n, m < 1$ в предметной области модели означает, что популяции расходятся по разным экологическим нишам (например, одна больше налегает на обобщенные «вершки», а другая – на «корешки», чем и объясняется меньшая конкуренция с «чужими»).

Если популяции не хотят расходиться по разным экологическим нишам, $n, m > 1$, траектория системы придет на бесконечности (исключая маловероятный случай, что начальные условия оказались на сепаратрисе седла) в один из узлов с координатами $N = N^*, M = 0$ или $N = 0, M = M^*$. В предметной области это означает, что выживает лишь одна популяция. Этот факт известен в

математической биологии как принцип конкурентного исключения Г.Ф. Гаузе⁷.

Если имеет место $n > 1$, $m < 1$ или наоборот, $n < 1$, $m > 1$, толерантная сторона (< 1) не имеет шансов при любых начальных условиях и значениях остальных параметров. Траектория системы приходит в узел нетерпимой (> 1) стороны.

Обоюдное отношение без предубеждений и предпочтений, $n = m = 1$ – то, что требует евангельская заповедь «...возлюби ближнего твоего, как самого себя», Матф. 22:39, Мар. 12:31, Лук. 10:27. В этом случае на бесконечности остаются обе культуры. Их предельные численности задает точка пересечения кривой

$$N^\beta = \frac{N_0^\beta}{M_0^\alpha} M^\alpha \text{ и прямой } N = N^* - \frac{N^*}{M^*} M. \text{ Стоит заметить, что в}$$

реальности удержать строгое равенство гораздо труднее, чем неравенство. Нужна специальная система управления, иначе любая случайная флуктуация превратит равенство в то или иное неравенство.

Интересно, что все эти случаи (четыре, с учетом замечания к последнему) покрываются одной гуманитарной формулировкой известного в биологии принципа конкурентного исключения Г.Ф. Гаузе: «Два вида не могут существовать вместе в одной экологической нише; один из них через какое-то время обязательно вытеснит другой»⁸. Стало быть, с точки зрения цитаты А. Пуанкаре во введении, формулировка подобного принципа есть проявление настоящего искусства математики.

Перейдем теперь к социальным системам. Дифференциальная игра с ограничениями (2), описывающая взаимодействие культур, является гораздо более сложным математическим объектом, нежели система (1) уравнений конкуренции⁹. В результате то, что было устойчивым в статической системе уравнений (например устойчивый узел), теряет устойчивость. Приобрести же устойчивость (стать равновесием игры) может точка фазовой плоскости, без какого-либо намека на устойчивость в статической системе уравнений А. Лотки – В. Вольтерры.

Результатом таких отличий является то, что в социальных системах могут выживать культуры в условиях крайней нетерпимости к ним (например, криминальная культура), обреченные на вымирание при таком к ним отношении в биологических системах.

Одним из самых интересных выводов из анализа игры является то, что в межкультурном взаимодействии мы постоянно неверно оцениваем игровую позицию, сравнивая чужую культуру со своей. Это зачастую приводит к одному из проявлений «мягкой силы»: культура, оказывающая в данный момент меньшее конкурентное давление, нежели своя, может быть принята за дружественную, а большее давление – за враждебную. Верная же оценка дружественности или враждебности чужой культуры – в сравнении ее коэффициента двойных стандартов с единицей¹⁰.

На основании этого факта возникает возможность манипулировать соперником с помощью так называемой «мягкой силы».

Мягкая сила

В основе мягкой силы лежат культурные ценности, способные побудить других «хотеть того, чего хотите вы». Мягкая сила позволяет добиваться от того, к кому она применяется, желаемых результатов, при его добровольном вовлечении в предлагаемые действия, за счет их привлекательности для него. Считается, что в современный научный обиход это понятие было введено Джозефом Наем (J. Nye), однако близкие идеи встречались как в XX в., например, у А. Грамши, так и гораздо раньше, на заре исторического периода, например у Лао Цзы.

Взглянем на игровую ситуацию, например, глазами представителя культуры N . Во-первых, ему хорошо известна величина

$\frac{N}{N^*}$ – это то, как принято в его культуре относиться к своим – то, чему всех учат с детства.

Во-вторых, известна ему также величина

$m \frac{M}{M^*}$ – это то, что наблюдается непосредственно, при столкновениях с представителями культуры M .

Скорее всего, эти величины

неодинаковы ($\frac{N}{N^*} \neq m \frac{M}{M^*}$) – на то и разные культуры.

Далее, вполне естественно предположить, что если

$\frac{N}{N^*} > m \frac{M}{M^*}$, то это нравится представителю культуры N – всем

обычно нравится, когда давление на них ослабевает. Возможно, он оценивает эту ситуацию примерно так: «Ах, какие милые и воспитанные люди эти M – не то, что мои грубые и неотесанные соплеменники!»

Наоборот, если $\frac{N}{N^*} < m \frac{M}{M^*}$, скорее всего представителю

культуры N это не понравится – вряд ли кому нравится давление большее привычного. Скорее всего, он подумает: «Ну и дикари эти M ! С ними невозможно жить рядом! Они совершенно не умеют себя вести!»

На самом деле и первая и вторая оценки могут быть глубоко ошибочными – в системах (1) и (2) от соотношения между величинами $\frac{N}{N^*}$ и $m \frac{M}{M^*}$, как впрочем и между $\frac{M}{M^*}$ и $n \frac{N}{N^*}$, вообще говоря, ничего не зависит. На самом деле все определяется исключительно коэффициентами двойных стандартов n и m .

Например, если $\frac{N}{N^*} > m \frac{M}{M^*}$, но при этом $m > 1$ (нетерпимость к N) – ситуация может оказаться опасной и даже губительной

для культуры N , со временем она может быть полностью вытеснена и замещена «милыми и воспитанными» людьми, особенно если обольстившись меньшим конкурентным давлением «чужих»

$\frac{N}{N^*} > m \frac{M}{M^*}$, культура N выберет толерантное к ним отношение $n \leq 1$.

Наоборот, при $\frac{N}{N^*} < m \frac{M}{M^*}$ и даже $\frac{N}{N^*} \ll m \frac{M}{M^*}$, если $m < 1$

– для культуры N нет опасности исчезнуть рядом с культурой M , наоборот, если при этом $n > 1$ – культура N со временем вытеснит конкурента.

Однако, в системе (1) коэффициенты n и m не наблюдаются непосредственно. Представителю культуры N для того чтобы определить m необходимо сравнить данное ему в ощущениях

$m \frac{M}{M^*}$ с $\frac{M}{M^*}$, а про последнюю величину ему, как правило, ничего

неизвестно – в детстве его учили совсем другому – $\frac{N}{N^*}$! Изучение чужих культур – удел достаточно узкого круга специалистов, при этом результат его не всегда успешен.

Указанная систематическая ошибка в оценке игровой позиции иллюстрирует возможность применения «мягкой силы» в межкультурных отношениях – «мягкую нетерпимость» ($n, m > 1$, при $n \frac{N}{N^*} < \frac{M}{M^*}$ или $\frac{N}{N^*} > m \frac{M}{M^*}$) – способность «понравиться» сопернику меньшим конкурентным давлением на него, навязать ему свою культуру и заставить его добровольно действовать в чужих интересах, во вред ему самому.

Выводы

О взаимодействии культур можно сказать, что в идеале оно определяется уже упомянутой евангельской заповедью. Правда, в реальных отношениях оказывается, что эту заповедь мы не понимаем, а скатываемся к требованию относиться к нам так, как нам представляется удобным.

Поведение модели зависит в основном от соотношения между собой и с единицей коэффициентов двойных стандартов культур. Видимо поэтому двойные стандарты прочно вошли в международную политику, как эффективный (до тех пор, пока соперник не поведет себя так же) инструмент управления. Наличие двойных стандартов – более сильная конкуренция с «чужими», чем со «своими», опасна для этих «чужих» возможностью их исчезновения из системы.

При взаимном толерантном отношении (более слабая конкуренция с «чужими», чем со «своими») культуры могут сосуществовать вместе. Собственно, это и происходит в биологии, при расхождении разных видов, существующих на одной территории, по разным экологическим нишам.

При столкновении толерантной культуры с нетерпимой у толерантной нет шансов выжить.

При рассмотрении социальных сообществ важной становится возможность сторон реагировать на ситуацию на быстрых временах, меняя доступные параметры взаимодействия, в первую

очередь – коэффициенты двойных стандартов. В этом случае модель из характерной для биологической конкуренции видов системы дифференциальных уравнений (1) превращается в позиционную дифференциальную игру – более сложный математический объект.

Игровой подход может дать культуре шанс существовать в условиях сильной нетерпимости к ней, что невозможно в биологических системах.

Один из самых интересных выводов из анализа модели – оказывается, мы практически всегда неверно оцениваем игровую позицию при взаимодействии с чужой культурой, пытаюсь сравнить ее со своей и измерить своей. Так происходит из-за того, что чужую культуру «в себе» мы не знаем, а наблюдаем лишь ее отношение к нам, с которым постоянно сталкиваемся.

Модель учит не подходить к чужой культуре с мерками своей. Такой подход неинформативен и потому неверен: прогноз динамики модели совершенно не определяется сравнением чужой культуры со своей. Единственно верной мерой «чужой» культуры оказывается сама эта культура. Можно сказать, что эта ошибка возникает из-за непонимания нами упомянутой выше евангельской заповеди – мы требуем, чтобы к нам относились так, как мы привыкли, поэтому не принимаем равного, но неприятного нам отношения со стороны чужой культуры. В то же время мы готовы обольщаться приятным нам, но тем не менее худшим, чем к «своим», отношением к нам иной культуры, что опасно, при сосуществовании в одной системе с такой культурой.

Чужие культуры необходимо изучать, но не с целью безусловного повышения толерантности к ним, как модно было писать в работах 1990-х гг. на эту тему, а с целью верного понимания ситуации, складывающейся при взаимодействии с этими культурами. Например, чтобы не стать объектом манипуляций с помощью «мягкой силы», или наоборот, не отказаться от полезного сотрудничества с какой-то культурой, испугавшись ее проявляющейся по отношению к нам «брутальности».

¹ Белотелов Н.В., Бродский Ю.И., Павловский Ю.Н. Сложность. Математическое моделирование. Гуманитарный анализ. М., 2009. С. 320.

² Спиноза Б. Этика М., 2001. С. 336.

³ Бродский Ю.И. О математическом моделировании в гуманитарной сфере // Моделирование, декомпозиция и оптимизация сложных динамических процессов. 2016. Т. 31. № 1 (31). С. 203–219.

⁴ Вольтерра В. Математическая теория борьбы за существование. М., 1976. С. 287.

⁵ Бродский Ю.И. Толерантность и нетерпимость с точки зрения системной динамики и исследования операций. М., 2008. С. 53.

⁶ Там же.

⁷ Gause G.F. The Struggle for Existence. Baltimore, 1934. P. 163.

⁸ Ibid.

⁹ Бродский Ю.И. Межкультурное взаимодействие как позиционная дифференциальная игра // Моделирование, декомпозиция и оптимизация сложных динамических процессов. 2013. Т. 28. № 1 (28). С. 124–141.

¹⁰ Бродский Ю.И. Мягкая сила и двойные стандарты в математической модели межкультурного взаимодействия // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость: Материалы V Все российского социологического конгресса. М., 2016. С. 4251–4257.

Феномен культурной революции: к постановке проблемы

Г.Г. Ершова
Российский государственный
гуманитарный университет,
г. Москва

***Аннотация.** В статье рассматривается феномен культурной революции в качестве особого социального механизма, проявляющегося в ключевые моменты исторического развития и выполняющего функции переориентирования социума на реализацию задач модернизации. Культурная революция – это перманентный процесс эволюции человеческого общества, и в качестве первого такого явления известна так называемая неолитическая революция. Сюда же в историческом ракурсе можно отнести все ключевые изменения сломов эпох, как, например, цикл буржуазных революций в Европе. Однако осью анализа становится опыт социалистической революции в России в силу уникальности условий для социально-эпистемологических выводов. Уникальность состоит в синхронном для постреволюционного периода практическом подтверждении результатов сформулированной гипотезы, по сути являвшейся ответом на вызовы времени. Термин и понятие вошли в культурный, социальный и политологический оборот в период революции 1917 г. и впервые были раскрыты В.И. Лениным. Тем самым феномен культурной революции возник как самостоятельный объект изучения. Этот феномен в качестве универсального механизма обладает своими законами, динамикой развития и характеризуется исторически детерминированными способами проявления. Культурная революция в ее естественном проявлении относится к основной закономерности смены исторических эпох в антропосистеме в целом. Одной из ее характеристик является не одномоментность, заявляемая лидерами преобразований, но усилия по охвату всего населения территории новыми знаниями, навыками и мотивациями. Однако политические эксперименты последнего столетия свидетельствуют о возникновении подменных социальных технологий, которые можно определить как «эрзац-культурную революцию», проводимую через новую идеологию, например идеологию глобализации.*

***Ключевые слова:** культурная революция, социальный механизм, революция 1917 г., социальные технологии, антропосистема, историческое развитие, смена эпох, устойчивое развитие, идеология глобализации*

Понятие «культурная революция» прочно вошло в гуманитарное знание. Термин отметил свое столетие в 2017 г., появившись в качестве лозунга в манифесте анархистов братьев Гординых¹, однако введение его в научный оборот принадлежит В.И. Ленину². За столетие появилось немало определений феномена. Одно из наиболее полных, но не бесспорное, определяет культурную революцию как «коренные изменения в духовной жизни общества, преобразование и смену базовых ценностей господствующего уклада и образа жизни, сопровождающие (или предваряющие) переворот в социально-экономической и политической сферах...»³ Предлагаемое определение универсально, однако смешивает два разных явления – универсальный социальный механизм и специфическую социальную технологию, о чем пойдет речь позже. Эта неточность указывает на недостаточную до настоящего времени изученность феномена.

Совершенно очевидно, что феномен является не частным, региональным, но универсальным, применимым для анализа любой исторической эпохи. Именно этот фактор определяет актуальность проблемы исследования, так как вскрытие универсальных закономерностей социального развития позволяет строить грамотный прогноз, что особенно важно в условиях нестабильности современного мира.

В качестве источников привлечены материалы по событийному ряду и научные существующие публикации по культурным трансформациям разных периодов и регионов, начиная с «неолитических революций» и до наших дней. Однако в основе лежит анализ феномена социалистической культурной революции. В историографии выделяются такие феномены, как «советская культурная революция», «французская культурная революция», «китайская культурная революция» и т. д. Привлекаются материалы эмоционально субъективных оценок культурной революции, пытающихся определить функциональность явления. В позитивном восприятии «культурная революция» предполагала созидательное начало, поскольку *cultura* может означать *возделывание, воспитание, развитие*. Негативная версия, которой придерживался Н. Бердяев, акцентировала второй компонент выражения: «культурная революция» как переворот, разрушительное начало. Истоки этой функциональной двойственности восходят к Французской Революции⁴. Объект исследования предполагает использование

материалов по анализу различных аспектов феномена: задачи культурной революции в историческом процессе и эволюции антропосистемы, функциональная нагрузка, формы проявления, состояние социума, социальная роль, особенности конкретных проявлений в историческом процессе, сферы применения, эффект от реализации, последствия от отказа проведения, индивидуальное и коллективное отношение членов социума к мероприятиям культурной революции, а также ее имитация.

Решение поставленных задач основано на принципе историзма. Методологически решить эту задачу позволяет антропосистемный анализ как сочетание историко-генетического, историко-типологического и историко-системного методов. Широко привлекаются методы статистического и демографического анализа. Антропосистемный анализ является чрезвычайно продуктивным методом, основанным на междисциплинарности. Опыт событий истекшего века с привлечением диахронных типологических аналогий позволяет выстроить методологическую схему анализа феномена культурной революции в качестве механизма самоорганизации и трансформации антропосистемы и использовать особый метод анализа⁵. Объектом такого анализа может быть как целостная история человечества Земли, так и любой фрагмент социосистемы⁶. Устойчивость как антропосистемы, так и подсистем оценивается через баланс функций сохранения и изменения системы, ее постоянное развитие, объективным критерием которого является средняя продолжительность жизни. Развитие антропосистемы определяется через корреляцию между средней продолжительностью жизни и потреблением энергоносителей (рис. 1)⁷.

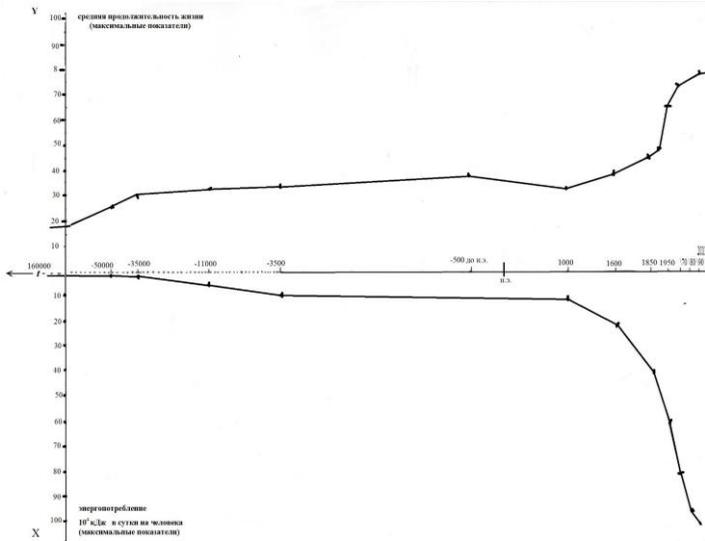

Рис. 1. Зависимость продолжительности жизни от потребления энергоносителей в процессе развития антропосистемы
Изображение из личного архива Г.Г. Ершовой

Историческая ось выстраивается через развитие знаний и технологий, что можно представить в виде экспоненты, свидетельствующей о нарастающей во времени скорости процессов⁸ (рис. 2).

Представленный в схеме экспоненциальный рост в развитии АС соответствует закону Мура⁹, принципу Р. Курцвейла¹⁰ и выводам В. Винджа о принципе технологической сингулярности¹¹. Механизмом, связывающим компоненты антропосистемы и обеспечивающим ее развитие, является культурная революция, узловые проявления которой совпадают со сменами эпох, трансформирующих всю систему.

Таким образом, антропосистемный метод позволяет решить поставленную задачу определения роли культурной революции как механизма историко-культурных и социальных трансформаций в эволюции человечества.

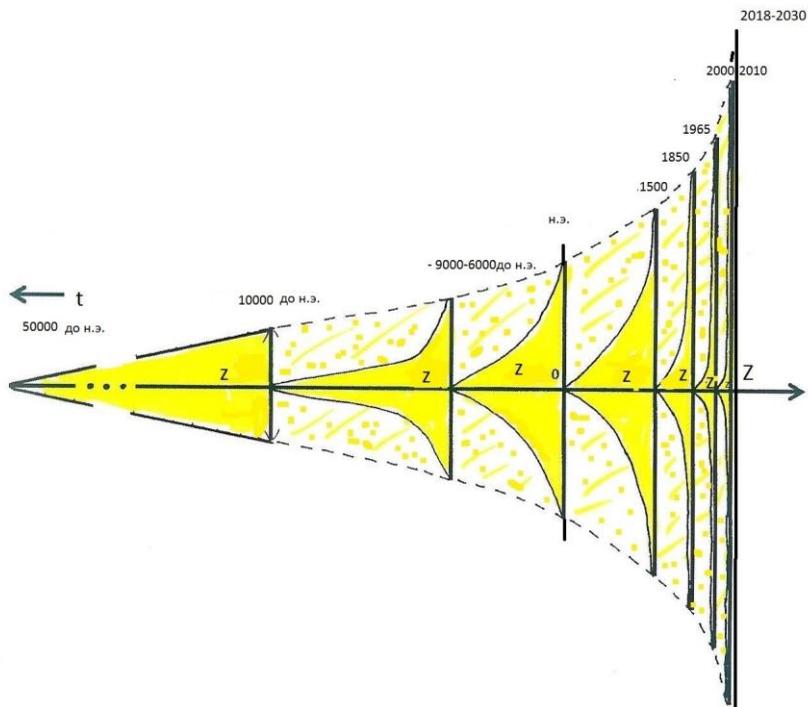

Рис. 2. Ускоряющаяся смена эпох в историческом процессе, представленном по оси развития знаний и технологий
Изображение из личного архива Г.Г. Ершовой

Историографию феномена культурной революции можно поделить на два блока. Первый блок – это документированные источники, синхронные культурной революции. Они отличаются исключительной достоверностью и отсутствием каких-либо спекулятивных выводов в силу значения этих работ в качестве инструкций к практической реализации культурной революции. Первым, кто понял и сформулировал значимость проблемы, стал В.И. Ленин, расценивавший необходимость культурной революции не только как вопрос жизни и смерти нового государства, но и как универсальный социальный механизм трансформации общества. Ключевыми работами являются статьи послереволюционного периода¹². К этой же группе можно отнести и хроники свидетелей.

Иногда они носят публицистический характер, как например очерк Г. Уэллса¹³. В рассматриваемой теме художественные произведения также выступают в качестве исторического источника, отражая состояние общества и умов в эпоху великих социальных и культурных потрясений. Сюда можно отнести таких авторов, как М. Булгаков, А. Толстой, М. Шолохов, А. Платонов, И. Бунин, А. Макаренко и даже фантаст А. Богданов. К первичной группе источников относятся данные исторических наук, включая археологию и антропологию¹⁴.

Второй блок – это исследования феномена культурной революции и культурных трансформаций в рамках раскрытия основной исторической темы. Работы, синхронные событиям революции, являются первыми достаточно эмоциональными попытками осмысления феномена¹⁵. Современные исследования отличаются аналитическим подходом и целостным видением проблемы¹⁶. Важна всесторонняя статистическая оценка акторов событий¹⁷. Все аспекты Октябрьской революции подробно и всесторонне изучались на протяжении прошедшего века: событийная история, причины и поводы, теоретические подходы организаторов и их оппонентов; цели и идеалы идеологов, лозунги и технологии, планы предполагавшихся преобразований во всех сферах жизни страны и общества. 2017 год стал знаковым для подведения итогов знаменательной эпохи, что нашло отражение в объемном сборнике «Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований», разделы которого представляют основные направления исследований¹⁸. Характерной особенностью работ последнего периода становятся попытки оценить ожидания, результаты и перспективы реализованных и осуществляющихся преобразований¹⁹.

Под культурной революцией принято понимать комплекс мероприятий, осуществленных Советской властью после Октябрьской революции 1917 г., целью которых стала ликвидация безграмотности, воспитание нового человека, а также формирование «новой социалистической культуры». Отдельное место в событиях занимает период с 1918 г. по конец 1930-х, чрезвычайно важный в «строительстве социализма» – даже на фоне войн, интервенции, и попыток изоляции России. Планы преобразований тормозилась старыми элитами, неспособными строить новое общество, что требовало подготовки профессиональных кадров из сословий,

не отягощенных обязательствами перед старой системой. Если политическая революция меняла лишь власть, то всесторонняя культурная революция должна была трансформировать общество. На решение этих задач отводилось два десятилетия.

Важно представить картину исходного и конечного состояния системы. В 1920 г. весьма лояльный к большевикам английский писатель Герберт Уэллс, приехав в Россию, увидел ее «во мгле», отмечая, что «подлинное положение... настолько тяжело и ужасно, что не поддается никакой маскировке»²⁰. И далее: «Громадная монархия, которую я видел в 1914 году, с ее административной, социальной, финансовой и экономической системами, рухнула и разбилась вдребезги под тяжким бременем шести лет непрерывных войн. История не знала еще такой грандиозной катастрофы»²¹. Апокалиптическая картина точно отражала состояние системы, не сумевшей противостоять избыточному давлению и шедшей по пути разрушения.

Существуют объективные константные характеристики, усложняющие управление и модернизацию России. Избыточность территории в соотношении с количеством населения, неравномерно распределенным по регионам, предопределяет экстенсивность экономики и сложности коммуникации. Наличие множества сильно различающихся между собой эколого-климатических зон требовало особого способа хозяйствования. Преобладавшее сельское население отличалось многонациональным, разнорелигиозным и многоукладным составом.

Миллионниками являлись лишь Петербург и Москва, не более десятка городов переваливало за 100 тыс. жителей. На начало XX в. «города все более приобретали черты промышленного, торгового и культурного центра, а села и деревни, хотя некоторые из них также двигались в этом направлении, все же редко уклонялись от типичного сельского поселения и медленно приобретали черты, характерные для городского образа жизни»²². При общем высоком уровне неграмотности различные группы населения отличались сильно разнящимся уровнем культуры. На 1911 г. лишь 43% детей в стране посещало начальную школу. Сельским хозяйством, охотой и рыболовством занималось около 75%, промышленностью и промыслами – около 10%, на прислугу приходилось около 5%, в торговле было занято менее 4%²³.

Об опасно низком уровне развития России свидетельствует такой объективный показатель, как средняя продолжительность жизни. На начало XX в. она оценивалась всего в 32 года, что отставало от стран Европы примерно на 20 лет²⁴. Ситуация в России требовала коренных изменений на всех уровнях системы. При этом законы самоорганизации антропосистемы предполагают, что чем протяженней территория социума, тем сложнее процесс «подтягивания» удаленных регионов в отношении инноваций и технологий, включая социальные. В результате провинция неизбежно выступает тормозом для инновационных процессов²⁵. Таким образом, в России задача вовлечения удаленных сельских районов, преобладавших в стране, в процесс социальных и культурных трансформаций по определению представлялась чрезвычайно сложной.

Важно и число жителей страны, готовых к преобразованиям. На примере России 1917 г. опровергается мнение о массовости «народного восстания». Подсчеты показывают, что организаторы опирались на достаточно иллюзорный слой, едва составлявший 1% (!) населения страны, – тех, кто понимал задачи революции и готов был «строить новое общество». Б.Н. Миронов полагает, что накал забастовочного движения в столицах превосходил «средний российский уровень примерно в 18 раз, а по политическим стачкам – в 24 раза»²⁶. То есть гораздо меньше тех самых 15% горожан, которые еще более сужают возрастные рамки. Б.Н. Миронов отмечает «несбалансированность возрастной структуры», проявляющуюся, в частности, в нарушении «возрастного профиля в пользу молодежи», в результате чего среди рабочих существовал так называемый «молодежный бугор», рассматриваемый некоторыми социологами как важная предпосылка революционных выступлений²⁷. Среди негативных факторов наблюдался также «огромный гендерный дисбаланс», когда «среди рабочих по сравнению с крестьянами имелось много молодых и одиноких мужчин и женщин, мало детей и пожилых». При этом «женщин было в 6,4 раз меньше, чем мужчин»²⁸. На количество активных участников негативно влиял и фактор миграций, сопровождавших смутные времена.

Существовала немалая группа и тех, кто усугублял ситуацию нестабильности в стране, занимаясь в условиях паралича власти грабежами. Речь идет о разнотипных криминальных и полукриминальных

образованиях – от профессиональных преступников до мародеров и маргиналов. Перепись населения 1897 г. свидетельствует, что группы, так или иначе формировавшие «интеллигенцию» (нотариусы, преподаватели, ученые и литераторы, артисты и художники, врачи, при этом очень немногие из них имели высшее образование), насчитывали 198 036 человек. Тогда как «обитатели ночлежных домов, притонов и домов терпимости (нищие, бродяги, богомолки, проститутки, бродячие музыканты и актеры, знахари и коновалы) представляли более многочисленную группу – 296 621 человек»²⁹. Сюда же можно добавить и огромное количество ничем не занятой и незрелой молодежи, охотно вовлекавшейся в погромы, войны и грабежи. Армия беспризорников угрожающе росла – в 1921 г. насчитывалось 4,5 млн беспризорников, а уже через год их число возросло до 7 млн³⁰.

К началу 1920-х абсолютное большинство населения и городов, и тем более сел, оставалось пассивным, уставшим от нестабильности и войн, не желавшим участвовать ни в каких преобразованиях. И в этих условиях В.И. Ленин высказывается за «архинеобходимость» проведения именно культурной революции.

Плачевная ситуация с участием «народных масс» делает понятной обеспокоенность стратега Ленина будущим страны. Большевики сумели свергнуть власть, вышли из Первой мировой войны, преодолели Гражданскую и отразили попытки интервенции. Однако столкнулись с новым, не допускающим уступок и отсрочек вызовом: как вовлечь в грандиозные преобразования огромную инертную малограмотную массу населения страны? Населения, которое сопротивлялось разрушению привычной среды, не понимало намерений новой власти и меньше всего хотело менять вековые правила, по которым привыкло жить.

Тем не менее именно планам социальных преобразований отводилось главное место в списке ожиданий «общества» от Октябрьской революции. Необходимость перехода от разрушения к созиданию была сформулирована В.И. Лениным в статье «Детская болезнь левизны в коммунизме» в 1920 г. Автор обращается к теме «революционной ситуации», которая, похоже, заботит его не в качестве анализа прошлого, а весьма возможной перспективы. Условие, когда «низы не хотят» жить по-старому, а «верхи не могут» по-старому управлять, обретает новую актуальность. Возникшая неоформившаяся система управления – «верхи» – проявляет себя

малоэффективной в новых условиях социально-экономического и технологического развития. Тогда как «низы» скатываются в ситуацию невозможности выживания в силу резкого обострения «обычной нужды и бедствий» и при общем ощущении необходимости «изменений своей жизни в лучшую сторону». Безусловно, Ленину и хотелось бы опираться на более подготовленное городское «пролетарское» население, но его процент был ничтожен в сравнении с преобладающими массами «отсталого» крестьянского и не менее пассивного мещанского – «городской мелкобуржуазной бедноты»³¹ – миллионов небогатых рабочих, которых певец революции Маяковский презрительно именовал «клопами». Ленин осознает, что «десятки миллионов мелких хозяйчиков» – «самая страшная сила». Они «своей повседневной, будничной, невидимой, неуловимой, разлагающей деятельностью осуществляют те самые результаты, которые... реставрируют буржуазию»³².

И тогда же в 1920 г. Ленин обращается к молодежи, неожиданно призывая отказаться от «борьбы со старым» и осваивать образование на основе «буржуазной» науки. Причем сначала необходимо овладеть всем, чем располагала старая наука, а затем выбрать и развить то, что может быть полезно: «Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества»³³. Практически все социальные группы, в соответствии со стратегией культурной революции, должны быть переучены, перевоспитаны, переориентированы, мотивированы. И для каждой группы предлагалась собственная тактика и способы. Глобальным проектом стало создание в 1920 г. «Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации безграмотности» – ЛИКБЕЗ. Обязательная для исполнения программа была рассчитана примерно на 20 лет и вполне уложилась в заявленные сроки. Ленин как идеолог коренных социальных преобразований делал ставку именно на образование и науку, на чем не переставал настаивать вплоть до своей смерти. Судя по выступлениям 1918–1923 гг. Ленин, понимая важность культуры для будущего страны, искал системное обоснование своей идеи. Не исключено, что именно раздражавшая его деятельность Пролеткульта,

превращавшего культуру в цензуру, подтолкнула к формулировке концепции «культурной революции».

В октябре 1920 г. Ленин резко критикует идеологов Пролеткульта, объясняя им, как ни парадоксально, суть марксизма: «Марксизм завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеологии революционного пролетариата тем, что марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры»³⁴. Кроме того, он явно опасается, что Пролеткульт превращается в орган идеологической цензуры, и потому предлагает свою формулировку революции, «решительным образом отвергающую, как теоретически неверные и практически вредные, всякие попытки выдумывать свою особую культуру...»³⁵ Поэтому совершенно неслучайно в 1923 г. появляется программная статья-завещание под названием «О кооперации», где решение экономических проблем видится через концепцию культурной революции³⁶. И потому Ленин отводит приоритетное место именно «культурной революции», «культурной» работе», или «культурничеству»³⁷. Суть этого кажущегося противоречия сводится к следующему: чтобы создавать новую модель хозяйствования, стране требуется образованное и по-новому подготовленное население, а также развивающаяся наука. Чем же был вызван этот неожиданный призыв к культурной революции, когда, казалось бы, самое сложное – захват власти, гражданская война и интервенция – остались позади, а страна находилась в ужасающем экономическом состоянии? Когда новая система власти на месте разрушенной так и не выстроилась, существенно сократилось число профессионалов во всех областях, экономика и хозяйство системно пришли в упадок, оказались разрушены коммуникации и торговые связи, а западные «партнеры» обеспечили новой России практически полную политическую изоляцию. Ленин разъясняет: «Нам нужно сделать еще очень немного с точки зрения "цивилизованного" (прежде всего грамотного) европейца для того, чтобы заставить всех поголовно участвовать и участвовать не пассивно, а активно в кооперативных операциях. Собственно говоря, нам осталось "только" одно: сделать наше население настолько "цивилизованным", чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие... Никакие другие премудрости

нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму. Но для того, чтобы совершить это "только", нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы»³⁸. Организатор революции отчетливо понимал, что для реализации этой задачи «требуется целая историческая эпоха», но предлагал пройти ее «в одно-два десятилетия». Основным признаком эпохи должна была стать «поголовная грамотность», «достаточной степени толковость», «достаточная степень приучения населения к тому, чтобы пользоваться книжками...»³⁹.

Анализируя смену приоритетов в период «роста социализма» по сравнению с периодом «завоевания власти», Ленин предлагает полный пересмотр «всей точки зрения на социализм», согласно которой «центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную «культурную» работу»⁴⁰. Примечательно, что в качестве «главных задач, составляющих эпоху», Ленин определяет две. Первая – это переделка аппарата, «который ровно никуда не годится и который перенят нами целиком от прежней эпохи», так как за истекший период переделать его не успели. Вторая задача касается реализации «целой культурной революции» в громадной массе крестьянства, без чего невозможно развитие новой прогрессивной модели хозяйства – кооперации⁴¹. Статья завершается важной репликой в дискуссии с оппонентами: «Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим. Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет невероятные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)»⁴².

Становится понятно, почему В.И. Ленин так резко выступал против Пролеткульта (изданий и организаций), где от имени и без того не столь многочисленного пролетариата выступали самозванные идеологи революции, навязывая всему обществу

миноритарную свою культуру. С точки зрения вождя революции, без освоения научного наследия и без развития всеобщей и всесторонней грамотности и культуры строительство нового общества было обречено на провал. Однако негативным результатом работы Пролеткульта стала на долгое время подмена в обыденном сознании понятий всеобщей культуры и образования на некий псевдоклассовый суррогат, выступавший в качестве основы для идеологической цензуры. Что, кстати, продолжает оставаться устойчивым аргументом для дискредитации подлинной культурной революции.

Правоту позиций Ленина подтвердили успехи в развитии страны и образования, реального равноправия граждан, научных и культурных достижений, которые стали образцом для всеобщего подражания:

- религия была выведена из сознания граждан;
- образовательная модель дала блестящие результаты, покончив с безграмотностью и создав воспроизводство интеллектуальной элиты;
- в области искусства созданы новые культурные каноны отражения мира. Культура стала массовой;
- изменилась система приоритетов социального статуса личности;
- после экспериментов с формами брака сформировалась парная семья, утвердившая равные отношения между женщиной и женщиной, занятых в производстве. Воспитание детей делегировалось государственным учреждениям;
- форма собственности приобрела статус коллективной с распределением «по потребностям»;
- резко возросло число городов и крупных промышленных центров;
- осуществлена индустриализация страны;
- бесписьменные народы, а также использовавшие арабицу или вагиндру, получили письменность на базе кириллицы. Русский язык сохранился государственным и стал обязательным во всеобщем образовании. Сложилась литература некогда бесписьменных народов;
- модель управления изменилась кардинально;
- средства массовой информации стали официальным механизмом проведения культурной революции.

Многие из социальных и гуманитарных программ в концепции русской культурной революции стали, по сути, с разным успехом реализовываться в европейских странах и США, а затем и в других. Из наиболее очевидного – реальное гендерное равноправие, этнический мультикультурализм, отказ от религиозной идеологии, демократизация и расширение бесплатного образования, социальное обеспечение, доступность искусства, свобода творчества, национализация основных ресурсов, система управления и даже плановость экономики. Идея кооперации, к сожалению, была неудачно подменена в России после смерти Ленина коллективным хозяйством по типу кибуцев, но с успехом вошла в мировую практику.

Не будет преувеличением обозначить культурную революцию 1917 г. как знаменательную веху в смене исторических эпох. Страна превратилась из сельской в городскую, осуществлены прорывы в развитии промышленности и экономики страны, реализованы социальные программы. Результаты привели к увеличению продолжительности жизни населения. Как упоминалось, на начало XX в. она оценивалась в 32 года, при этом после мировой, гражданской войн, интервенции и засухи 1920–1921 гг. показатели должны были ухудшиться. Однако принятые меры дали результат: на 1926–1927 гг. средняя продолжительность жизни составляла уже 44 года, а накануне войны 47 лет, существенно сократив разницу с показателями благополучных европейских стран и США⁴³.

Важно оценивать не только результат культурной революции в СССР, но и сам ее процесс, который предстает в виде удивительных, совершенно новаторских для мира экспериментов – в искусстве, литературе, архитектуре, науке, образовании, общественной жизни, социальном обеспечении, гендерных отношениях, коммуникации, сосуществовании народов и религий. Таким образом, можно заключить, что культурная революция, осуществленная в 1920–1940 гг., явилась мощным механизмом, не только создавшим новое государство в России, но и сменившим эпоху общественно-го развития в мире.

Культурная революция в истории являет собой универсальный феномен, применимый к различным цивилизационным формациям. Он знаменует каждый кардинальный переход в истории человечества и развитии общества, охватывающий не только культуру и идеологию, но и хозяйство, производство, экономику, право, науку и технологии, и в первую очередь систему управления и власти.

С этой точки зрения, в качестве культурной революции можно рассматривать и неолитическую революцию, и возникновение христианства, и цепь явлений, сопровождавших промышленные революции в Англии и Франции при становлении Нового времени. Даже колониальные захваты в определенном смысле выступают в качестве продвижения культурной революции⁴⁴. Понятие культурной революции позволяет скорректировать предлагаемую некоторыми авторами классификацию революций, особенно в том, что касается древности, дифференцируя локальные политические перевороты и качественные изменения в развитии системы⁴⁵. Важно отметить, что скорость протекания культурной революции не является неизменной, а постоянно ускоряется в диахронии⁴⁶.

Помимо собственно культурной революции, существуют и формы ее имитации. Процесс вытеснения долгосрочной и глубокой культурной революции сиюминутным поверхностным пролеткультом стал очевидным примером попыток подмены процесса социального механизма социальной манипуляторской технологией. Несмотря на то, что уже в процессе культурной революции в Советской России Пролеткульт был отринут, его взяли на вооружение сторонники политических манипуляций. Данная технология отчетливо проявилась в процессе идеологических чисток в Китае в 1960-х и затем в Камбодже, получивших название «культурной революции». После чего опыт был проанализирован, адаптирован к условиям внешнего управления, апробирован опытным путем и запущен с очевидными целями. Л.Н. Васильева предлагает определять подобное явление как «социальный фантом», являющийся системой «иррациональных представлений, которая сознательно внедряется эрзац-элитой в массовое сознание и предназначена оправдать злокачественные критерии социальной дифференциации, а также доказать практическую пригодность нежизнеспособных политических и экономических моделей к реальности»⁴⁷. Целью социальных фантомов, по мнению автора, является интеграция социума в «выполнение ложных целей социального развития».

В 1960-х гг. в западном политическом пространстве распространилось особое явление, которое можно определить как «эрзац-культурную революцию» или даже «глобальный пролеткульт». Эти технологии нацелены на осуществление политических переворотов в разных странах с целью подавле-

ния их суверенитета. Основой становится внедряемая в коллективное сознание идеология глобализации, нацеленная на размытие сложившейся системы культурных ценностей и идентичности⁴⁸. Одновременно происходит фрагментация общества на аполитичные, легко управляемые при необходимости группы. Все это именуется «гражданским обществом», согласно «теории гражданской культуры» С. Вербы и Г. Алмонда⁴⁹. Прошедшие десятилетия убедительно показали, что создаваемая гражданская культура в качестве технологии подмены культурной революции показала лишь кратковременный эффект и в конечном счете привела к прямо противоположным результатам, увеличив нестабильность в современном мировом пространстве⁵⁰.

Культурная революция – это неизбежное сопровождение качественных перемен в истории человечества, охватывающих и трансформирующих абсолютно все сферы жизни. Именно культурная революция позволяет человечеству двигаться по пути прогресса, накапливая и усложняя знания и технологии. Культурная революция не одномоментна и требует постепенного «подтягивания» всех подсистем антропосистемы. Эволюционный регресс в историческом процессе соответствует утрате социумом культурных навыков, приобретенных за предыдущее развитие. Феномен культурной революции является многоплановым и настолько всеобъемлющим, что зачастую даже не идентифицируется современниками. Единственное исключение – планомерная ее реализация в послереволюционной России. Часто за целое ошибочно принимаются частные проявления феномена, которые при необходимости используются в качестве технологий, так или иначе взятых из арсенала происходящей культурной революции. В результате остается невидимой происходящая культурная революция, означающая очередную смену эпох.

---

¹ Гордины, Братья. Манифест пананархистов. М., 1918.

² Ершова Г.Г. Проблемы адаптации и дезадаптации в период смены эпох // Социокультурные ресурсы человека как способ активной адаптации: поведенческие стратегии в условиях социального стресса. М., 2017; Она же. Междисциплинарные подходы в системных исследованиях социально-исторических процессов и социально-историческом прогнозировании // Стены и

мосты V. Междисциплинарное взаимодействие исторического знания с естественными и социально-гуманитарными науками. М., 2017; *Она же*. Культурная революция как механизм трансформации общества // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований. Сборник научных трудов. Екатеринбург, 2017; *Она же*. Культурная революция как объект междисциплинарных исследований // Стены и Мосты. Практика междисциплинарных исследований в истории. М., 2018.

³ Новая философская энциклопедия. 2-е изд. М., 2010.

⁴ *Ершова Г.Г.* Культурная революция...

⁵ *Она же*. Асимметрия функций как механизм самоорганизации усложняющихся систем (К проблеме самоорганизации антропосистемы) // Пространства жизни. К 85-летию академика Б.В. Раушенбаха. М., 1999. С. 323–353.

⁶ *Она же*. Асимметрия зеркального мира. М., 2003.

⁷ *Она же*. Проблемы адаптации и дезадаптации... С. 15.

⁸ Там же. С. 13–14.

⁹ *Moore G.E.* No Exponential is Forever: But “Forever” Can Be Delayed! // International Solid-State Circuits Conference (ISSCC), 2003.

¹⁰ *Kurzweil R.* The Singularity Is Near. N.Y., 2005.

¹¹ *Vinge V.* The Coming Technological Singularity: How to Survive in the Post-Human Era // Whole Earth Review. 1993. Vol. 4.

¹² *Ленин В.И.* О кооперации // Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. Т. 45. М., 1970; *Он же*. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Там же. Т. 41. М., 1981; *Он же*. Задачи союзов молодежи (Речь на III Всероссийском съезде Российской Коммунистической Союз молодежи 2 октября 1920 г.) // Там же; *Он же*. О пролетарской культуре // Там же;

¹³ *Уэллс Г.* Россия во мгле. М.: Правда, 2015.

¹⁴ Всемирная история: В 6 т. М., 2011. Т. 1: Древний мир; *Кондорский Б.М.* Архаическая революция в древнем Китае (попытка сравнительно-исторического анализа) // Общество и государство в Китае: Т. XLIII. Ч. 2. / Ученые записки ИВ РАН. 2013. Вып. 9. С. 16–28.

¹⁵ *Huntington W.* The Russian Tragedy // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1919. Vol. 84. P. 92–95.

¹⁶ *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну. СПб., 2015. Т. 1.; *Федотова В.Г.* Модернизация и культура. М., 2016.

¹⁷ *Урланис Б.Ц.* История одного поколения (социально-демографический очерк). М., 1968.

¹⁸ Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований // Сборник научных трудов. Екатеринбург, 2017.

¹⁹ *Миронов Б.Н.* Спорные вопросы имперской, советской и постсоветской модернизации // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 16–24.

- ²⁰ Уэллс Г. Россия во мгле. С. 13.
- ²¹ Там же.
- ²² Миронов Б.Н. Российская империя... С. 824.
- ²³ Статистический ежегодник России. 1914 г. Пг., 1919.
- ²⁴ Урланис Б.Ц. Эволюция продолжительности жизни. М., 1978. С. 52.
- ²⁵ Ершова Г.Г. Асимметрия зеркального мира. М., 2003. С. 250–279.
- ²⁶ Миронов Б.Н. Российская империя... С. 442.
- ²⁷ Там же. С. 426.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Урланис Б.Ц. История одного поколения... С. 57–58.
- ³⁰ Рожков А.Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 11. С. 134.
- ³¹ Ленин В.И. Большевики и мелкая буржуазия // Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. Т. 15. М., 1972.
- ³² Ленин В.И. Детская болезнь... С. 27–28.
- ³³ Ленин В.И. Задачи союзов... С. 304.
- ³⁴ Ленин В.И. О пролетарской культуре... С. 337.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Ленин В.И. О кооперации...
- ³⁷ Там же. С. 372, 376, 377.
- ³⁸ Там же. С. 372.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. С. 376.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. С. 376–377.
- ⁴³ Урланис Б.Ц. Эволюция продолжительности жизни. М., 1978. С. 52–53.
- ⁴⁴ Ершова Г.Г. Культурная революция... С. 16–24.
- ⁴⁵ Кондорский Б.М. Архаическая революция... С. 16–28.
- ⁴⁶ Ершова Г.Г. Культурная революция... С. 22.
- ⁴⁷ Васильева Л.Н. Элитологическая онтология. М., 2014. С. 153.
- ⁴⁸ Шарп Дж. От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения. М., 2005; Шульц Э.Э. Технология бунта. (Технология управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте). М., 2014.
- ⁴⁹ Almond G.A., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963.
- ⁵⁰ Huntington W. The Russian tragedy... P. 92–95.

От истории к философии университета: мост в будущее

Н.О. Бороздина
Российский государственный
гуманитарный университет,
г. Москва

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема современного университета сквозь призму его истории. Делается попытка осмыслить систему высшего образования сегодня с помощью философского анализа. Актуальность данной темы обусловлена процессами глобализации и связанной с ней интернационализацией высшего образования. Современный университет как один из наиболее активных и влиятельных факторов принимает участие в формировании среды, а также грамотного, компетентного подхода к работе с рисками, обусловленными вызовами глобализации.*

***Ключевые слова:** современный университет, философия университета, риски, глобализация*

В научном сообществе сегодня идут активные дискуссии на тему изменяющейся социальной действительности. При том что проблема уже не нова, поскольку изменения общественно-культурной реальности, связанные в том числе и с процессами глобализации, идут вот уже несколько десятков лет, дискуссии в разных отраслях науки проходят активно, и мы полагаем, что подобная активность сохранится на протяжении достаточно длительного периода. Не просто очевидцам, а и непосредственным участникам конструирования новой социальной реальности, нам сложно переоценить роль, которую играет такая социальная организация, как университет. Хотя именно сегодня многие утверждают, что университет в привычном понимании разрушен, его функции размыты и в общем-то не совсем понятно, зачем нужно высшее образование, когда все знания приобретаются уже по факту на производствах, предприятиях и фирмах. Автор данной ра-

боты полагает, что это не так, и подобная позиция ведет к опасной иллюзии образованного и культурно полноценного общества.

Мир в XXI в. – это мир, который не просто вступает на путь глобализации, но медленно и твердо движется по этому пути развития. Факт, что глобализация проникла – и тем самым связала – все общественные институты, не вызывает сомнения. Экономика и культура, политика и образование, наука и медицина – в процесс глобализации включены абсолютно все социальные акторы. В этой связи университет выступает в качестве смыслообразующего узла, в котором нуждаются остальные члены общества. Почему это так?

Классический университет – неотъемлемая часть европейской культурной традиции, необходимый элемент воспроизводства и сохранения социально-исторических ценностей, формировавших окружающую действительность¹. На протяжении веков университет позиционировался как один из основополагающих факторов существования современной человеческой цивилизации. Поэтому неудивительно, что в эпоху глобальных трансформаций вопрос о судьбе университета встает особенно остро. Ввиду руинизации классического университета² и кризисов системы высшего образования, проблема переориентирования университета на новые ценности, координация его встраивания в новую социальную реальность представляется исключительно важной задачей. Любому обществу для развития необходима структура, которая является движущей силой, берет на себя роль социального компаса. Н.И. Пирогов недаром называет университет «маяком» и «барометром» общества³. Просветительская миссия университета отнюдь не завершается с переходом к глобальному общественному сознанию. В мире, в котором производство товаров заменяется производством услуг, знание становится основным предметом труда. Как пишут в своем исследовании О.Н. Барабанов и М.М. Лебедева⁴, знания при этом не обладают исчерпаемостью, что характеризует их как выгодный и саморазвивающийся ресурс. Как непосредственный участник образовательного процесса, современный университет играет огромную роль в системе современного образования, отвечающего требованиям эпохи глобализации.

Для современного университета характерна модель *university of excellence* – т. е. университет превосходства. Е.Н. Ивахненко характеризует эту модель как близкую к экономической эффективности. Университет превосходства – это высокое качество, не просто кон-

центрация и воспроизведение национальной культуры, а успех, эффективность, лидерство, финансовые показатели. Теперь сущность университета описывается как «бизнес на знаниях»⁵. Таким образом, мы видим, что современный университет – место развития и накопления человеческих ресурсов и человеческого капитала, т. е. того самого предмета труда.

Мир в эпоху глобализации – это постоянно усложняющаяся система. Очевидным является тот факт, что развитие подобной системы нуждается в контроле огромного ряда специалистов. Когнитивная рабочая сила, они должны формироваться университетом. Как и во все предыдущие эпохи, высшая школа сохраняет опцию воспитания экспертов для обеспечения качественной общественной жизни. Являясь неотъемлемой частью общества, университет, бесспорно, находится под его влиянием. Как следствие, изменения во всем мире, вне зависимости от сферы, где они происходят – экономика, политика, наука – усложняют эти системы и принципы их взаимодействия. А это значит, что к выпускникам вузов, потенциальной когнитивной рабочей силе, предъявляют новые, более высокие требования. Компетенции выпускника теперь определяются в рамках оценки тех качеств, которые он способен предложить на рынке труда. Компетенция становится основной мерой стоимости рабочей силы. В таких условиях связь между знанием и формальным образованием становится все более эфемерной. Как отмечает Е.Н. Ивахненко, перемены в организации знания теперь связаны не только с междисциплинарностью, но и трансдисциплинарностью, т. е. со встречным движением знания: из университета в производство – из производства в университет.

Такой подход к роли университета в современном мире характерен для тенденции последних лет, а именно создание «Университета 3.0». Что представляет собой модель университета такого типа? Это университет, который не только транслирует знание, готовит специалистов, разрабатывает образовательные стандарты (Средневековый университет, 1.0); это университет, который не просто генерирует новые знания посредством исследовательской деятельности и создает новые технологии на заказ (модель гумбольдтовского университета, 2.0)⁶. Университет 3.0 выполняет не только образовательные функции, но и интегрирует инновационные технологии в общество посредством образования, тем самым вписывая себя в городскую среду. При такой постановке задач перед современным

университетом представляются важными способы их реализации. За счет них университет и может вписать себя в глобальный мир. Например, инновационные площадки, которые могут быть созданы при университетах. Целью их создания может служить реализация как временных, так и долгосрочных проектов. Спектр решаемых проблем для таких площадок или лабораторий чрезвычайно широк, от социально-экономических до культурно-образовательных. Исходя из потребностей и заданных условий, сотрудничество и взаимодействие может быть реализовано посредством взаимодействия гуманитарного и технического вузов, через госзаказ или через взаимосвязь высшей школы и производства или предприятия.

Однако следует сразу отметить, что жизнь и образование в условиях глобализации сопряжены с определенными рисками. И речь идет даже не о том, что технологии иногда дают сбой, который зачастую можно исправить только вручную. Один из важных рисков – это пресыщенность информацией. В чем тут дело? Дело в том, что при таком развитии всемирной сети Интернет, технологий, гаджетов и средств коммуникации, мы оказываемся в ситуации, когда на любой интересующий нас вопрос можем ответить нажатием нескольких клавиш смартфона. С одной стороны, это прекрасно. С другой – это создает иллюзию, что мы владеем всей информацией, а это далеко не так. Мы рискуем перестать запоминать, поскольку это оказывается ненужным. Зачем прилагать усилия, если в любой момент можно открыть Интернет и проверить все, что нас интересует? «Плохо то, что понимание того, что компьютер может в любой момент ответить на твой вопрос, отбивает у тебя желание запоминать информацию»⁷. И именно на этом моменте, как нам кажется, в процесс образования включается просветительская миссия университета, которая никуда не уходит, а лишь приобретает новые смыслы в современном мире. Поскольку именно университет, как мы помним, воспитывает специалистов, которые знают, ценят и уважают свою работу, а значит, выполняют ее качественно.

Исходя из вышесказанного, нам представляется, что трансформация университетского образования является одним из ключевых вопросов в осмыслении инновационных процессов современного глобального социокультурного института высшей школы. Социально-философский подход способствует решению данной проблемы со стороны выявления общественной рефлексии совре-

менного университета. В этом ключе выявляется, насколько важно для общества понимание механизма функционирования системы современного высшего образования.

Глобальный университет сегодня – это не только университет в кризисе, созвучном с кризисом экономическим, это еще и университет, выросший из самого кризиса – кризиса измерения знаний и их новой организации. По сути, перед нами открывается новообразованная сложность управления процессом производства и овладения знаний в условиях опережающего развития внешних по отношению к университету сред⁸.

Миссия современного гуманитарного университета сегодня – это подготовить специалиста-гуманитария, способного решать сложные задачи в условиях нарастания неопределенностей – социальных и политических, – продвигать гуманитарные ценности, способствующие устойчивому развитию социума, государства и нации. Одна из важнейших задач высшего образования в современных условиях – подготовить специалиста, способного работать со сложностью в условиях высокой конкуренции. Для того чтобы подготовить такого специалиста, университет должен приблизить обучение студента к той конкурентной ситуации, в которой он окажется уже в качестве дипломированного выпускника. Следовательно, режим междисциплинарности должен сочетаться с трансдисциплинарностью, когда производства и общественные организации пересекают границу вуза, а вуз со своими практиками активно осваивает внешние среды. Общество, представляющее, по Луману, аутопоэтичную систему, требует от нас постоянно держать наготове n-е количество вариантов действия, поскольку развитие событий в саморазвивающейся системе мы можем прогнозировать лишь с долей вероятности. Однако это не значит, что процесс не подвержен контролю со стороны «человека-управляющего». Контроль в данном случае утрачивает представление об управлении всем и вся, приобретая черты неклассического образовательного менеджмента. Поэтому к числу первейших задач современного гуманитарного университета следует отнести подготовку специалистов, способных работать в состоянии устойчивого когнитивного беспокойства, поскольку, как отмечают Лукман и Бергер⁹, именно когнитивная сила конструирует ту социальную реальность, в которой мы оказываемся.

---

¹ *Рыбин В.А.* Университет XXI века. Антропологические перспективы образования и культуры. М., 2012. С. 5.

² *Риддингс Б.* Университет в руинах. М., 2010. 304 с.

³ *Пирогов Н.И.* Университетский вопрос // Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения. М., 1953. С. 324–393 [Электронный ресурс]. URL: http://charko.narod.ru/tekst/biblio/Pirogov_1863.pdf (дата обращения: 13.10.18).

⁴ *Барабанов О.Н., Лебедева М.М.* Глобализация и образование в современном мире // Глобализация: человеческое измерение. М., 2002. С. 54–77.

⁵ *Ивахненко Е.Н.* Современный российский университет на стыке реформ: от междисциплинарности к трансдисциплинарности: Материалы открытой лекции «Мировые тренды развития современного университета в их отношении к изменениям в российском вузе» // Гуманитарные чтения РГГУ–2012. М., 2013. С. 296–308.

⁶ *Ивахненко Е.Н.* По материалам открытой лекции «Миссия университета 3.0» 30.03.17 г. в Российском государственном гуманитарном университете [Электронный ресурс]. URL: <http://rggu.ru/news/detail.php?ID=174753> (дата обращения: 13.10.18).

⁷ *Эко У.* Письмо внуку. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://openuni.io/course/5-course-4/lesson/6/material/488/> (дата обращения: 13.10.18).

⁸ См.: *Роджеро Д.* Из руин в кризис: об основных трендах в жизни глобального университета // Неприкосновенный запас. № 77 (3). 2011. С. 88–102.

⁹ *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.

Дивергентные сферы современных научных революций: медиография и историография в коалиции медиумов современности

Д.В. Лукьянов
Российский государственный
гуманитарный университет,
г. Москва

***Аннотация.** Показателем развития социально-гуманитарного познания последней трети XX – начала XXI в. становится понятие «научная революция», за которым различимы новые диффузионные пространства для междисциплинарных связей и качественно новых областей научного взаимодействия. Ситуация единства профессионального сообщества гуманитариев, протекающего из их принципиальных интеллектуальных различий, охарактеризована в статье как наличие «дивергентных сфер» науки. Примером данной «коалиции» является для автора рассмотрение феноменов медиалогической и историографической революции, итоги и перспективы которых по-разному и различно, но выражают сегодня общее качество когнитивной неопределенности понимания актуальных вызовов современности в социальных и гуманитарных науках.*

***Ключевые слова:** медиалогическая революция, историографическая революция, история историографии, медиография, дивергентная сфера, когнитивная неопределенность, высокая комплексность контингентного научных революций*

В социально-гуманитарном познании последней трети XX – начала XXI в. понятие «революция» обретает строго эпистемологические коннотации и становится устойчивым маркером для обозначения происходящих глобальных трансформаций и сдвигов в когнитивном репертуаре имеющих парадигмальных оснований современного научного знания.

В большинстве исследовательских областей социогуманитарного профиля уже совершились (и происходят на наших глазах) «свои» революции, вследствие чего постепенно утверждаются и соответствующие им институциональные порядки. Сегодня у понятия «научная революция» существует достаточно много содержательных «референтов». Наряду с открытыми и принятыми в науке XX в., например, «неолитической аграрной революцией» (В.Г. Чайлд), различными типами и видами «промышленной» и «научно-технической революции» (Дж. Бернал), в числе которых нашла свое место и советская НТР, к 1960–1980-м гг. в Европе и США заговорили о «научно-информационной революции». Ее нынешний этап определяется как «революция “управляемых систем”», т. е. включает в себя разработки биотехнологических стратегий, касающиеся не только регулирования процессов производственного планирования, но и управления природой человека в перспективе ближайшего будущего XXI в.

В поле гуманитарных и социальных наук – чаще всего размышляют о так называемых «коммуникативной», «сетевой», «глобальной», «технологической», «цифровой/дигитальной», «медиа-логической», «историографической» революциях¹ и т. п., которые особым образом при рассуждении о них тематизируют новые диффузные пространства для междисциплинарных связей и качественно новых областей научного взаимодействия. В этом сегодня проявляется и взятый наукой на вооружение меж-, поли-, трансдисциплинарный тренд в отечественной гуманитаристике, рассчитанный именно на поиск и выработку соответствующих оптимальных исследовательских моделей.

В данной статье хотелось бы остановиться на определенной критической позиции в отношении обозначенного вектора «общереволюционного» развития, отмеченного в динамической модели изменения современного научного знания и познания. Общее качество в «событийности» всех вышеперечисленных научных революции – это, на наш взгляд, то, что они порождают различного рода *расколы*² и приводят в целом к *дивергенции* социального поля науки. Последний феномен, наряду с конвергенцией, не содержит в себе негативных коннотаций, если под дивергенцией понимать стратегию поиска единства профессиональных сообществ на базе их принципиальных интеллектуальных различий. Одним из аспектов размышлений о базовых характеристиках образования и присутствия такого рода дивергентных

сфер в современной науке представляется соотнесение разворачивающихся медиалогической и историографической революций, итоги и перспективы которых по-разному и различно, но выражают, на мой взгляд, общее качество *когнитивной неопределенности* в социальных и гуманитарных науках. Когнитивная неопределенность, или ситуация *высокой сложности контингентного*, являются определяющими характеристиками в данных типах отмеченных научных революций и образуют особое поле или (дивергентную) «коалицию» медиумов понимания актуальных вызовов современности.

В характере понимания обозначенного нами дивергентного пространства различий и сходств историографической и медиалогической революций необходимо отметить, что, во-первых, общей здесь является проблематика формирования и трансформации ситуации модерна и (after–post)постмодерна, определившая без исключения развитие всех социальных и гуманитарных знаний со второй половины XX в. до наших дней; во-вторых, динамика протекания обеих революций раскрывается как общая траектория сменяемости структур научно-исторических картин мира от классики, неклассики к постне(о)классике, которая принята большинством ученых в различных областях современной науки и вполне когерентна пониманию переходов в отношении представлений о типах и формах (пост)модерности в отмеченный исторический период; в-третьих, исходная диахронность в характере протекания обеих названных (в рамках данной статьи) революций позволяет выйти на «узлы» и «сопряжения» изменений в структуре выявленных цепочек контингентности, которые, возможно, позволят определить в революционной «историографичности» и «медиалогичности» моменты некоторого институционального изоморфизма.

Важно подчеркнуть, что историографическое знание по своей сути является *эпифеноменальным*, поэтому Б.Г. Могильницкий, предложивший концепт «историографическая революция», отмечает преимущественно институциональное, кумулятивное, интерналистское, а главное – проспективное видение трех сменяющих друг друга этапов революции в историческом познании. Один из авторов словаря по современной исторической эпистемологии так обобщает сделанное Б.Г. Могильницким: «Рассматривая различные этапы историографической революции во второй половине XX века, Б.Г. Могильницкий обращает внимание на то, что первоначально ее доминантой была сциентизация истории, связанная с широкими историко-социологическими

построениями и направленная на преодоление идиографических познавательных стратегий. Затем Историографическая революция продолжалась уже под флагом борьбы с "односторонним сциентизмом" в русле постмодернистской версии *исторического познания*, ознаменованной "поворотом к субъективности" и "открытием" *микроистории* как ведущего жанра *исторического исследования*. В настоящее время развертывается третий этап историографической революции, своеобразие которого заключается в критике постмодернизма; отсутствии устойчивых методологических доминант и вытекающем отсюда усилении неопределенности историографической ситуации; стремлении к целостному осмыслению истории в единстве ее объективных и субъективных начал на путях методологического синтеза³.

Содержательные характеристики феномена «историографических революций» раскрываются преимущественно с интерналистских позиций – эпистемологически и самореферентно данный концепт понимается «изнутри» исторической профессии и кодирует состояние современной исторической науки как результат свершившейся в конце XX – начале XXI в. «третьей» историографической революции. В динамике обозначенных этапов трех революций в историографии отчетливо наблюдается их общая соизмеримость и кумулятивность в мировой истории историографии⁴. Понятие «историографическая революция», таким образом, фиксирует внутреннюю позицию *наблюдателя-историографа* в системном анализе истории историографии и создает своего рода «диспозитив» (М. Фуко), внутри которого *иные* (условно говоря, «after-постмодернистские») «революции» и трансформации доминирующих эпистем (различные интеллектуальные «повороты») в науках социогуманитарного профиля оказываются лишь внешним фоном историографических перемен. Результаты структурного сопряжения с этим относительно внешним влиянием различных «поворотов к субъективности» не затрагивают в целом существующий статус строго научной системы исторической науки («поиск методологического синтеза» по сути задается «проектом Модерна»), а лишь только усложняют работу механизмов воспроизводства ее незыблемо и парадигмально существующих границ (критика постмодернизма, неустойчивость методологических доминант и отсутствие определенности в современной историографии).

Отойти от такой жесткой *интерналистской* позиции историографа позволяет изменение ракурса прорисовки динамики трех

историографических революций в их отношении к использованию концепта «современность/модернити» на каждом этапе, что, на наш взгляд, с одной стороны, будет способствовать определению оснований «нового» качества интеллектуальных практик в результате «третьей историографической революции», и, с другой стороны, прояснит парадоксальным образом сохраняющуюся сегодня *унидисциплинарную* эпистемологическую перспективу социального анализа и познания общественного человека во времени⁵.

Современная история историографии остается по-прежнему сугубо внутрикорпоративным и коммуникативным предприятием высоких профессионалов, на которую возлагаются важные задачи «изучать, анализировать и реконструировать многочисленные интеллектуальные традиции, теории, понятия, парадигмы и модели, используемые различными историками в их ежедневных занятиях»⁶. Повседневная историографическая практика при этом – не исключительное «знание о прошлом», но рефлексия над актуально настоящим и разнообразно контингентном приближении к событийности проживания опыта современности. Об этом говорит весь путь истории историографии со второй половины XX в., который можно представить в качестве сменяющих друг друга (совпадающих с последовательностью протекания «историографических революций») познавательных моделей изучения, локализации и (ре)конструирования «современности» в переходе от классического к постнеклассическому этапам развития научно-исторического знания. Несмотря на вполне прозрачную словарную «родословную», где «современность» традиционно соотносится с западным понятием “modernity”/“modernite”, берущим корни в слове «modo» – «как раз теперь» из средневековой латыни⁷ – смысловое наполнение концепта «современность» определяет сегодня четко различаемую границу между тем, как историки пишут об истории, и тем, как они выстраивают само прошлое.

С 1970-х гг. начинают формироваться три магистральных контекста понимания «современности», каждый из которых надеялся и обуславливал ее отличительными смыслами и характеристиками⁸. Классический тип современности базировался на научном характере представлений об историческом явлении, вполне предпосылочно, рационально и исторично, у нее имелась достаточно долгая протяженность и длительность во времени особой и вполне конечной «эпохальности» в будущем, в зависимости от

основообразующих процессов (капитализм, рационализм, Просвещение и т. д.). Неклассический тип формирует уже особую позицию *наблюдателя*, который с трудом распознает позитивный (исторический) характер прежней классической современности, поскольку «текучесть» (З. Бауман), «рискованность» и «опасность» (У. Бек), крах в настоящем издревле привычных структур и институтов создают ощущение «шока будущего» (Э. Тоффлер) от пребывания в «вечно настоящем» (Э. Хобсбаум) новой архаики, отвергавшей преимущества предыдущих этапов исторического времени восхождения и роста. Наконец, третий, постне(о)классический тип современности выражается одновременностью множественных «режимов» ее историчности» (Ф. Арто), не привязанных к временной, пространственной, географической, национальной или какой-либо другой размерностям, и едва уловимый в индивидуальных практиках антиципации понимания современности («наблюдения наблюдений») в ее многочисленных «именах собственных»⁹ (Н.Е. Копосов).

Концепт «современность», таким образом, актуализирует в современной историографии множество разрозненных смыслов актуального гуманитарного и социального познания, являясь одновременно и четкой *мерой неопределенности* или отсутствия социально приемлемого для человечества будущего, и «*поисковой*» *эпистемой* выстраивания собственно научных практик мерцающего сообщества ученых, которые отрицают стратегии «бегства от реальности» и продолжают концептуализировать и упорядочивать реальность в ситуации after-пост-модерна, и, наконец, тем опытным знанием и возможным *горизонтом ожидания* в настоящем, к которому обращены взоры беспрестанно меняющегося человеческого мира.

В поиске оптимальной дивергентной сферы, которая бы послужила коммуникационной инстанцией для объединения усилий в понимании высокой комплексности контингентного актуальной современности, ситуации эпистемологической неопределенности в социально-гуманитарном познании относительно поиска актуальной «теории настоящего» (Х.У. Гумбрехт) в ряде смежных социальных и гуманитарных дисциплин и, в частности, историографии – может выступать т. н. *медиаграфия* (термин, предложенный в 1998 г. Ива Жаннере) как такой же *эпифеномен* (сходный со статусом историографического знания) свершившейся медиалогической революции¹⁰.

Для обоснования такого неожиданного перехода в анализе от современной историографии к актуальной медиографии, на наш взгляд, есть достаточно много оснований, но рассмотреть все их многообразие в рамках данной статьи не представляется возможным, поэтому далее мы сосредоточимся на том, что можно выделить в качестве дивергентной сферы *коалиции медиумов современности*, образуемой медиалогической и историографической революциями.

Первое, что мы должны отметить и на чем остановиться особо, – это высокая степень понимания нынешней ситуации в познании как качества неопределенности, симультанности и высокой комплексности контингентного обоих полей современных медио- и историографий. Причем сходный, эпифеноменальный способ медиографических¹¹ и историографических исследований проявляется в том, что изначальная точка фиксированной неопределенности полагается так сказать «задним числом» и проспективно: из «настоящего» самого наблюдающего. Медиум истины, необратимости, историзм как базовый принцип традиционной историзирующей историографии сегодня «преодолены» и «сняты» «субалтерными» представлениями о режимах историчности (например, в «культуральной истории» П. Берка¹²), версиями «проспективной конрфактической истории» (пример «исторической социологии» Р. Лахмана¹³) и понятием фрагментации не только самого поля исторического, но и общих нормативных принципов существования единого профессионального сообщества.¹⁴ В медиографии «приглашение избегать всякой преждевременной координатной сетки и стандартизации»¹⁵ звучит вполне утвердительно и рефлексивно как противостояние «культуры потока» – «культуре запаса», что означает отсутствие акцента на прежнем понимании науки как дедуктивной номологической теории в отношении принципа реальности современности и переход к ее открытой деисторизации.¹⁶ Обратная перспектива, имеющая в качестве изначальной точки своего полагания фигуру наблюдателя, наблюдающего за фрагментированными наблюдениями «актуального настоящего» – превращает любые медиографические и историографические исследования в «непрограммируемое приключение, пересечение по касательной регистров и сред, где решать о смысле будет сам маршрут»¹⁷ (наблюдения наблюдателя).

Второй характеристикой дивергентного поля медиографии и историографии выступает расширение «принципа реальности», который долгое время служил исключительной атрибуцией понимания важности представлений об истории как науке. Вызов, брошенный со стороны медиографии Н. Луманом, звучит *предельно* вызывающе и однозначно, когда он говорит о том, что все, что мы знаем о мире, истории и даже природе, мы знаем благодаря массмедиа.¹⁸ Иными словами, то, что не попадает в современные массмедиа – не является сегодня историей. Перефразируя Ежи Леца, можно добавить, что в действительности (Разум – история) все обстоит не так, как на самом деле (реальность – Сеть массмедиа).¹⁹ Такое представление о «радикальной неодновременности»¹⁹ (Н. Больц) в понимании различных моментов современности со стороны новых медиа позволяет говорить о прежнем и традиционно – нарративном (классическом) типе историографии как о «старых медиа», чьими функциями были поддержание порядка осмысленности мира как целого, наличие четкой национальной и групповой идентичности, стабильно сохраняемого и передаваемого во времени подлинного исторического метанарратива. Если коротко, то с позиций медиа–дискурса современности историография приобретает качества процедурной коммуникативной рациональности, коммуникационную перспективу «раскрыться» на настоящее в плане воздействия на публику «вне стен Академии», внимание к специфике современной цифровой культуре и особом понимании менеджериального опыта применительно к специфике производства исторического в современных дигитальных условиях осуществления познавательных практик.

Третий аспект, на который хотелось бы обратить внимание в пределах объема данной работы, касается форм знания и познания, которые в дивергентном пространстве, образованном результатами протекания третьей историографической революции и революции медиологической, кажутся нам принципиально важными и определяющими. Обсуждение проблематики открытости и приватности использования имеющейся безразмерно наличествующей и эмерджентно возникающей информации в новых медиа отвечает соответствующим установочным принципам и разработанным технологическим ресурсам для достижения различных способов *капитализации человеческих возможностей* (понятие «человеческий капитал» Г. Беккера), что само по себе является применительно

к нынешним условиям следствием еще одной, т. н. «менеджеральной революции» и более широкого представления о существующих ныне *способах управления знанием*. В этом смысле управление знанием изнутри профессионального сообщества и управление информацией приходящей извне – из среды «новой самосознающей доксы»²⁰ (с принципиально отсутствующей инстанцией обращения), как важная и авторитетная познавательная функция науки, создает пространство жесткой конкуренции повседневных интернет-экспертов «роевого разума» на «сетевых биржах знания»²¹ с профессионалами.

Пока же в большинстве современных наук социально-гуманитарного профиля можно встретиться с вариантами перспективных разработок различных стратегий поиска исходных ниш применения т. н. принципов оптимизации существующего «избыточного разнообразия» и «оптимальной фрагментации», а также набирающими популярность доминирующими представлениями управляющих элит о приемлемом взгляде на изоморфность стратегий гибкой гибридации и селекции растений с механизмами построения сложной организации современного общества²² (сюда возможно отнести и новый «нейрометрический» тренд).

По сути, способы выстраивания различных эпистемологических стратегий остаются на уровне неклассических форм методологического синтеза и несут в себе сугубо номологический характер представлений о точном знании и строгой верифицируемой науке. Насколько полезным и продуктивным окажется проблематика дивергентных сфер, одну из которых мы постарались обозначить на примере рассмотрения коалиции медиумов современности в последствиях медиологической и третьей историографической революции, покажет дальнейшее развитие представлений о характере протекания и полученных результатов «революционных» изменений в современной науке.

---

¹ См., напр.: *Болыч Н.* Азбука медиа. М., 2011. 136 с.; *Дебрэ Р.* Введение в медиологию. М., 2010. 368 с.; *Лубский А.В.* Историографическая революция // Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь. М., 2014. С. 158–160.

² Социокультурная категория, подробно разработанная А.С. Ахиезером и вошедшая в широкий историографический контекст как концепт для осмысления российской истории (См.: Россия: расколотая цивилизация?: Круглый

стол // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 3–45). У Норберта Больца встречается определение «цифровой раскол» (Больц Н. Указ. соч. С. 6).

³ Лубский А.В. Указ. соч. С. 158.

⁴ Хотя, как показывает современная историографическая практика, смысл совершаемых революций в познании заключается сегодня как раз в обратном – в деконструкции базового субстанционального референта: если говорить применительно к историческому познанию, то здесь отчетливо виден акцент на замену «объективной» и «репрезентирующей» исторической действительности классической исторической науки исторической реальностью с доминантой конструирования в практиках исторических исследований.

⁵ См.: Рохас К.А.А. Историография в XX веке. История и историки между 1848 и 2025 годами. М., 2008. С. 157–158.

⁶ Там же. С. 85.

⁷ Бринтон К. Истоки западного образа мысли. М., 2003. С. 42.

⁸ См.: Лукьянов Д.В., Широгорова С.В. Трансдисциплинарность концепта «современность» в социальном и гуманитарном знании второй половины XX – начала XXI в. // Глобальная история: современная проблематика и новые исследовательские подходы: Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. М., 2015. С. 22–28.

⁹ Копосов Н. Исторические понятия в мире без будущего // Как мы пишем историю? М., 2013. С. 91.

¹⁰ Дебрэ Р. Указ. соч. С. 300.

¹¹ Там же. С. 120, 267.

¹² Бёрк П. Что такое культуральная история? М., 2015. С. 14.

¹³ Лахман Р. Что такое историческая социология? М., 2016. С. 209.

¹⁴ Тоштендаль Р. Профессионализм историка и историческое знание. М., 2014. С. 25, 77.

¹⁵ Дебрэ Р. Указ. соч. С. 268.

¹⁶ Там же. С. 238.

¹⁷ Там же. С. 268.

¹⁸ Луман Н. Реальность массмедиа. М., 2005. С. 9.

¹⁹ Больц Н. Указ. соч. С. 15.

²⁰ Там же. С. 115.

²¹ Там же. С. 117.

²² Дердугьян Г. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М., 2013. С. 118–119.

**Теории социальных наук
в конкретике исторического
исследования**

Междисциплинарность в исследованиях истории русской культуры позднего Средневековья и раннего Нового времени

Л.Б. Сукина
Институт программных систем РАН,
г. Переславль-Залесский

***Аннотация.** Цель статьи – рассмотреть частный, но существенный для решения проблемы возможности и перспектив культурной истории в предметном поле исторических исследований прошлого России вопрос реализации междисциплинарного подхода в исследованиях русской культуры позднего Средневековья и раннего Нового времени. Изучение историографии показывает, что элементы данного подхода появились достаточно рано и никогда не исчезали полностью из исследовательской практики. Однако в многообразии практикуемых современными исследователями русской культуры методологических принципов и методов, заимствованных у других дисциплин, кроется и серьезная проблема синтеза добытого знания. Этот синтез, вероятно, мог бы осуществиться в интеллектуальном контексте культурной истории.*

***Ключевые слова:** культурная история, история русской культуры, междисциплинарность, методология и методы исследования культуры*

Культурная история как направление современной исторической науки, появившееся в конце XIX в. и выступающее с последней трети XX в. в качестве автономного проблемного поля профессионального исторического знания¹, изначально практиковала междисциплинарный подход к исследованиям. В процессе становления она усваивала методы «смежных» социальных и гуманитарных наук. Пути развития культурной истории в разных странах различны и обусловлены национальной историографической традицией. Как отмечает С.И. Маловичко, наибольший резонанс она получила в США, где

обрела опору в «новом историзме» североамериканской гуманитаристики; во Франции она вступила в конкуренцию с историей ментальностей; в Германии и Нидерландах вписалась в культурологический тренд, намеченный трудами Я. Буркхардта и Й. Хейзинги; а в Британии еще только пытается обозначить свое присутствие в научном мейнстриме.

Судьба культурной истории на Западе неоднократно привлекала и продолжает привлекать внимание как зарубежных, так и отечественных специалистов (П. Берк, Дж.М. Скотт, Л.П. Репина, С.И. Маловичко и др.). Однако ее перспективы в отечественном гуманитарном знании пока еще остаются за рамками теоретического осмысления, так как само ее предметное поле здесь еще не оформилось. Чтобы начать разговор о ее возможности и потенциале в рамках отечественной историографии, необходимо выявить методологические основания истории русской культуры как субдисциплины исторического познания и специфику практикуемых ею методических приемов и походов. В настоящей статье мы предлагаем рассмотреть частный, но существенный для решения общей проблемы, вопрос реализации междисциплинарного подхода в процессе становления и развития изучения русской культуры позднего Средневековья и раннего Нового времени. Именно в исследованиях культуры этой эпохи элементы данного подхода появились достаточно рано и не исчезали полностью из исследовательской практики, несмотря на те сложности, с которыми отечественная гуманитаристика столкнулась в первой половине и середине XX в.

Имплицитная междисциплинарность была уже свойственна отечественной национально-культурной истории второй половины XIX – начала XX в., сформировавшейся под влиянием немецкой философии, истории и филологии, но обладавшей в условиях российской социокультурной действительности собственными специфическими чертами (Ф.И. Буслаев, Н.И. Костомаров, А.П. Щапов, М.О. Коялович, В.О. Ключевский и др.).

Пожалуй, самые значительные достижения в этой области можно обнаружить в трудах знаменитого филолога, историка и искусствоведа Ф.И. Буслаева, которому отечественная наука обязана началом серьезного и глубокого изучения древнерусской литературы, иконописи и лицевого книгописания. Вместе с И.М. Снегиревым Ф.И. Буслаев ввел в научный оборот исследователей русской средневековой культуры

заимствованные в философии Г. Гегеля и И. Фихте и историографии Л. Ранке понятия «народности», «народного духа», с помощью которых пытался объяснить ее особенности и своеобразие². Как и его современник и ровесник Я. Буркхардт (1818–1897), открывший для европейской исторической науки эпоху возрождения, Ф.И. Буслаев (1818–1898) распахнул для российской историографии дверь в культуру допетровской Руси. Для него, как и для его швейцарского коллеги, культура прошлого была целостным явлением, формой выражения «духа» народа, связующей воедино общественную мысль, литературу, искусство и фольклор в политическом и социальном контексте исторической эпохи.

Особая роль в развитии идей Ф.И. Буслаева в новой познавательной ситуации принадлежала его ученику В.О. Ключевскому (1841–1911). Будучи выдающимся знатоком и исследователем исторических источников средневековой Руси, Ключевский искал в них не только сведения, знаменующие вехи «большой истории», составившие основу его знаменитого лекционного курса, но и «свежие следы древнерусского народного быта и мышления»³, позволяющие историку восстановить «домашний быт, нравы, успехи знания и искусства, литературы, духовные интересы, факты умственной и нравственной жизни»⁴. Труды В.О. Ключевского, демонстрирующие его обширную эрудицию, простирающуюся далеко за рамки классической историографии, в область истории литературы, искусства, этнографии могут служить примером своего рода «междисциплинарного» подхода к источниковедческому изучению явлений русской средневековой культуры, реализованному в рамках свойственного гуманитарному знанию последней трети XIX в. позитивистского рационализма.

В условиях ограниченного поля распространения гуманитарной науки и музейного дела в России конца XIX – начала XX в. практиковавшиеся в исследованиях Ф.И. Буслаева и В.О. Ключевского междисциплинарный и полидисциплинарный подходы не нашли широкого применения. После революции получили развитие этнографические и социологические методы изучения исторических и архаических культурных явлений и процессов, как более соответствующие марксистскому пониманию истории.

Особый этап осмысления истории отечественной культуры в начале XX в. был связан с неокантианским поворотом в гуманитарных науках, философией науки второй волны позитивизма,

влиянием «понимающей психологии» В. Дильтея и социологических теорий. Он озаменован, в том числе, «Методологией истории» А.С. Лаппо-Данилевского, реализовавшего свой методологический принцип признания «чужой одушевленности» в исследованиях русской культуры XVII–XVIII вв., и концепцией «культурной истории» П.Н. Милюкова.

Оригинальное учение А.С. Лаппо-Данилевского (1863–1919) об исторических источниках как продуктах культуры предполагает использование в качестве метода источниковедения интерпретационное понимание источника как единого целого в культурном контексте эпохи. Источник как продукт культуры предстает в интегрирующей роли объекта всего гуманитарного знания как знания о человеке и различных проявлениях его психической деятельности. В трактовке А.С. Лаппо-Данилевского исторический «факт» приравнивается к источнику или к тому, что современная нам археология и антропология определяют как «артефакт»⁵.

Объектом гуманитаристики, и в первую очередь исторического знания, для А.С. Лаппо-Данилевского выступало «мировое целое». История мыслилась как наука о культуре. Научная методология А.С. Лаппо-Данилевского требовала от историка, смотрящего на прошлое сквозь призму мировой культуры, широких знаний и глубокого понимания принципов и подходов других областей гуманитаристики (в том числе психологии и социологии), что мы можем обнаружить и в собственных работах историка, посвященных исследованию русской культуры раннего Нового времени⁶.

Однако методология А.С. Лаппо-Данилевского не нашла широкого признания и практического применения в современной ему исторической науке. Согласно наблюдению О.М. Медушевой, его теоретико-познавательная концепция была поддержана только теми исследователями, чью собственную научную деятельность можно определить как философски ориентированную (В.И. и Г.В. Вернадскими, И.М. Гревсом, А.Е. Пресняковым, А.И. Андреевым, С.Н. Валком, Т.И. Райновым), и некоторыми представителями смежных наук, в том числе философами и социологами⁷. Соответственно, она не имела существенного влияния и на исследования русской средневековой культуры, в которых стала распространяться узкая дисциплинарная

специализация (история древнерусского искусства, история древнерусской литературы, история народного искусства и т. п.).

Иные познавательные принципы лежали в основе исследования истории русской культуры П.Н. Милюкова (1859–1943), выдвигавшего лозунг «монистичности» исторического знания, признававшего единство духовного и материального в культурном процессе и включавшего в «культурную историю» экономическую, социальную, политическую, умственную, религиозную, этическую и эстетическую составляющие. При этом в качестве основного исследовательского метода выступал метод социологии, позволяющий наблюдать в рамках конкретного периода исторического процесса различные стороны человеческой природы⁸. Социологический подход привел к тому, что в качестве главных факторов русской культуры (в том числе эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени) П.Н. Милюков выделил церковь и школу, изучение которых было основано на принципе междисциплинарности⁹.

Работы П.Н. Милюкова, опубликованные в конце XIX – начале XX в., в дальнейшем могли бы составить основу одного из междисциплинарных направлений исследований русской культуры, но этому воспрепятствовали исторические обстоятельства и особенности личной судьбы самого ученого. Последняя прижизненная редакция его «Очерков по истории русской культуры» вышла в Париже в 1930-е гг. и оказалась доступна широкому кругу российских исследователей только в первой половине 1990-х гг.

Свой вклад в формирование междисциплинарных практик изучения русской средневековой культуры внесли и представители религиозно-философского направления отечественной гуманитарной мысли конца XIX – первых десятилетий XX в. Е.Н. Трубецкой¹⁰, Г.П. Федотов¹¹, П.А. Флоренский¹². На их историко-культурные построения оказали влияние цивилизационные концепции О. Шпенглера, М. Вебера, Н.Я. Даниловского, философские идеи культурно-религиозного «всеединства» и «соборности» В.С. Соловьева, успехи, достигнутые российской наукой в области изучения исторических источников, древнерусской литературы и иконописи.

Революция 1917 года с ее пафосом строительства нового мира вытеснила изучение культуры допетровской Руси на дальнюю периферию научного знания. Интерес к ней поддерживался только внутри сравнительно узкого круга оставшихся

в стране исследователей, реставраторов иконописи и музейных работников, хранивших памятники русского средневекового искусства и книжности.

Нельзя не согласиться с мнением А.Л. Юрганова, что советская историография русской средневековой культуры – «тема особая и трудная»¹³. Многие из того, что было сделано исследователями до конца 1920-х гг., осталось в рукописях, рассредоточено по малотиражным и региональным изданиям или было утрачено. Известные сборники «Барокко в России» (М., 1926) и «Русское искусство XVII века» (Л., 1929) свидетельствуют скорее об осторожной индифферентности их авторов к проблемам методологии и о полидисциплинарности исследовательских практик того времени, наследовавших традиции искусствоведения и истории литературы последних предреволюционных десятилетий.

После утверждения в отечественной исторической науке методологии «советского позитивизма» с формационной концепцией исторического процесса, ориентацией на политико-экономические и социально-экономические исследовательские ракурсы и предметно-аксиологическим (или отраслевым) подходом к изучению культуры пути междисциплинарности надолго оказались перекрыты или, как минимум, предельно усложнены.

Интерес к междисциплинарным исследованиям возродился на заре «оттепели», во второй половине 1950-х гг., в трудах исследователей «историко-филологической» школы, вновь обратившихся к изучению художественного слова в русской средневековой письменности (В.П. Адрианова-Перетц, Д.С. Лихачев). Выход в 1958 г. первого издания монографии Д.С. Лихачева «Человек в литературе Древней Руси» заострил проблему поиска методов гуманитарных исследований, позволяющих осуществить синтез материала по истории культуры, полученного в результате анализа источников разных видов¹⁴.

Попытка осмысления оснований такого синтеза в историко-культурных исследованиях привела историю литературы в междисциплинарное поле культурной антропологии. В своей известной статье «Человек в учительной литературе Древней Руси» В.П. Адрианова-Перетц утверждала важность «человеческого измерения» для понимания истории литературного и культурного

процесса в целом¹⁵. История русской средневековой культуры и в последующее время активно использовала подходы, предлагаемые историками литературы (Д.С. Лихачев, А.Н. Робинсон, Л.А. Дмитриев, А.М. Панченко и др.). «Личностное» начало определило антропологический пафос работ исследователей древнерусской архитектуры и иконописи (В.Н. Лазарев, М.В. Алпатов, Г.К. Вагнер, В.Г. Брюсова, Г.И. Вздорнов и др.), для которых был свойственен выход за пределы узких дисциплинарных рамок, «культурологическая» широта взгляда на предмет изучения. В своей последней работе А.И. Клибанов сравнил историю формирования человека как личности в процессе развития общества с «нитью Ариадны», которая вела за собой историков русской средневековой культуры, какой бы из ее областей они не занимались¹⁶.

В последней трети XX в. наряду с антропологией все большим влиянием в исторических исследованиях культуры начинают пользоваться принципиально междисциплинарные семиотика и феноменология.

Основатели московско-тартуской семиотической школы Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский применили к исследованию русской средневековой и нововременной культуры методiku, оправдавшую себя в структурной лингвистике. Культурные повороты в истории России они связали с переменной полюсов ее ценностного поля (в сторону христианства или в сторону язычества). Возможность важных наблюдений и выводов дал структурный анализ исторических источников и текстов древнерусской литературы (В.М. Живов¹⁷, М.Б. Плеханова¹⁸). В исследованиях семиотиков произошло сближение истории и филологии, поскольку обе дисциплины часто обращаются к одним и тем же источникам.

На рубеже 1980–1990-х гг. на отечественную историографию начала оказывать влияние историческая антропология школы «Анналов». Перевод на русский язык и публикация основных трудов М. Блока, Л. Февра, Ф. Броделя, Ж. Ле Гоффа, а также популяризация и развитие их идей А.Я. Гуревичем резко повысили интерес к историко-антропологическому подходу в исследованиях культуры. Его элементы обнаруживаются в работах многих историков русской средневековой культуры, но последовательно он реализуется не часто (Я.С. Лурье¹⁹, А.И. Алексеев²⁰ и некот. др.).

Несколько особняком стоят работы Б.И. Краснобаева²¹, представившего русскую средневековую культуру как систему, опирающуюся

на «человеческую деятельность», и Л.А. Черной²², которая позиционирует свой авторский подход как «философско-антропологический».

В это же время (в 1980–1990-е гг.) в исследованиях русской средневековой культуры в целях обозначения исследовательской методике стало появляться понятие «феноменология». Такие крупные ученые, как А.И. Клибанов, Д.С. Лихачев, А.М. Панченко маркировали свой метод как носящий «феноменологический характер»²³. О месте и возможностях феноменологического подхода в исследованиях культуры в недавнее время велась активная дискуссия (А.Л. Юрганов, А.В. Каравашкин, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева и др.)²⁴. На наш взгляд, повышенный интерес к феноменологии был спровоцирован не только (и не столько) качественными переводами и глубокими исследованиями сочинений Э. Гуссерля, выполненными отечественными специалистами (Н.В. Мотрошилова, В.И. Молчанов и др.), но и значительными достижениями таких гуманитарных субдисциплин как социология и антропология средневекового искусства, иконография, иконология, иеротопия, герменевтика древнерусской литературы, открывшими новые возможности познания содержания и сути феноменов культуры интересующей нас эпохи.

Параллельно с поиском методологических оснований и методов исследования русской культуры позднего Средневековья и раннего Нового времени происходило повторное после полувекowego послереволюционного забвения открытие ее интеллектуальной и эстетической ценности. При этом становится все более очевидным, что историческую эпоху между окончанием царствования династии Рюриковичей и началом петровских реформ необходимо осмысливать сквозь призму не только политической и социальной, но и культурной истории, ибо без этого остаются не выявленными механизмы трансформаций, переместивших Россию из Средневековья в Новое время.

История русской культуры позднего Средневековья и раннего Нового времени буквально вопиет о междисциплинарности. Без нее невозможно достижение понимания коэксистенциального целого культуры этой «переходной» эпохи, в котором воедино сплетаются государственные идеи, общественная мысль, богословие, литература и искусство. Способствует междисциплинарным исследованиям и неплохая сохранность исторических источников этой эпохи: материальных, письменных, визуальных.

Многие исследователи, занимающиеся изучением культуры этого времени, ощущают потребность в междисциплинарности, но не многие решаются ее эксплицировать в своих работах, чему препятствует в том числе и сохранение традиционной дисциплинарной организации научного знания. Сделать шаг в сторону междисциплинарности оказывается легче авторам обобщающих исследований. Так, имплицитно выраженный междисциплинарный характер носит сравнительно недавняя монография известного исследователя русской архитектуры и изобразительного искусства XVII в. И.Л. Бусевой-Давыдовой «Культура и искусство в эпоху перемен. Россия семнадцатого столетия»²⁵. Принцип междисциплинарности успешно реализовался и в проектах, посвященных русской культуре позднего Средневековья и раннего Нового времени сектора междисциплинарных исследований человека ИФ РАН (ранее – Института человека РАН), осуществленных в первом десятилетии XXI в. под руководством М.С. Киселевой, и связанных с обсуждением проблемы культурного и интеллектуального выбора личности и общества²⁶.

Итак, специалисты в области русской культуры позднего Средневековья и раннего Нового времени на протяжении более чем вековой истории исследований в этой сфере неоднократно прибегали к философской методологии и методам психологии, социологии, семиотики, литературоведения и искусствоведения. Междисциплинарность реализована в десятках современных работ, посвященных частным вопросам и отдельным памятникам культуры, а в последние двадцать лет отчетливо проявляется и в обобщающих трудах по истории культуры данной эпохи. Однако в многообразии практикуемых методов, заимствованных у других дисциплин, кроется и серьезная, неоднократно отмечаемая исследователями, склонными к обобщениям, проблема синтеза добытого знания. Ее решение, на наш взгляд, стоит искать в проблемном поле культурной истории, движение в сторону которой все очевиднее прослеживается в мировой историографии.

---

¹ Маловичко С.И. Культурная история // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М., 2014. С. 240–242.

² Буслав Ф.И. О народной поэзии в древнерусской литературе (Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Московского Университета в 1859 г.) // Буслав Ф.И. О литературе. Исследования. Статьи. М., 1990. С. 91.

- ³ *Ключевский В.О.* Сочинения. М., 1989. Т. 7. С. 357.
- ⁴ Там же. Т. 1. С. 37.
- ⁵ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. СПб., 1913. Вып. 2. С. 322.
- ⁶ *Лаппо-Данилевский А.С.* История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII в. М., 1990; *Он же.* История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития ее культуры и политики. Кельн, 2005.
- ⁷ *Медушевская О.М.* Феноменология культуры: Концепция А.С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Исторические записки. 1999. № 2 (120). С. 107–109.
- ⁸ *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т. 2. Ч. I. С. 12.
- ⁹ Там же. С. 15.
- ¹⁰ *Трубейкой Е.Н.* Три очерка о русской иконе. М., 1991.
- ¹¹ *Федотов Г.П.* Святые Древней Руси. М., 1990; *Он же.* Стихи духовные. М., 1991 и др.
- ¹² *Флоренский П.А.* Иконостас: Избранные труды по искусству. СПб., 1993.
- ¹³ *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 17.
- ¹⁴ *Лихачев Д.С.* Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958.
- ¹⁵ *Адрианова-Перетц В.П.* Человек в учительной литературе Древней Руси // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 3–68.
- ¹⁶ *Клибанов А.И.* Духовная культура средневековой Руси. М., 1994. С. 109.
- ¹⁷ *Живов В.М.* Религиозная реформа и индивидуальное начало в русской литературе XVII века // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 3. С. 380–459.
- ¹⁸ *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.
- ¹⁹ *Лурье Я.С.* Русские современники Возрождения: книгописец Ефросин, дьяк Федор Курицын. Л., 1988.
- ²⁰ *Алексеев А.И.* Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV – начала XVI в. СПб., 2002.
- ²¹ *Краснобаев Б.И.* Русская культура второй половины XVII – начала XIX века. М., 1983.
- ²² *Черная Л.А.* Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1999; *Она же.* Антропологический код древнерусской культуры. М., 2008.

²³ *Клибанов А.И.* Духовная культура средневековой Руси. М., 1996; *Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В.* Смех в древней Руси. Л., 1984 и др.

²⁴ *Медушевская О.М.* Феноменология культуры: Концепция А.С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени. С. 100–139; *Юрганов А.Л.* Опыт исторической феноменологии; *Каравашкин А.В., Юрганов А.Л.* Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. М., 2003; *Румянцева М.Ф.* Целое культуры как предпосылка «беспредпосылочной герменевтики» // Россия XXI. 2003. № 4. С. 95–106.

²⁵ *Бусева-Давыдова И.Л.* Культура и искусство в эпоху перемен. Россия семнадцатого столетия. М., 2008. 364 с.

²⁶ *Человек между Царством и Империей.* М., 2003; *Человек в культуре русского барокко.* М., 2007; *Киселева М.С.* Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М., 2011.

«Над кем смеетесь?»: К методологии анализа социокультурной роли смеха в историческом исследовании

О.Н. Мухин

Томский государственный
педагогический университет,
г. Томск

***Аннотация.** В статье демонстрируется перспективность использования междисциплинарного подхода при изучении проблемы социокультурной роли смеха. Автор подвергает критическому разбору концепцию А.Г. Козинцева. Путем сопоставления этой концепции с положениями, предлагаемыми другими исследователями, в том числе работающими в рамках смежных гуманитарных дисциплин, прежде всего, психологами, с опорой на материал петровской эпохи показывается, что важнейшей социокультурной функцией смеха является компенсаторная.*

***Ключевые слова:** Петр I, А.Г. Козинцев, смех, карнавал, междисциплинарный подход*

Обращение в рамках междисциплинарного подхода к теоретическому опыту и методическим наработкам смежных гуманитарных дисциплин, помимо прочих положительных результатов, позволяет историку подступиться к изучению тех проблем, которые без такого обращения зачастую не становятся предметом исследования, так как без соответствующего исследовательского инструментария не воспринимаются как научная проблема вообще либо отпугивают своей кажущейся неразрешимостью.

Так, например, историки фактически игнорируют проблему пристрастия Петра I к пародийно-кошунственным смеховым мероприятиям (деятельность Всешутейшего собора, шутовские свадьбы и похороны). Обычно эти действия просто описываются, без попыток проанализировать их суть, иногда в их отношении высказываются оценки (однозначно негативные), которые без соответствующего

анализа малообоснованны. В последние годы стали появляться исторические исследования, специально посвященные феномену Всешутейшего собора, которые, однако, носят, так сказать, формалистский характер: их авторы изучают принципы его организации и функционирования¹ (что, безусловно, важно, но очевидно недостаточно). При этом работы, в которых осуществляются попытки объяснить обозначенные культурные явления петровской эпохи, есть, но они принадлежат перу филологов (см. работы Б.А. Успенского², А.М. Панченко³, В.М. Живова⁴). И это весьма характерно. Проблема социокультурного смысла смеха (в рамки которой вписывается, как частный вариант, проблема петровских увеселений) была впервые поставлена М.М. Бахтиным – философом, культурологом, филологом, – предложившим свои, не утратившие актуальности наблюдения и выводы, которые, впрочем, ограничены определенной эпохой и конкретной культурой⁵. В дальнейшем исследователи (среди которых нет историков – это снова философы, филологи, культурологи) превратили «карнавальность», важнейшее бахтинское понятие, в теоретический конструкт, применимый к анализу других культур (ср. утвердившуюся в отечественном литературоведении характеристику культуры 20-х гг. XX в. в нашей стране как карнавальной⁶).

В трудах названных выше авторов содержатся интересные наблюдения касательно смеховой культуры петровской эпохи, но в целом их выводы достаточно спорны: будучи, по большей части, сторонниками семиотического направления, эти исследователи в первую очередь обращают внимание на символическую наполненность и знаковость пародийно-кошунственных празднеств, одновременно чрезмерно рационализируя их смысл (так, А.М. Панченко рассматривает их как часть продуманной реформы веселья, якобы проводимой Петром⁷; в зарубежной историографии сходными «перегибами» страдают рассуждения Э. Зицера⁸). В связи с этим стоит подчеркнуть необходимость осуществления в таких случаях именно методологического синтеза, ведущую роль в котором может и должна (коль скоро речь идет об изучении проблем прошлого) играть история. При этом историку, включающему в свой арсенал наработки коллег-гуманитариев, зачастую следует предварительно подвергнуть их корректировке, так сказать, «отформатировать». Дело в том, что положения, выдвигаемые представителями других специальностей, для которых принцип

историзма не является определяющим (и именно в связи с этим), не всегда выдерживают проверку при столкновении с конкретным историческим материалом, однако, при этом, содержат перспективные положения, могущие помочь историку в его труде.

На сегодняшний день в гуманитаристике существует большое количество работ, посвященных проблемам смеха, однако лишь в считанных из них предлагаются оригинальные авторские концепции. Самой последовательной и перспективной из них представляется теория антрополога Александра Григорьевича Козинцева (кстати, что важно, доктора исторических наук, чьи интересы при этом лежат в области физической и культурной антропологии, популяционной истории Евразии и Америки, этологии). Им сформулировано определение, которое, фактически развивая идеи М.М. Бахтина, наиболее полно выражает именно социокультурный смысл смеха (по крайней мере, для того читателя, который мыслит в бахтинской парадигме): смех – это знак коллективной негативистской игры против культуры как свода обременительных правил и запретов или, иначе, смех – атрибут игры в нарушение норм⁹.

Казалось бы, напрашивается вывод о том, что смех – это механизм психической разрядки (это мнение встречается в ре¹⁰). Однако сам А.Г. Козинцев отрицает такое толкование, настаивая, со ссылкой на этологические исследования, на том, что смех принадлежит к разряду врожденных социальных сигналов, выработанных путем естественного отбора. Его назначение – дать понять, что нарушения культуры, осуществляемые смеющимся, не серьезны, дабы избежать конфликта: «Причина смеховой эйфории – не в торжестве справедливости, не в злорадстве, не в повышении социального статуса, не в “снятии цензуры” и не в “экономии на сострадании” (во всяком случае, не только в этом), а прежде всего в прорыве наружу подспудного протеста человеческой, точнее, общеприматной природы против семиозиса, основанного на символах и бессознательно ощущаемого, как нечто навязанное. Юмор – это кратковременный игровой бунт против символизации, временный реванш природы в соперничестве с культурой»¹¹. Акцентируя «натуральный», социобиологический характер смеха, А.Г. Козинцев приходит к последовательному отрицанию его социокультурного смысла, видя в нем внеисторическое, внекультурное явление. По его мнению, «юмор, в отличие от серьезности, основан на чистом метаотношении. Он не включает в себя отношение к объекту внешнего

мира, а, наоборот, отключает, нейтрализует его»¹², «отношение к реальному объекту не играет здесь никакой роли»¹³.

Итак, «у юмора нет никакой семантики...»¹⁴, а смех является, по сути, самоцелью, ибо «любая мысль, любое чувство, любая оценка, любое отношение может служить питательной средой для юмористического метаотношения»¹⁵. Историкю сложно согласиться с такой однобокой трактовкой. Обращение к конкретному историческому материалу (и время Петра – одна из самых благодатных эпох для исследователя) показывает, что человек или социум часто выбирают себе конкретные цели для смеха.

Петр, безусловно, любил посмеяться «просто так», «безыдейно» и весьма грубо (в эдаком раблезианском стиле) в компании приятелей и собутыльников. Так, некий английский торговец сообщает об одной выходке Петра во время посещения Архангельске: царь загнал тридцать-сорок своих самых знатных приближенных в пруд, куда поместил двух живых моржей, и сам зашел туда же, плавал и нырял среди них¹⁶. Другой пример: будучи на свадьбе пожилого князя Юрия Юрьевича Трубецкого (1721 г.), Петр следующим образом потешался над Иваном Михайловичем Головиным, питавшим большую слабость к желе: велел ему открыть рот, взял стакан желе и влил разом тому в горло, затем несколько раз повторял это и даже своими руками открывал Головину рот, когда он разевал его недостаточно¹⁷. На другом празднике в том же году император заставлял долго танцевать своих пожилых соратников, среди которых были Ф.М. Апраксин, Г.И. Головкин, П.П. Шафиров, П.А. Толстой и др., так что, в конце концов, они едва передвигали ноги¹⁸. Брауншвейг-люнебургский резидент Ф.-К. Вебер, очевидец многих петровских увеселений, дает им самое простое объяснение – царь-работник среди тяжелых государственных трудов умеет устроить несколько дней расслабления для своего ума¹⁹. Эти примеры вполне вписываются в теорию А.Г. Козинцева, для которого смех первичен, а поводы для него вторичны.

Но Петру такого ненаправленного, ситуативного смеха было недостаточно. В рамках деятельности Всешутейшего собора он последовательно выбирает для осмеяния именно церковь и именно обычаи старины. А.Г. Козинцев признает, что «праздничное антиповедение это метаигра, игра с “обломками” культуры, с ролями, пародия на культуру»²⁰. Однако, оставаясь

заложенным своей логикой, он подчеркивает, что в его рамках речь идет о «воображаемом крушении культуры вообще, а не какой-то отдельной, так что связь с конкретной этнической традицией поверхностна, необязательна, формальна»²¹. Почему же тогда часть россиян не понимала смысла увеселений Петра и не одобряла их, если речь идет об общечеловеческих формах?²² Являлись ли эти подданные Петра, в понимании А.Г. Козинцева, защитниками неких общечеловеческих культурных норм и были ли они самыми «культурными» людьми в России?

Сам А.Г. Козинцев, видимо, не понимая, что играет против себя, приводит цитату из Дж.К. Честертона: «Кошунство держится на вере и улетучивается вместе с нею. Тому, кто в этом усомнится, я советую сесть, сосредоточиться и попробовать придумать что-нибудь кошунственное про Тора. Полагаю, его семейство обнаружит его в конце дня в состоянии изрядного истощения»²³. Разве не означает эта верная мысль, что смеховое антиповедение, кошунство культурно обусловлены?²⁴ Да, праздники карнавального характера имели место в самых разных культурах, начиная с первобытных и, по крайней мере, до позднесредневековой, когда, по мнению М.М. Бахтина, карнавальная культура выхолащивается. (Выше приводился пример применения характеристики «карнавальная» к российской культуре 1920-х гг., однако в ее рамках исследователи наблюдают лишь отдельные черты, к тому же зачастую являющиеся частью сознательной авторской установки на интертекстуальность, свойственной эпохе модерна). Но одно дело, когда карнавал – это ежегодная, уходящая вглубь веков, общепринятая в данном обществе традиция, и совсем иное, когда речь заходит о русском царе, практикующем празднества карнавального типа, искусственно сконструированные из отечественных и зарубежных компонентов (последние, кстати сказать, в это время у себя на родине фактически перестают функционировать).

Так стоит ли историку, ввиду столь большого количества замечаний и нестыковок, обращаться к теории А.Г. Козинцева? Думается, все же стоит, после процедуры того самого методологического «форматирования». Взяв за основу приведенное выше определение (напомню: смех – это знак коллективной негативистской игры против культуры как свода обременительных правил и запретов) и имея ввиду тот очевидный для нас факт, что смех может быть целенаправленным, мы

можем, призвав на помощь психологию (в первую очередь, теорию психологической игры Э. Берна), прийти к выводу о компенсаторном характере канализированного, адресного (то есть именно социокультурного) смеха для его носителя. Э. Берн под игрой понимает такой тип отношений между людьми, который предполагает, помимо явных, также и скрытые мотивы, причем важнейшая цель такой игры – психологическая компенсация²⁵. Смех и игра (об этом пишет, как мы видели, и А.Г. Козинцев) явления тесно связанные (мысль о том, что смех – опознавательный знак игры, можно встретить, например, у Г.О. Нодиа²⁶). Соответственно, смех, если понимать под ним не только физиологическую реакцию, но, вслед за М.М. Бахтиным, явление социокультурное – прежде всего именно компенсаторный механизм. Собственно, об этом же пишут относительно карнавала его исследователи – М.М. Бахтин и Р. Генон. Так, по мысли последнего, празднование карнавала являлось способом «канализировать» низменные стороны человеческой природы, сделать их более безопасными, дав им проявиться на короткое время, в строго определенных обстоятельствах, без чего может последовать социальный взрыв, вызванный прессингом культурных и общественных норм²⁷. Отсюда многочисленные примеры социального и культурного «переворачивания», «антиповедения» во время карнавала.

Интересно, что А.Г. Козинцев не отрицает (да это было бы и невозможно) сам факт того, что смех веками используется для «осмеяния» и «высмеивания». Однако исследователь заявляет, что это свидетельство неправильного понимания человечеством смысла смеха, в котором напрасно видится орудие адресного высмеивания, что приводит к столь же необоснованному страху быть осмеянным. Дело в том, что, как читает исследователь, юмор, который он определяет как «самоотрицание на уровне личности, то есть на уровне мысли и чувства», или метаотношение, вторичен по отношению к смеху, который есть «самоотрицание на межличностном уровне, то есть на уровне передачи мыслей и чувств», или метасообщение²⁸. Юмор – результат «психологизации того, что, изначально, у предков человека, было чистым действием с минимальной долей “психологии” – социальной игрой»²⁹. Соответственно, попытки высмеять некий объект, и в том числе в форме сатиры, по утверждению А.Г. Козинцева, вообще лишена смысла, так как в ней цель несоместима со средством, серьезное содержание (критика пороков), с

формой (смехом), так как сатира враждебна, а смех – сигнал дружелюбия³⁰.

Можно согласиться с А.Г. Козинцевым, что сатирическое, критическое осмеяние фактически никогда в истории не приводило к радикальному изменению или устранению объекта осмеяния (явления, человека), они могли лишь маркировать процесс скорого его изменения или исчезновения. Однако стоит взглянуть на явление высмеивания с другой, субъективной стороны, помня как раз о психологизации. В работе самого А. Г. Козинцева обнаруживается такая подсказка: «Единственный объект шуточного метаотношения – мысли самого субъекта»³¹. Обращаясь к смеховому опыту Петра I и имея на вооружении идею о компенсаторной функции смеха, можно сделать вывод, что насмешка (в его случае над теми проявлениями традиционной культуры, которые воспринимались им как помехи на пути преобразований) важна, в первую очередь, для самого смеющегося, так что она отыгрывает свою роль даже в том случае, если не устраняет ее объект. С.С. Аверинцев писал, что «смех – зарок, положенный на немощ, которую человек себе запрещает»³², то есть знак для самого себя о том, что он может справиться с проблемой, создающей напряжение для его психики³³.

То есть простроенный пародийно-кошунственный смех способствовал снятию в психике Петра напряжения, вызванного постоянным нарушением им традиционных устоев русской православной традиции. Недаром А.Г. Козинцев подчеркивает: «...Мы можем смеяться лишь над тем, вернее, использовать в качестве повода для смеха лишь то, к чему еще недавно относились (а, скорее всего, и будем относиться) серьезно»³⁴. Так что он совершенно напрасно противится классификации видов смеха (о чем прямо пишет на страницах своей книги), настаивая на монистическом толковании этого сложного явления. Все же следует различать смех «просто так» (он представляется А.Г. Козинцевым как единственный вид) и целенаправленный смех, когда человек хочет отсмеять конкретную проблему, вызывающую у него напряжение, требующее разрядки³⁵. Причем отличие первого вида не в функциях, так как и такой смех носит компенсаторный характер, давая человеку разрядку, необходимую для перегруженной сверхнормативной культурой психики, а в алгоритме – этот человек заведомо настроен на смех и лишь ищет для него повод, один или другой.

Таким образом, теория А.Г. Козинцева может быть весьма полезным инструментом в историческом исследовании, будучи откорректирована при сопоставлении с историческими реалиями, и способствовать адекватному объяснению этих реалий. В заключение особо стоит подчеркнуть, что, вне зависимости от конкретных концепций, теоретическое обоснование выводов по таким, междисциплинарным по самой своей сути, проблемам обязательно.

¹ См., например: *Агеева О.Г.* О взаимоотношениях русского монарха и столичного дворянства начала XVIII в.: святочные увеселения шутовской компании Петра Великого // *Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750)*. М., 2013. С. 63–80; *Усенко О.Г.* Сумасброднейший собор // *Родина*. 2000. № 8. С. 61–67.

² *Успенский Б.А.* *Historia sub specie semioticae* // Из истории русской культуры / сост. А.Д. Кошелев. 2-е изд. М., 2000. Т. 3: XVII – начало XVIII в. М., 2000. С. 519–527; *Он же.* Анти-поведение в культуре Древней Руси // *Успенский Б.А.* *Избранные труды*. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 460.

³ *Панченко А.М.* Русская культура в канун Петровских реформ // Из истории русской культуры. Т. 3. (XVII – начало XVIII века): Русская культура в канун петровских реформ. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 9–261; *Он же.* Церковная реформа и культура петровской эпохи // Из истории русской культуры. Т. 3. С. 487–502.

⁴ *Живов В.М.* Культурные реформы в системе преобразований Петра I // Из истории русской культуры Т. 3. С. 528–583.

⁵ См.: *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М., 1965. 528 с.

⁶ См., например: *Гуськов Н.А.* От карнавала к канону. Русская советская комедия 1920-х годов. СПб., 2003. 211 с.

⁷ См.: *Панченко А.М.* Русская культура... С. 143.

⁸ *Зицер Э.* Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М., 2008. 240 с.

⁹ *Козинцев А.Г.* Об истоках антиповедения, смеха и юмора (этюда о щекотке) // *Смех: истоки и функции* / Под ред. А.Г. Козинцева. СПб., 2002. С. 28.

¹⁰ Так, С.С. Аверинцев писал, что смех – это разрядка нервов при невыносимом напряжении (*Аверинцев С.С.* Бахтин, смех, христианская культура // М.М. Бахтин как философ. М., 1992. С. 11).

¹¹ *Козинцев А.Г.* Человек и смех. СПб., 2007. С. 187.

¹² Там же. С. 34.

¹³ Там же. С. 36–37.

¹⁴ Там же. С. 37.

¹⁵ Там же. С. 38.

¹⁶ *Cracraft J.* The Church Reform of Peter the Great. Stanford, CA, 1971. P. 10.

¹⁷ *Берхгольц Ф.-В.* Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721–1725. Ч. 1–2 // Неистовый реформатор / И. Фоккеродт, Ф. Берхгольц. М., 2000. С. 248.

¹⁸ Там же. С. 254.

¹⁹ *Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. New Haven, 1998. P. 257.

²⁰ *Козинцев А.Г.* Указ соч. С. 156.

²¹ Там же.

²² Ср. гневную инвективу, содержащуюся в старообрядческом сборнике XVIII в.: «Пьет вино не во славу Божию, а некако нелепо и безобразно, яко кабацкие пропойцы, безобразно во пьянстве валяясь, и глумясь во пьянстве; своих же пьяниц, оваго святейшим патриархом нарицает, овых же митрополитами и архиепископы и епископы, себя же протодиаконом, горло велие имей и срамоты со священными глаголы смешивая, велегласно вопия на потеху своим немецким людям, паче же на поругание святыни» (*Мельников П.И.* Исторические очерки поповщины. М., 1864. Ч. 1. С. 73–74).

²³ Цит. по: *Козинцев А.Г.* Указ. соч. С. 38.

²⁴ Непонятно упорство, с которым А.Г. Козинцев отвергает любые иные, кроме его собственного, толкования, включая и версию релаксации и разрядки, настаивая при этом на том, что смех сопровождает «протест» против давления семиозиса. Спрашивается, зачем же тогда этот «протест», сама эта игра в нарушение культурных норм?

²⁵ *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. СПб.; М., 1998. С. 36, 48.

²⁶ *Нодиа Г.О.* Человек смеющийся в контексте философии культуры // Философия, Культура, Человек / отв. ред. Н.З. Чавчавадзе. Тбилиси, 1988. С. 59.

²⁷ *Генон Р.* О смысле «карнавальных» праздников // Вопросы философии. 1991. № 4. С. 45–48. Указание на компенсаторную функцию смеха можно встретить и в литературе, посвященной смеховой проблематике (см., напр: *Сычев А.А.* Природа смеха, или Философия комического. Саратов, 2003. С. 100).

²⁸ *Козинцев А.Г.* Указ. соч. С. 115.

²⁹ Там же.

³⁰ «На сознательном уровне сатирик убежден, что нападает на свой объект с полным правом, однако своим смехом он бессознательно сигнализирует, что считает свои нападки неправильными и просит не прини-

мать их всерьез. Сатира, таким образом, есть “правильное неправильное поведение”, то есть невозможна по определению» (Там же. С. 126).

³¹ Там же. С. 35.

³² *Аверинцев С.С.* Указ соч. С. 10.

³³ Так что А.Г. Козинцев не прав, когда пишет, что идея Чарли Чаплина подвергнуть сатирическому осмеянию Гитлера неудачна, так как, по мнению исследователя, смеяться над тираном значит сделать его нормальным, очеловечить. На самом деле смешной Гитлер не перестает быть врагом, но смеющийся зритель ощущает, что этот враг не так страшен, значит, его можно одолеть (отсюда большое количество комедийных фильмов в СССР времен войны, в которых нацисты изображались абсолютными болванами).

³⁴ *Козинцев А.Г.* Указ соч. С. 38.

³⁵ Можно считать вполне удачными определения М. Столяр, которая предлагает различать «смех о» и «смех над» (См.: *Столяр М.* Советская смеховая культура. Киев, 2011. С. 106).

**Научное сообщество
конца 1910-х первой половины 1930-х гг.:
Теоретические подходы в исторической ретроспективе**

Е.А. Долгова
Российский государственный
гуманитарный университет,
г. Москва

***Аннотация.** В статье характеризуется потенциал некоторых теоретических подходов социологии науки и экономической социологии с точки зрения потенциальной возможности их применения в исторической ретроспективе – истории российского научного сообщества в конце 1910-х – первой половине 1930-х гг.*

***Ключевые слова:** научное сообщество, социология науки, экономическая социология, «эффект Матфея» в науке, изоморфизм, концепция «эффективного менеджмента», конкуренция, неравенство, иерархия, структурная инерция*

Научное сообщество в раннесоветский период его истории представляет собой любопытную фокусную точку возможного приложения отдельных междисциплинарных теоретических подходов, традиционно используемых в современном науковедении. На наш взгляд, именно обращение к ним позволяет скорректировать многие оценки и суждения, сформировавшиеся в рамках узко-историографического подхода; оценить потенциал и ограничения применения современной методологии в исторической ретроспективе.

Традиционно история бытования научного сообщества в неоднозначный и трагический период отечественной истории – в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. – рассматривается в ракурсе экстерналистского подхода: в фокусе социально-политических трансформаций – повседневности Гражданской

© Долгова Е.А., 2019

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 17-78-10202.

войны и Военного коммунизма¹, последующего вживания «старой профессуры» в советскую действительность². В этом ракурсе объяснительные стратегии обычно выстраиваются через анализ политической составляющей – принятия или непринятия учеными марксистско-ленинской идеологии (и отражения этого факта в их творческом наследии), эволюции их отношения к новой власти, степени их вовлечения или устранения из научного поля ввиду соответствия или несоответствия их политической позиции господствующей идеологии. Исследователями, как правило, обнаруживается прямая корреляция между политически «правильным» поведением ученых и их положением в статусной иерархии, защищенностью в социально-экономическом отношении. Однако при этом за скобками остаются не только жизненные траектории отдельных лиц, не укладывающиеся в предложенную схему (они трактуются как исключения из правил и служат богатым материалом для отдельных казуальных исследований³), но и иные, имплицитные, тенденции в развитии науки 1920-х, определившие специфику ее организации и функционирования.

Качественно иной объяснительной стратегией представляется изучение отечественного научного сообщества в целом и судеб отдельных его представителей с точки зрения их «ответа» мощному мобилизационному вызову, стоявшему перед наукой в первой четверти XX в. – в контексте модернизации сети научных учреждений, «утилитаризации» самого характера исследований, резком росте числа научных институций и научных работников «нового призыва» второй половины 1910–1930-х гг., сопровождавшихся превращением института науки в одно из подразделений общества «мобилизационного типа»⁴. Подобный ракурс анализа оказывается востребован современным науковедением, имеющим в распоряжении серьезный теоретический базис – концепции и подходы, предлагающие иное понимание происходящих в тот период в отечественной науке процессов.

На наш взгляд, серьезный исследовательский потенциал применительно к исследуемой проблематике имеет влиятельная концепция Пьера Бурдьё об использовании понятия «капитал» в его разных формах, о взаимосвязях его экономической, культурной, социальной форм⁵. Именно его социологические работы заставили усомниться в существовании в «эгалитарном» пространстве упраздненных ученых степеней и званий в 1920-х начале 1930-х гг. «мира

совершенной конкуренции или равенства возможностей – мира, лишённого процессов инерции, накопления, наследования или обретения средств»⁶. Согласно П. Бурдье, социальный капитал, будучи потенциальной способностью производить прибыли и воспроизводить себя в прежних или расширенных формах, содержит тенденцию к устойчивому пребыванию⁷ и не может быть отменен одновременно и ультимативно. В его основе лежит сформированная совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания, иными словами – членств в группе, которая дает своим участникам опору в виде коллективного капитала, «репутации», позволяющей им получать кредиты во всех смыслах этого слова⁸. Объем социального капитала индивида зависит от размера сети связей, которые он может эффективно мобилизовать, и объема капитала (экономического, культурного или символического), которым, в свою очередь, обладает каждый из тех, кто с ним связан⁹. Однако существование сети связей не является естественной или даже социальной данностью, сконструированной раз и навсегда в результате первоначального акта институционализации; эти связи являются продуктом нескончаемой работы¹⁰. Именно формирование сети связей необходимо для построения и воспроизведения длительных, полезных отношений, позволяющих сохранять материальную или символическую прибыль¹¹.

В этом отношении идеи П. Бурдье дополняют несколько теоретических идей.

Во-первых, это сформулированный Р.К. Мертонем «эффект Матфея в науке»¹² – «каждому имеющему будет дано, и у него будет изобилие, а у неимеющего будет взято и то, что он имеет»¹³. Апелляция Мертона к неоднозначной евангельской притче о бесплодной смоковнице, на наш взгляд, интересна не только в ее привычной трактовке – распределения преимуществ интеллектуальной собственности, но и в аспекте социального расслоения в науке (в том числе в ретроспективном срезе). Ранее на примере построения революционной научной биографии историка, социолога, методолога науки Н.И. Кареева выдвигалась и документально обосновывалась гипотеза о том, что причины вариативности отношения политического режима к ученым заключались не столько в готовности последних идти на компромисс (зачастую он и не требовал-

ся), сколько в различии их символического статуса – занимаемой ученым позиции в иерархии научного сообщества: не социальный и политический факторы определяли положение ученого «старой школы» в постреволюционном обществе, а скорее его дореволюционный статус (авторитет и позиция, занимаемая в поле избранной им тематики, административный ресурс и потенциал в научном поле) диктовали в соответствии с принципом кумулятивного накопления преимуществ особенности отношения к нему власти и специфику преломления в отношении него советской социальной политики¹⁴.

В качестве инструмента для соединения микро- и макроуровня исследования применим анализ социальных сетей. Особенно важной здесь представляется концепция Марка Грановеттера, обосновывающая корреляцию относительного узкого аспекта микровзаимодействия («силу межличностных связей») с такими макрофеноменами как социальная мобильность, политическая организация, социальная сплоченность в целом¹⁵. Проведенное нами исследование подтвердило возможность применения концепции М. Грановеттера к документальным материалам по истории научного сообщества в 1920–1930-е гг., представители которого зачастую действовали с позиции заочной защиты или продвижения интересов той или иной корпорации/коммуникативного круга¹⁶. По словам М. Грановеттера, «эти соображения о чувстве единого сообщества могут напомнить нам о том, что в большинстве случаев желательнее иметь дело с более крупной единицей анализа, чем отдельно взятый индивид»¹⁷. Ключевым при этом является постановка вопроса о том, почему одни сообщества легко и продуктивно объединяются для достижения общих целей, а другие оказываются неспособными мобилизовать свои ресурсы даже перед лицом серьезных угроз? Интересной при оценке принципов формирования коммуникативных сетей является теория интерактивных ритуалов Р. Коллинза¹⁸ – он рассматривает его и как коммуникативную технологию, и как технологию производства групповой солидарности, идентичности и символов, репрезентирующих группу, а следовательно, как ключевой механизм формирования сообществ. Таким ритуалом, например, является диссертационный диспут: будучи упразднен в 1918 г., он продолжал воспроизводиться неофициально вплоть до восстановления ученых степеней и научных

званий в 1934 г.¹⁹: впрочем, этот механизм можно рассматривать и в рамках концепции структурной инерции.

Большой исследовательский потенциал имеют теоретические положения, сформулированные в рамках экологического подхода и концентрирующиеся на вопросах отбора и адаптации, – под ними понимаются выработка стратегии реагирования и приспособления; отбор поведенческих реакций как на уровне индивидов, так и на уровне элементов организаций и отдельных организаций. Ключевой здесь является концепция «организационных форм», согласно которой единицей адаптации является организация, реализующая определенный шаблон организационного действия: преобразование сигналов и ресурсов на входе в сигналы и ресурсы на выходе²⁰. Иными словами, перспективным является изучение не индивидуальных, а прежде всего коллективных средств адаптации того или иного сообщества к ситуациям среды (при допущении того, что все члены группы разделяют некоторую общую судьбу, до определенной степени все они испытывают на себе последствия ее успеха и неудач). Силы, побуждающие те или иные общины (communities) приспосабливаться к внешнему миру, охарактеризовала Р. Кантер²¹.

Безусловно, сама установка на исследование адаптационных процессов непривычно, но вполне объяснимо связана с биологизаторским подходом, а именно концепцией изоморфизма, под которым понимается формирование тождественности, идентичности форм под влиянием внешних и внутренних факторов, а также в условиях конкуренции. Оговаривая, что безусловным ограничением биологизаторского подхода является тот факт, что в социальных исследованиях зачастую речь идет о приспособлении не к одной, а к множеству сред, которые порой предъявляют отчасти противоречащие друг другу требования либо к среде в ее динамическом изменении²², нам представляется интересным социальное преломление данной концепции: оно сформулировано в работах А. Хоули, М. Хэннана и Дж. Фримена, П.Дж. Димаджио и У.В. Пауэлла. На наш взгляд, именно концепция изоморфизма объясняет как массовое принятие учеными марксистско-ленинской идеологии (и отражения этого факта в их творческом наследии), так и интересную статистику невнимания власти к подобной демонстрации политической благонадежности в пользу беспартий-

ных научных работников, демонстрирующих высокую научную результативность²³.

А. Хоули описывает изоморфизм как ограничивающий социальное множество процесс, который вынуждает единицу популяции походить на другие единицы, существующие в условиях той же среды (в том числе с точки зрения политической конформности, обеспечивающей долгосрочность жизни организации)²⁴. В основе его концепции лежит положение о том, что разнообразие организационных форм изоморфно разнообразию сред, а именно в каждой отдельной средовой конфигурации существует только та форма, которая оптимально адаптирована к требованиям среды. Каждая единица сталкивается с ограничениями, которые вынуждают ее походить на другие единицы, находящиеся под действием тех же ограничений. Иными словами, организации часто демонстрируют согласованность при адаптации к условиям среды, из-за чего возникает системный изоморфный эффект. Идеи Хоули расширила концепция М. Хэннана и Дж. Фримена, утверждавших, что изоморфизм может быть следствием того, что неоптимальные формы выбраковываются из популяции организаций или результатом того, что лица, принимающие решения в организациях, усваивают адекватные реакции и соответствующим образом приспосабливают свое поведение²⁵. Ключевым для авторов стало изучение т. н. конкурентного изоморфизма. К его изучению обратились и П.Дж. Димаджио и У.В. Пауэлл²⁶. Они выявили один из принципов: чем сильнее обеспечение организационного поля жизненно необходимым ресурсами зависит от одного источника поддержки (или нескольких сходных источников), тем выше уровень изоморфизма²⁷. Чем активнее организации в поле взаимодействуют с государственными учреждениями, тем больше степень изоморфизма в поле в целом²⁸. С точки зрения институционального подхода наиболее важным аспектом изоморфизма организации внешней среде является изменение организационного языка²⁹: риторики, демонстрирующей соответствие времени и уровень конформности.

Однако все указанные авторы сходятся на том, что системный эффект изоморфизма носит краткосрочный характер – ограничение подобного подхода лежит в проблеме коллективной рациональности: едва ли только линия поведения, которая позволяет отдельной организации адаптироваться в условиях меняющейся социальной среды, обеспечит адаптацию множеству конкурирующих

организаций, избирающих аналогичную стратегию³⁰. В этом отношении принцип изоморфизма перестает работать – сама среда отбирает оптимальные комбинации независимо от того, имеет ли место сознательная адаптация отдельных групп/индивидов/организаций. Кроме того, чем больше степень неопределенности технологий или неоднозначности целей в поле, тем выше темпы изоморфных изменений³¹. Т. о. принцип изоморфизма безусловно дополняется исследованием критериев отбора и моделей конкуренции для описания процессов, вызывающих изоморфизм между организационной структурой и требованиями среды. Ключевой здесь является т. н. *модель Хоули*, согласно которой в конкуренции, возникающей вследствие конечности ресурсов, выделяются четыре этапа: 1) спрос на ресурсы превышает их предложение; 2) конкуренты становятся все более похожими друг на друга, по мере того как стандартные условия конкуренции вызывают однородную реакцию; 3) отбор устраняет слабейших из числа конкурентов и 4) оставшиеся конкуренты дифференцируются по территориальному или функциональному признаку, образуя тем самым сложное разделение труда и достигая некоторого равновесия³².

Тесно связана с разработкой адаптационного подхода и теорией конкуренции внутри организационного поля (в данном случае поля науки) концепция «эффективного менеджмента». Ее сторонники предполагают, что существует иерархия власти и контроля, на вершине которой принимаются решения, значимые для организации в целом. Отсюда следует, что воздействие среды на организацию зависит от того, каким образом ее менеджеры или лидеры вырабатывают стратегии, принимают решения и претворяют их в жизнь. Наиболее успешные менеджеры способны либо предохранять свои организации от нестабильности среды, либо плавно вносить коррективы, сводя к минимуму нарушения организационной структуры³³. Этот подход играет ключевую роль в функциональном анализе отношений между организацией и средой, предложенном Т. Парсонсом³⁴. В этом ключе интересен и подход Дж. Коулмана, считающегося основателем направления «социология рационального выбора», – в ее основе лежит представление о необходимости учитывать индивидуализм и предпосылки рационального поведения экономических акторов при анализе сложных социальных процессов³⁵. Допущение этого «рационального» момента в трактовку происходящих в научном пространстве конца 1910-х – первой половины 1930-х гг. событий позволяет

иначе взглянуть и на процессы адаптации научного сообщества к происходящим переменам, и на динамику конкурентных процессов внутри самого научного сообщества³⁶.

При анализе адаптационных механизмов важны работы, в которых исследуется ряд очевидных ограничений способности организаций и индивидов к адаптации: процессы, которые порождают т. н. структурную инерцию. Именно структурная инерция играет ключевую роль в выборе модели адаптации и отбора. Т. Бернс и Дж. Сталкер, а также А. Стинчкомб оказывали на то, что структура организации может содержать значительную инерционную составляющую³⁷. Инерционное давление порождается как внутренним устройством структуры, так и средовыми ограничениями. С одной стороны, поскольку набор ресурсов ограничен, структурное изменение почти всегда предполагает перераспределение ресурсов между элементами организации, что подрывает сложившуюся систему обмена между ними (или их лидерами), поэтому обычно хотя бы некоторые части будут противиться любой предполагаемой реорганизации. С другой стороны, формальные структуры многих организаций четко отражают мифы их институциональных сред, а не требования производственного процесса³⁸. Безусловно, организации функционируют согласно формальным планам деятельности: координация осуществляется в соответствии с установленным порядком, правила и процедуры соблюдаются, выполняемые операции соответствуют предписаниям формальной структуры. Однако в реальности формальные структуры оказываются слабо сцеплены – связь структурных элементов с деятельностью и между собой довольно слаба; правила нередко нарушаются; решения зачастую не выполняются, а если выполняются, то имеют неопределенные последствия; эффективность используемых технологий порой сомнительна, поскольку система оценки и проверки являются настолько нечеткими, что почти не обеспечивают координации³⁹. Трактовка отдельных процессов в научном пространстве 1920–1930-х гг., различий в положении различных территориальных, квалификационных, дисциплинарных групп и сообществ; а также сохранение в 1920-е гг. отдельных институтов и элементов, формально утративших свою функцию после реформирования первых постреволюционных лет (например диссертационного диспута), на наш взгляд, легко укладываются в концепцию структурной инерции.

Охарактеризовав лишь некоторые из теоретических междисциплинарных подходов, мы можем выдвинуть гипотезу о серьезном исследовательском потенциале их привлечения к анализу исторической проблематики и насущной необходимости выхода за пределы узко-историографических, дисциплинарных трактовок при изучении научного сообщества конца 1910-х первой половины 1930-х гг. Подобный ракурс исследования обоснован представлением о науке как о сложной саморазвивающейся системе, каждый элемент которой находится в тесной связи и взаимодействии с другими элементами в их развитии, обусловленном общей имманентной, внутренне присущей логикой, и не может быть исследован изолированно.

---

¹ Например, картина жизни отечественных гуманитариев в годы Гражданской войны и Военного коммунизма была раскрыта в работе: *Гришина Н.В., Скворцов А.М.* Социально-бытовые условия жизни отечественных гуманитариев в 1920-е гг. // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 24 (379). История. Вып. 66. С. 190–196; *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции, 1917–1936 гг. М., 2003; *Чуйкина С.А.* Жизненные траектории дворян в советском обществе: Ленинград, 1920–1930-х гг.: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2006.

² Например: *Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX века: Тезисы докладов и сообщений науч. конф., Санкт-Петербург, 19–20 марта 1996 г.* / гл. ред. Г.Л. Соболев. СПб., 1996; *Репрессированная наука* / под ред. М.Г. Ярошевского. Т. 1–2. М., 1991–1994; *Перченко Ф.Ф.* Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995; *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: Отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004; *Подвласная наука: Наука и советская власть* / ред. С.С. Неретина, А.П. Огурцов. М., 2010 и др.

³ Например, *Колчинский Э.И., Козулина А.В.* Бремя выбора: почему В.И. Вернадский вернулся в Советскую Россию? // Вопросы истории естествознания и техники. 1998. № 3. С. 3–25; *Сорокина М.Ю.* Русская научная элита и русский тоталитаризм (очень субъективные заметки) // *Личность и власть в истории России XIX–XX вв.* СПб., 1997. С. 248–254; *Сидорчук И.В.* Академическое гуманитарное сообщество и политика государства в России (1914–1930): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2012; *Todes D.P.* Ivan Pavlov: A Russian life in Science. Oxford; New York: Oxford University Press, 2014, и др.

⁴ *Долгова Е.А.* Научное сообщество в условиях мобилизационных перемен: адаптация к не-политическим факторам // Социокультурные

ресурсы человека как способ активной адаптации: поведенческие стратегии в условиях социального стресса. М., 2017. С. 96–110.

⁵ Бурдые П. Формы капитала [1983] // Классика новой экономической социологии / Под ред. А.А. Радаева. М.: ВШЭ, 2014. С. 293–315.

⁶ Там же. С. 294.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 305.

⁹ Там же. С. 306.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Мертон Р.К. Эффект Матфея в науке: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // THESIS. 1993. Вып. 3. С. 256–276.

¹³ Св. Евангелие от Матфея, глава 25, ст. 29.

¹⁴ Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. / авт.-сост. Е.А. Долгова. М., 2015.

¹⁵ Granovetter M. Economic action and social structure: the problem of embeddednes // American Journal of Sociology. 1985. Vol. 91 (3). P. 481–510; Idem. The strength of weak ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. P. 1360–1380.

¹⁶ Например: Долгова Е.А. Власть, ЦеКУБУ и творческая интеллигенция в социально-экономических обстоятельствах 1920-х гг. // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15. № 1. С. 119–127; Она же. Профессиональные статусы и неравенство в научном сообществе в 1920-е гг. // Культура и власть в СССР. 1920–1950-е гг. (сер. «История сталинизма»). М., 2017. С. 438–447.

¹⁷ Granovetter M. Op. cit.

¹⁸ Whittaker R.N., Levin S. Niche: Theory and Application. Stroudsberg, PA: Dowden, Hutchinson y Ross, 1976.

¹⁹ Гришина Н.В. «Диспут был реальным фактом и в реальной обстановке»: контуры диссертационной системы в 1920-е гг. // Диссертация по истории в контексте российской научной культуры XIX – середины XX в.: опыт и перспективы изучения: сборник статей по итогам межрегионального научного семинара (вебинара). Челябинск, 2016. С. 88–98.

²⁰ Хеннан М., Фримен Дж. Популяционная экология организаций / пер. с англ. Г.Б. Юдина // Экономическая социология. 2013. Вып. 14 (2). С. 28.

²¹ Kanter R.M. Commitment and Community. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1972.

²² Хеннан М., Фримен Дж. Указ. соч. С. 52.

²³ Долгова Е.А. Была ли наука коммунистической? Из статистики научных кадров 1929–1937 гг. // Социология науки и технологий. 2017.

Т. 8. № 1. С. 113–124; *Она же*. Конфликт vs сотрудничество в советской науке: статусы, привилегии и партийность // Вестник РГТУ. Серия: «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2017. № 1 (7). С. 19–27.

²⁴ *Hawley A.H.* Human ecology: a theory of community structure. New York: Ronald, 1950.

²⁵ *Hannan M., Freeman J.* The population ecology of organization // American Journal of Sociology. 1977. Vol. 82. P. 929–964.

²⁶ *DiMaggio P., Powell W.W.* The iron cage revisited: institutional isomorphism and collective rationality in organization fields // American sociological review. 1983. Vol. 48 (2). P. 147–160. Здесь и далее цитируется по: *Димаджо П.Дж., Пауэлл У.В.* Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Классика новой экономической социологии. М., 2014. С. 164–191.

²⁷ *Димаджо П.Дж., Пауэлл У.В.* Указ. соч. С. 182.

²⁸ Там же.

²⁹ *Mills C.W.* Situated actions and vocabularies of Motive // American sociological review. 1940. Vol. 5 (February). P. 904–913.

³⁰ *Хеннан М., Фримен Дж.* Популяционная экология организаций. С. 25.

³¹ *Димаджо П.Дж., Пауэлл У.В.* Указ. соч. С. 182.

³² *Hawley A.H.* Human ecology: a theory of community structure. New York: Ronald, 1950. P. 201–203.

³³ *Хеннан М., Фримен Дж.* Популяционная экология организаций.

³⁴ *Parsons T.* Suggestions for a Sociological approach to the Theory of Organizations // Administrative Science Quarterly. 1956. Vol. 1 (March). P. 63–85.

³⁵ *Coleman J.* Introducing social structure into economic analysis // American Economic Review. Papers and proceedings of the ninety-sixth annual meeting of the American economic association. 1984. Vol. 74 (2). P. 84–88.

³⁶ *Долгова Е.А.* «Проектная наука»: ученые и механизм государственной поддержки научных инициатив в постреволюционные годы // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований. Екатеринбург, 2017. С. 405–416.

³⁷ *Burns T., Stalker G.M.* The management of innovation. London: Tavistock, 1961; *Stinchcombe A.L.* Bureaucratic and craft administration of production // Administrative Science Quarterly. 1959. Vol. 4 (June). P. 168–187.

³⁸ *Мейер Дж., Роуэн Б.* Институционализированные организации: формальная структура как миф и церемониал // Классика новой экономической социологии. М., 2014. С. 134.

³⁹ Там же. С. 136.

«Недисциплинированная» междисциплинарность: публичная история и ее практики

А.С. Ходнев

Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского,
г. Ярославль

***Аннотация.** Цель статьи – раскрыть особенности появления и современного существования публичной истории как междисциплинарного движения в условиях развития новых медиа, глобализации и контекста постиндустриального общества. Практики публичной истории связаны с особым случаем междисциплинарности, когда историю творят для публики люди, имеющие совершенно другой опыт, часто далекий от профессиональной дисциплины и подготовки историка. Это могут быть журналисты, телережиссеры, писатели, разнообразные любители-реконструкторы. Публичная история стирает границы коммуникации в обществе, однако далеко не все. Формы подачи материала остаются национальными, связанными с лингвистическим и культурным контекстом. Специфика этих социокультурных практик должна находиться в фокусе изучения профессиональных историков.*

***Ключевые слова:** публичная история, академическая история, историческая память, идентичность, мюзикл «Гамльтон»*

Мы все больше убеждаемся в том, что существует много «историй» как областей знания. Анализ практик коммуникаций в столкновении разных историй помогает понять, как государство присваивает и трансформирует народные воспоминания в свою официальную историю, а также и то, как общество встраивается в эти практики или сопротивляется им, поддерживая или отвергая общенациональные образы, приобретающие разнообразные значения, вытекающие из локальных контекстов.

Миры истории за границами и стенами академического мира во второй половине XX в. увеличивались кратно развитию современных медиа, сначала телевидения и популярных журналов по истории, за-

тем в 1990-е гг. с появлением Интернета. Существенно изменилась идеология создания музейных экспозиций. Это естественно была популярная, народная, массовая или публичная история.

Публичная история появилась в США в середине 1970-х гг. как попытка найти новые возможности трудоустройства выпускников университетов, получивших степень профессионального историка. К этому времени были уже заполнены места на факультетах, кафедрах и центрах изучения истории при университетах, а появления новых вакансий не ожидалось. Историки провозгласили новое направление подготовки студентов: музейное дело, работа с общественностью, продвижение истории для широкой публики.

В начале XXI в. публичная история стала международным движением. С 2010 г. действует Международная федерация публичной истории (*International Federation for Public History*). Это признак глобализации, постиндустриального уровня развития общества. Публичная история стирает границы, однако далеко не все. Формы подачи материала остаются национальными, связанными с лингвистическими возможностями, а также особенностями коммуникации социальных групп, институтов государства, университетов, новых медиа. Специфика этих контекстов и практик должна находиться в фокусе изучения профессиональных историков, если мы считаем своей миссией сопровождение общественного интереса к истории и информирование общественности о важных проблемах науки, затрагивающих, например, толкование и преподавание трудных вопросов отечественной истории.

Появление и распространение практик публичной истории связано с особым случаем междисциплинарности, продиктованной тем фактом, что в эту область приходят и творят историю для публики люди, имеющие совершенно другой опыт, часто далекий от профессиональной подготовки историка. Это могут быть журналисты, телережиссеры, писатели, разнообразные любители-реконструкторы и даже музыканты и артисты из мира массовой поп-культуры. Например, известный американский журналист и писатель А. Хочшилд торжествовал в 2010 г.: «Только в прошлом году я начал понимать фразу “публичная история”. Я благодарен за это, потому что теперь, наконец, я знаю, как называть себя. Всю жизнь я испытывал дискомфорт, когда люди представляли меня как историка, поскольку у меня нет диплома, я не преподаю на историческом факультете, и меня интересует история для широкой публики.

Теперь я чувствую себя одним из героев Мольера, который был взволнован, обнаружив, что всю свою жизнь он говорил прозой. Ибо, когда теперь кто-то спрашивает меня, что я делаю, я могу сказать, что я занимаюсь публичной историей»¹.

В то же время профессиональные историки, принявшие вызов поиска новых мест работы для своих выпускников и работающие по образовательным программам публичной истории, не очень хорошо осознают новую междисциплинарность. Например, профессор Техасского университета М.С. Сосеби писал: «Как и многие в моей профессии, я действительно не имел в течение многих лет четкого мнения о том, что собой представляет «публичная история». Время от времени студенты спрашивали меня, что понимают под термином “публичная история”, и я бормотал с каким-то смутным чувством о музеях, архивах, парковых комплексах и все, что мне приходило в голову в тот момент. Правда заключалась в том, что я не только не имел понятия о публичной истории, меня это не интересовало»².

Известный историк В.В. Согрин разделил всю современную отечественную историческую культуру на три субкультуры: народную, отражающую восприятие истории массовым общественным сознанием, государственно-политическую, рожденную при посредстве государственного заказа, и научную академическую субкультуру, созданную профессионалами на основе документальных источников и научных дисциплинарных критериев. В.В. Согрин полагает, что признания заслуживает только третья субкультура исторического знания, и только ее можно называть исторической наукой, иными словами, настоящей историей³. Большая часть профессиональных историков в России поддерживает эту позицию и считает, что только ученые-историки имеют право закрывать «белые пятна» в представлениях о прошлом в народной субкультуре и конструировать национальный исторический нарратив, способный, в свою очередь, создавать новую российскую идентичность.

Публичная история в США, хотя и не имеет до сих пор четко очерченных предметных академических рамок, ведет себя как любая другая историческая дисциплина. Появился журнал «Паблик хисториан» (“*Public Historian*”), который публикует вполне академические статьи, возникли профессиональные сообщества. С 1979 г. активно работает Национальный совет публичной истории

(НСПИ). НСПИ имеет внушительный список попечителей, организующих сбор финансовых средств и поддерживающих начинания совета. На ежегодных конференциях НСПИ обсуждаются важные проблемы дальнейшего развития публичной истории. Например, в 2017 г. на рабочих группах предлагали такие темы для обсуждения: «Встреча с цифровым посредником: участие общества в цифровом мире», «Посредничество в интерпретации раннего американского прошлого для современной публики», «Образование в области публичной истории и экологическая устойчивость», «Коммуникация в истории как отдельная область исследований», «Спорт в кампусе: спортивные традиции как публичная история и память»⁴. Заметим, что некоторые из этих тем сформулированы как вполне современные научные проекты, заслуживающие интереса со стороны профессиональных историков, опирающиеся на междисциплинарные методы исследования. Иными словами, эти исследования могут продвинуть к новым рубежам весь корпус исторической науки.

С определением публичной истории как дисциплины, или, лучше сказать, области знаний и практик, существуют заметные трудности, поскольку историки дают разные интерпретации. Это заметили российские историки. И.М. Савельева суммировала новое движение следующим образом: «Публичная история представляет собой совокупность подходов и практик, направленных на идентификацию, сохранение, интерпретацию и презентацию исторических артефактов, текстов, структур и ландшафтов во взаимодействии историков-профессионалов с широкой публикой»⁵. Л.П. Репина добавила свою трактовку дефиниции публичной истории: «Думается все же, что было бы достаточно обозначить весь этот разношерстный набор практик, сопротивляющийся дисциплинарному определению, как комплекс средств для представления научного исторического знания широкой публике и для формирования знания о прошлом в обыденной жизни»⁶.

В 2007 г. в США появилось определение публичной истории как «движения, методологии и подхода, который развивает совместное изучение и практики истории»⁷. Обратим внимание на то, что дефиниция, предложенная НСПИ, не упоминает о некоей субординации или противопоставлении академических историков и широкой публики. «Движение» – это не предметная область истории и не дисциплина в общепринятом понимании. Речь идет о том, чтобы соблюдалось прин-

ципы уважения в ходе совместного изучения истории, и академические историки должны быть ближе к современным средствам коммуникации, передачи идей, полезных для общественности. Иными словами, получается, что публичная история – это история, которая рождается за пределами академического мира, часто появляется «снизу» в виде новых образов исторической памяти и использует понятные широкому кругу современников способы и формы передачи этих представлений в контексте новых средств коммуникации.

На рубеже 1980–1990 гг. в США стали активно изучать историческую память⁸ и использование истории в различных областях культуры и жизни общества⁹. Вследствие этих дискуссий публичная история из сферы интересов университетов, заботившихся о местах работы для своих выпускников, переместилась в поле серьезных отношений истории с широкой общественностью, культурных достижений и неудач, проблем формирования американской идентичности с использованием истории. Исследования Д. Тилена, Р. Розенцвейга и др. были построены на междисциплинарном использовании достижений социологии и новых направлений истории.

Д. Глассберг объяснил стержневое значение истории для формирования американской идентичности, тем, что нация в значительной степени состояла из иммигрантов, которые имели представления и память о той земле, откуда они прибыли, о родителях и предках. Это была для них своя семейная и локальная идентичность, не связанная с Америкой. Следовательно, чтобы как можно скорее стать американцами, иммигранты должны были сформировать представления о новой Родине. Здесь история приходила на помощь. Д. Глассберг подчеркивал, что в XXI в. с «возросшей глобальной мобильностью людей и идей по всему миру, в том числе и через виртуальное пространство Интернета, поворот к истории как якорю личной, групповой и семейной идентичности будет возрастать»¹⁰. Действительно, в случае США подобный поворот к общенациональной, федеральной истории, проявившей себя в публичной сфере, постоянно набирает силу.

Процессы конструирования идентичности обставлены многочисленными сложностями. Р. Розенцвейг подчеркивал, что взгляды американцев на историю обладают характеристиками «множественной идентичности», а с точки зрения конструирования идентичности индивидуумы, отдельные личности, могут выглядеть сложнее, чем социальные группы. Каждая часть идентичности от-

дельного человека несет в себе материалы и традиции, которые индивидуум как отдельное целое, так и вместе с другими, может превращать в коллективное прошлое с постоянно меняющимися вариациями¹¹. И тем не менее, чтобы описать любую из этих групп, нельзя применить описание одного человека, который содержит много потенциальных идентичностей и промежуточных признаков между идентичностями, с помощью которых можно описать его происхождение.

Одним из нашумевших кейсов публичной истории в США, вызвавшим если не конфликт, то серьезную интеллектуальную дискуссию из-за использования прошлого, связан с появлением на Бродвее в 2015 г. популярного мюзикла «Гамильтон». И этот случай наглядно демонстрирует, насколько публичная история является междисциплинарной, не являясь в полном смысле исторической дисциплиной.

Прологом к появлению бродвейского проекта известного музыканта Лин-Мануэля Миранды послужила книга, выпущенная писателем Р. Черноу в 2004 г. к столетию с момента смерти Александра Гамильтона¹². Выпускник школ лингвистики и литературы Йеля и Кембриджа, Р. Черноу был уже известным писателем, несколько премий за биографии крупных банкиров и бизнесменов. Однако настоящая слава публичного историка пришла к Р. Черноу, когда его восьмисот-страничный текст «Александр Гамильтон» прочел в отпуске Л.-М. Миранда, уже прославившийся как певец и композитор, не раз приглашавшийся в Белый дом на вечера поэзии и музыки, организованные президентом Б. Обамой. Следует отметить, что политическая линия, связанная с президентом Б. Обамой, в истории появления мюзикла «Гамильтон» была очень существенной. Для многих иммигрантов, недавно ставших гражданами США, история первого афроамериканского президента, сына иммигранта, была чудом и вдохновляющим примером успеха. Л.-М. Миранда родился в семье иммигрантов из Пуэрто-Рико. Не случайно о мюзикле «Гамильтон» говорили, что шоу «чем-то действительно похоже на Америку Б. Обамы»¹³.

Что именно привлекло внимание Л.-М. Миранды в книге Р. Черноу? По мнению Р. Черноу, А. Гамильтон недостаточно оценен в истории США. Гамильтон занимал должность первого секретаря казначейства (министра финансов) США и, по мнению Р. Черноу, стал главным архитектором нового правительства. Ве-

лик вклад Гамильтона в создание Конституции США. Р. Черноу подчеркивал: «Если Джефферсон сотворил поэзию американского политического дискурса, Гамильтон создал прозу американского государственного управления»¹⁴. У него был прагматичный ум. Ни один другой отец-основатель «не сформулировал столь четкое и прозорливое видение будущей политической, военной и экономической мощи Америки и не изобрел такие гениальные механизмы объединения нации»¹⁵, – заключил Р. Черноу.

Л.-М. Миранду привлекла другая глорификация в книге Р. Черноу: А. Гамильтон изображен как архетип успешного иммигранта. По версии Р. Черноу, никому не известный иммигрант приезжает в Америку, делает карьеру, несмотря на отсутствие знатного происхождения и поддержки семьи. Сага о превращении бедного клерка в генерала и высокопоставленного члена правительства Джорджа Вашингтона предлагает, по мнению Черноу, захватывающую личную историю и панорамный обзор эпохи становления ранней республики в США¹⁶.

Л.-М. Миранда, если судить по результату в мюзикле «Гамильтон», прочел все это буквально, как рассказ о сегодняшней Америке. Он обратился за помощью к Р. Черноу: «Я хочу, чтобы историки приняли это всерьез»¹⁷. Тем не менее когда текст пьесы был написан и начались репетиции, Р. Черноу, по его собственному выражению, был «шокирован» кастингом¹⁸: актеры, которые должны были играть роли Вашингтона, Гамильтона и других отцов-основателей, были либо афроамериканцами, либо латиноамериканцами. Единственная роль английского короля Георга III была поручена белому актеру. Следовательно, Миранда опирался на принцип, что актер любой расы мог играть роли отцов-основателей США.

Историки заметили несколько важных моментов, делающих мюзикл «Гамильтон» уязвимым с точки зрения исторической достоверности. Межрасовый кастинг в мюзикле нейтрализует проблему существовавшего рабства. Отцы-основатели США примирились с существованием рабства, многие из них сами были рабовладельцами. А. Гамильтон не был приверженцем аболиционизма и идеи равенства граждан¹⁹. Он был далек от образа поборника демократии. Историки напоминают, как на одном из заседаний Конституционного конвента, обсуждавшего конституцию США, А. Гамильтон в речи, продолжавшейся более пяти часов,

призывал новую нацию вернуться к монархии или по крайней мере к тому, чтобы выбирать президента и сенаторов пожизненно²⁰.

Главные упреки историков заключаются в том, что американская историография постепенно отказывается от концепции отцов-основателей, создавших страну. Историки написали в последние годы новые книги, в которых действуют простые люди, поддержавшие «Декларацию независимости», служившие в Континентальной армии, создававшие новую страну. В этом отношении интересная книга Р. Черноу, кажется, не учитывала новые достижения историографии и была написана в старой и традиционной манере. Проблема мюзикла «Гамильтон» не в исторических ошибках и неточностях, а в отсутствии действий простых людей, которые активно боролись за независимость. В мюзикле «Гамильтон» выходит, что отцы-основатели действовали в социальном вакууме, без поддержки общества²¹.

Перенос событий прошлого в настоящее время и использование прошлого для постижения современных культурных и политических процессов – отнюдь не новая практика. Чаще всего это было связано с проблемами конструирования идентичности. Современные проблемы нередко имеют глубокие исторические корни, и понимание исторического контекста жизненно важно для разработки реалистичных решений. Однако перенос современности на прошлое, изменение интерпретации этого прошлого под влиянием политических процессов в настоящем приводит к тому, что элиты, как правило, создают новые коллективные идентичности для выполнения политических задач. Это направление в интерпретации прошлого получило наименование «презентизм». Мюзикл «Гамильтон» обладает достаточно серьезными признаками презентизма в обращении с эпохой Ранней республики в Америке.

Таким образом, мюзикл делает Гамильтона-иммигранта создателем сильной Америки и связывает его судьбу с нарративом об иммиграции в XIX–XX вв. Но у реального Гамильтона не было сочувствия к иммигрантам, он не был приверженцем ни демократии, ни идеи освобождения рабов, а пьеса показывает его таковым. Известно также, что ни Американская революция, ни ее главные герои ничего не принесли ни афроамериканцам, ни коренным жителям Америки. Учитывая все это, интересно наблюдать, станет ли мюзикл «Гамильтон» основой конструирования идентичности но-

вого поколения американцев на основе истории Ранней республики и отказа от устойчивых образов «Унесенных ветром» и Гражданской войны?

Публичная, массовая, популярная история наступает – это очевидный факт. Следует признать, что людей, считающих, что телевидение может заменить им чтение серьезных книг, не становится меньше. Новые медиа вряд ли в ближайшее время потеснят телевизионные каналы, выступающие под брендом «История», или “*History*”. Во многих странах растет количество журналов, наченных популярной, иногда просто гламурной исторической тематикой. Все это требует внимательного и заинтересованного взгляда профессиональных историков.

Публичная история стала глобальным трендом. Тем не менее, публичная история демонстрирует национальные и этнические черты восприятия исторических знаний в разных странах. Это новый вызов, требующий изучения этих процессов.

---

¹ *Hochschild A.* Adventures in Public History // *The Public Historian*. 2010. Vol. 32. № 4. P. 85.

² *Sosebee M.S.* The Practice of Public History: A Special Issue // *East Texas Historical Journal*. 2012. Vol. 50. № 1. P. 9.

³ *Согрин В.В.* Три исторические субкультуры постсоветской России // *Общественные науки и современность*. 2013. № 3. С. 92.

⁴ NCPH. Annual Meeting. Working groups. (2017) [Internet]. URL: <http://ncph.org/conference/2017-annual-meeting/working-groups/> (дата обращения: 10.09.2018).

⁵ *Savelieva I.* ‘Public History’ as a Vocation. Basic Research Program. Working Papers. Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2013. P. 7.

⁶ *Репина Л.П.* Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации // *Ученые записки Казанского университета*. 2015. Том 157. Кн. 3. С. 63.

⁷ Public History Defined? [Internet]. URL: <http://blog.historians.org/2007/06/public-history-defined/> (дата обращения 10.09.2018).

⁸ См.: *Memory and American History / D. Thelen (ed.)*. Bloomington: Indiana University Press, 1989.

⁹ *Rosenzweig R., Thelen D.* The Presence of the Past: Popular Uses of History in American Life. New York, 1993.

¹⁰ *Glassberg D.* Sense of History: The Place of the Past in American Life. Amherst: University of Massachusetts, 2001. P. 208.

¹¹ Rosenzweig R., Thelen D. Op. cit. P. 199–200.

¹² *Chernow R.* Alexander Hamilton. New York, 2004.

¹³ *Hayes C.* You Say You Want a Revolution? // *Chis Hayes. Billboard.* 2015. Vol. 123. Issue 23. P. 39.

¹⁴ *Chernow R.* Alexander Hamilton. P. 4.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid. P. 4–5

¹⁷ *Miranda L.-M., McCarter J.* Hamilton the Musical. New York, 2016. P. 32.

¹⁸ Ibid. P. 33.

¹⁹ *Gordon-Reed A.* Legacy. What is a legacy? // *History Today.* 2016.

№ 11, P. 4–5.

²⁰ *Smith B.G.* Alexander Hamilton the Wrong Hero for Our Age // *Independent Review.* 2017. Vol. 21. № 4. P. 519.

²¹ Ibid. P. 521.

Виртуальные архивы и историческое знание в начале XXI в.

В.Л. Гайдук
Медиатека ГМВЦ «РОСИЗО»,
г. Москва

***Аннотация.** До настоящего времени электронные архивы практически не рассматривались в свете развития исторического знания. Анализу этой проблемы посвящено данное исследование. В первой части работы автор рассматривает основные виртуальные архивы, созданные федеральными архивами, музеями и частными лицами. Во второй – прослеживает взаимосвязи между трансформациями исторического знания, произошедшими в XX в., и способами отбора и публикации архивных материалов. В итоге автор приходит к выводу, что виртуальные архивы не только предоставляют доступ к большому кругу архивных документов, но также маркируют особую ситуацию исторического знания.*

***Ключевые слова:** виртуальные архивы, историческое знание, memory studies, trauma studies*

Буквы есть и на корешке книги,
но они не определяют и не предвещают того,
что скажут страницы. Это несоответствие,
я знаю, когда-то казалось таинственным.

Х.Л. Борхес.
Вавилонская библиотека

В 2005 г. был опубликован номер Нового литературного обозрения, посвященный институциональным организациям коллективной памяти – архивам, музеям и библиотекам¹. Отдельным вопросом в журнале обсуждались новые технологии в архивах и библиотеках. Главной проблемой, которую, по мнению исследова-

---

© Гайдук В.Л., 2019

Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 14-18-01970 ИРЛИ РАН.

телей, мог решить Интернет, была проблема свободного доступа к архивным материалам. Сценарий публикации архивных документов виделся, например, Е.В. Бобровой таким образом: «Поэтапное размещение в свободном доступе в Сети справочников сначала на уровне фондов, затем на уровне описей и только потом на уровне дел»².

Сейчас на сайте практически каждого федерального архива размещены электронные описи, которые позволяют искать документы в привычном архивном формате: номер фонда, номер описи, номер дела; существует также возможность сквозного поиска по отдельному слову, персоне, организации³. Кроме того, на сайте Федерального архивного агентства размещен Центральный фондový каталог (ЦФК) – «федеральная государственная информационная система, представляющая сведения о составе Архивного фонда Российской Федерации»⁴. В рамках ЦФК можно искать информацию не только в федеральных архивах, но также в государственных и муниципальных.

Большинство федеральных архивов отказалось от размещения сканированных копий архивных документов на собственных сайтах, архивы стали создавать тематические электронные архивы⁵. Главной миссией таких архивов является концентрация документов, объединенных одной темой на одном интернет-ресурсе. Это позволяет преодолеть раздробленность некоторых фондов, обусловленную историческими обстоятельствами. Кроме того, это провоцирует архивы взаимодействовать не только между собой, но и включать в проекты зарубежные архивы и музеи.

На сайте Росархива в разделе “on-line проекты” можно найти следующие категории сайтов: интернет-проект, виртуальная выставка, коллекция документов, сайт, документальная публикация⁶. К сожалению, установить различие между данными категориями практически не возможно, т. к. они обладают сходными характеристиками: сайт посвящен одному событию, персонажу или проблеме; на сайте представлены сканированные копии архивных документов; главной целью сайта является «ознакомление широкой общественности, историков и всех заинтересованных лиц с документами Архивного фонда Российской Федерации»⁷.

База рассекреченных документов также какое-то время велась в электронном виде. С 1998 г. по 2011 г. Федеральное архивное агентство выпускало «Бюллетень рассекреченных документов фе-

деральных государственных архивов», в котором публиковались обзоры рассекреченных дел и перечни дел федеральных архивов, Архива Правительства РФ, Архива Президента РФ. В 2013 г. была создана База данных рассекреченных дел и документов федеральных государственных архивов⁸. В настоящее время база не пополняется, а рассекречивание документов происходит исходя из тематики новых виртуальных архивов.

Примером может служить интернет-проект «Накануне и после Мюнхена. Архивные документы рассказывают. К 80-летию "Мюнхенского сговора"»⁹. Цель проекта обозначена как «ввести в научный оборот дополнительный комплекс документов кануна Второй мировой войны и с их помощью рассказать о том, как Мюнхенское соглашение 1938 года стало кульминационным моментом в политике "умиротворения" фашистских агрессоров»¹⁰. Большинство документов, представленных в электронном архиве, по утверждению разработчиков имели грифы «секретно» и «совершенно секретно» и были рассекречены специально для этого проекта.

Представленные "on-line проекты" Росархива не предполагают сплошной публикации документов. Их можно сопоставить с печатными публикациями документов, для которых отбираются наиболее репрезентативные и информативные источники. Есть несколько виртуальных архивов, которые предполагают сплошную публикацию документов, среди них «Документы советской эпохи»¹¹ и «Автограф. Электронный архив русской литературы»¹².

Сайт «Документы советской эпохи» был создан в 2013 г. В обращении руководителя Росархива А.Н. Артизова говорится, что на портале опубликованы документы, имеющие ключевое значение для понимания советской истории. В разделе «Документальные комплексы» представлено пять подразделов: Высшие органы партийно-государственной власти Советской эпохи (Материалы Политбюро ЦК); Организации и учреждения (Архив Коминтерна); Личные фонды деятелей Советской эпохи (фонд Сталина); Великая отечественная война (документы из фонда ГКО, СНК и документы Горьковского городского комитета обороны периода ВОВ); Российская революция 1917 г. (документы Съезда фронтовых делегатов, Канцелярии Таврического дворца, Всероссийского демократического совещания и др.)

Результатом кооперации между Институтом русской литературы Российской академии наук и Российским государственным ар-

живом литературы и искусства стал виртуальный архив «Автограф». В архив входят документы писателей и поэтов XIX–XX вв. На данном этапе представлены архивы девяти литераторов: И. Анненский, Б. Пастернак, А. Белый, Ф. Соллогуб, М. Цветаева, А. Блок, В. Маяковский, В. Хлебников, Н. Гумилев.

Документы на обоих порталах опубликованы в формате JPEG т. е. сканированной копии с подлинника, также как и в других проектах Росархива. Как указано на портале «Автограф» такой метод позволяет ученым «работать с полностью идентичной подлиннику электронной копией рукописи, не выходя из своего кабинета, познакомиться с особенностями почерка, нажимом пера, последовательностью и непоследовательностью записей, всем тем, что называется “живой текст”»¹³.

К созданию электронных архивов также стали активно подключаться музеи. Например, Музей современного искусства «Гараж» инициировал создание Сети архивов российского искусства¹⁴. Кроме архивной коллекции Гаража в цифровой архив также войдут документы, посвященные советскому неофициальному искусству, находящиеся в Музее Зиммерли при Ратгерском университете в США и документы из архива Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете. Одной из главных задач проекта, помимо привычной концентрации документов на одном портале, является «сделать видимым те документальные фонды, которые в силу специфики хранения архивных и музейных коллекции сейчас находятся вне поля зрения исследователей и широкой публики»¹⁵.

В июне 2016 г. Мультимедия Арт Музей и Яндекс в рамках программы «История России в фотографиях» запустили одноименный интернет-проект¹⁶. Этот портал стал не просто хранилищем фотографий ведущих музеев, архивов и библиотек, он также дал возможность обычным пользователям «принять участие в воссоздании, сохранении и популяризации нашей визуальной истории»¹⁷, каждый пользователь может загрузить свои фотографии на сайт и вписать таким образом свою частную историю в историю страны.

Первоначально создание виртуальных архивов было ответом на запрос исследователей предоставить дистанционный доступ к архивным материалам. Затем многие архивы стали использовать виртуальные хранилища как способ популяризации документов,

которые они хранят. Сейчас все чаще к виртуальным архивам обращаются не профессиональные исследователи, а частные лица.

Можно предположить, что массовое распространение виртуальных архивов является закономерным следствием трансформаций, которые произошли в историческом знании в XX в. Поль Рикер утверждает, что «на этапе исторических штудий, который сегодня считается пройденным, работа с архивами слыла гарантией, основанием объективности исторического познания, защищенного таким образом от субъективности историка»¹⁸. Публикация в электронном архиве сканированной копии документа без научного комментария, также является, по мнению создателей архивов, гарантией подлинности и объективности его содержания. При подготовке печатных публикаций документов, за исключением факсимильных, текст документа транскрибируется и комментируется. Если транскрибирование сводится к приведению «в читаемый и годный для публикации вид расшифрованных и реконструированных рукописей»¹⁹, то есть, по сути, это техническая операция; то комментирование может носить субъективный характер и тем самым влиять на восприятие публикуемого документа. Отказ от транскрибирования и комментирования документов является попыткой отказа от власти исторических авторитетов, что в свою очередь есть одно из проявлений постмодернистского кризиса исторической науки.

М.Ф. Румянцева утверждает, что ситуация цивилизационного перехода, связанная с ситуацией постмодерна, «сопровождается соответствующим изменением типа памяти от исторического, служащего коллективной идентификации социума в историческом пространстве, к иному типу памяти, который служит идентификации индивидуума во всем пространстве культуры»²⁰. Появление новых дисциплин (*memory studies*, *trauma studies*), которые работают с массовыми или чаще с индивидуальными представлениями об истории, подтверждает это предположение.

Алан Мегилл пишет, что «забоченность памятью как ценностью, и даже объектом почитания, появилась в недавнем прошлом в качестве ответа на события, которые мы теперь называем Холокостом и Шоа»²¹. *Memory studies* и *trauma studies* действительно больше всего сконцентрированы вокруг изучения Холокоста, двух мировых войн и ГУЛАГа. На первый план выходит фигура свидетеля как проводника

памяти. О. Мороз и Е. Суверина вслед за Домиником Ла Карпа предлагают выделять две стратегии памяти: отыгрывание и проработка²².

Отыгрывание – это постоянная ресемантизация и реактуализация переживаний, связанная с формированием текстов памяти и включения последних в единое пространство архива. Проработка же связана не только с переосмыслением травмы, но с «прорыванием стереотипов и созданием новой реальности».

Электронные архивы, в которых собраны свидетельства жертв Холокоста и ГУЛАГа являются ярким примером отыгрывания²³. При этом, как отмечает Мегилл, «важен ритуал сбора, сохранения и восприятия этого свидетельства, а не его содержание»²⁴. Trauma studies и memory studies выводят на первый план индивидуальное переживание человеком исторических событий: маленький человек переживает большую историю. Стремление быть причастным к большой истории через историю своей семьи привело к созданию виртуальных архивов нового типа. Для них характерно не столько подтверждение аутентичности документа, сколько возможность найти в документах, интересующую пользователя информацию, чаще всего информацию о своих родственниках.

Обобщенный банк данных «Мемориал» – это «банк данных о защитниках Отечества, погибших, умерших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны и послевоенный период»²⁵. База была создана в 2007 г. по инициативе Министерства обороны РФ. В базу включены электронные копии документов о потерях Красной армии, о захоронениях, об узниках немецких концлагерей. Поиск осуществляется по тексту документов, пользователю предоставляется карточка с информацией и сканированная копия документов, из которых взята информация.

Проект «Открытый список» публикует информацию «о людях, репрессированных государством по политическим мотивам в период с октября 1917-го по 1991 гг.»²⁶. На портале не представлены сканированные копии документов, только указано, что анкетные данные выверены по официальным источникам. В основе проекта лежат данные Международного Мемориала о репрессированных. Любой пользователь может добавить информацию о своих родственниках, которые были репрессированы, но не были включены в базу ранее. Также на карточках некоторых репрессированных есть разделы: «Биографическая справка из базы данных

“Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы” Сахаровского центра» и «Установка памятного знака “Последним адресом”»²⁷.

Таким образом, развитие цифровых архивов стало не просто ответом на запрос исследователей – предоставить дистанционный доступ к документам, оно также стало маркером многих процессов. Во-первых, по мнению многих историков и архивистов, архивные документы по-прежнему являются показателем научности исследования и гарантом его истинности. Это подтверждается массовым всплеском создания федеральными архивами и музеями виртуальных архивов по самым разным темам. Во-вторых, стремление показать архивные документы так, как они на самом деле выглядят (т. е. публикация сканированной копии документа и отсутствие транскрипции документа и научного комментария), является подтверждением подлинности и объективности содержащейся в нем информации. В-третьих, попытка найти свое место в истории не через историю страны, а через историю своей семьи становится характерной чертой современного общества.

Опираясь на концепцию Ю.М. Лотмана о взаимосвязи исторического типа памяти и письменности, М.Ф. Румянцева утверждает, что «конец истории» связан с отходом современного общества от письменной культуры в сторону бесписьменной²⁸. Создание и функционирование электронных архивов подтверждает эту теорию. Частичная трансформация исторического знания в историю памяти также маркирует этот переход. Отход от критической позиции по отношению к историческим источникам, отказ от публикации источников, исходя из археографических правил, делают архивные источники доступными для широких масс, что открывает поле для мифологизации и идеологизации исторического знания.

---

¹ Новое литературное обозрение. 2005. № 74 // Журнальный зал. [Электронный ресурс]. М., 1996–2018. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/74> (дата обращения 14.10.2018).

² Боброва Е.В. Архивы via Интернет // Там же.

³ См., например: Электронные описи // Государственный архив Российской Федерации. [Электронный ресурс]. М., 2018. URL: <http://statearchive.ru/383> (дата обращения 14.10.2018); Фонды, описи и дела // Российский государственный архив экономики. Информационно-поисковая система. [Электронный ресурс]. М., 2018. URL:

http://opisi.rgae.ru/scripts/uis/rgae_any.php?base=mysql:rgae&list=&idObj=1
(дата обращения 14.10.2018).

⁴ Центральный фондовый каталог // Федеральное архивное агентство [Электронный ресурс]. М., 2001–2018. URL: <http://cfc.rusarchives.ru/CFC-search> (дата обращения 14.10.2018).

⁵ Под электронным архивом в данной статье подразумевается комплекс цифровых образов письменных документов, размещенный на одном сайте в Интернете. В качестве синонимов в статье будут использованы понятия виртуальный и цифровой архив.

⁶ On-line проекты // Федеральное архивное агентство [Электронный ресурс]. М., 2001–2018. URL: <http://archives.ru/on-line-project.shtml> (дата обращения 14.10.2018).

⁷ О проекте // Советский спутник – первый в мире! К 60-летию запуска Первого искусственного спутника Земли. [Электронный ресурс]. М., 2017–2018. URL: <http://sputnik.rusarchives.ru/o-proekte> (дата обращения 14.10.2018).

⁸ База данных рассекреченных дел и документов федеральных государственных архивов // [Электронный ресурс]. М., 2013. URL: <http://unsecret.rusarchives.ru> (дата обращения 14.10.2018).

⁹ Накануне и после Мюнхена // Федеральное архивное агентство [Электронный ресурс]. М., 2001–2018. URL: <http://munich.rusarchives.ru> (дата обращения 14.10.2018).

¹⁰ О проекте // Там же.

¹¹ Документы советской эпохи // Федеральное архивное агентство [Электронный ресурс]. М., 2001–2018. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#main> (дата обращения 14.10.2018).

¹² Автограф: электронный архив русской литературы [Электронный ресурс]. URL: <http://literature-archive.ru/ru> (дата обращения 14.10.2018).

¹³ Там же.

¹⁴ Сеть архивов российского искусства [Электронный ресурс]. URL: <https://russianartarchive.net/ru> (дата обращения 14.10.2018).

¹⁵ Там же.

¹⁶ История России в фотографиях [Электронный ресурс]. URL: <https://russiainphoto.ru> (дата обращения 14.10.2018).

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Рикер П.* Память, история, забвение. М., 2004. С. 236.

¹⁹ *Де Биаззи М.-П.* К науке о литературе. Анализ рукописей произведения // Генетическая критика во Франции. М., 1999. С. 82

²⁰ *Румянцева М.Ф.* Теория истории. М., 2002. С. 23

²¹ *Мегилл А.* Историческая эпистемология. М., 2009. С. 95.

²² *Мороз О., Суверина Е.* Trauma studies: история, репрезентация, свидетель // Новое литературное обозрение. 2014. № 1 (125) //

Журнальный зал [Электронный ресурс]. М., 1996–2018. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2014/125/8m.html#_edn50 (дата обращения 14.10.2018).

²³ См. например: Базы данных жертв политического террора // Международный Мемориал. [Электронный ресурс]. М., 1989–2018. URL: <https://www.memo.ru/ru-ru/collections/databases/> (дата обращения 14.10.2018).; Проект «Мой ГУЛАГ» // Музей истории ГУЛАГа. [Электронный ресурс]. М., 2015–2018. URL: <http://gmig.ru/view/events/97> (дата обращения 14.10.2018).; Воспоминания ветеранов Великой Отечественной Войны [Электронный ресурс]. М., 2018. URL: <https://igemember.ru> (дата обращения 14.10.2018).

²⁴ Мегилл А. Указ. соч. С. 97.

²⁵ О проекте // Обобщенный банк данных «Мемориал». [Электронный ресурс]. М., 2018. URL: <https://obd-memorial.ru/html/about.htm> (дата обращения 14.10.2018).

²⁶ Открытый список: о проекте // Открытый список. [Электронный ресурс]. М., 2018. URL: https://ru.openlist.wiki/Открытый_список:_О_проекте (дата обращения 14.10.2018).

²⁷ См., например, карточку на имя Куллэ Роберта Фридриховича (1885) // Там же. URL: [https://ru.openlist.wiki/Куллэ_Роберт_Фридрихович_\(1885\)](https://ru.openlist.wiki/Куллэ_Роберт_Фридрихович_(1885)) (дата обращения 14.10.2018).

²⁸ Румянцева М.Ф. Указ. соч. С. 22–23.

История и социальные науки

Самоуправление индейских общин на Юкатане в ранний национальный период

И.Н. Косиченко
Российский государственный
гуманитарный университет,
г. Москва

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема существования системы самоуправления индейских общин (т. н. *república de indígenas*) в контексте межэтнических отношений на Юкатане первой половине XIX в. Прослеживается динамика межэтнического взаимодействия, от проектов по интеграции коренного населения в общее культурно-экономическое пространство штата Юкатан и отказа от колониальных легальных кастовых категорий до восстановления колониальных форм индейского самоуправления с началом Войны Каст (1847–1901 гг.). Индейская община и принципы ее функционирования как социального института были чрезвычайно важным элементом непрямого управления, применявшегося в колониальную эпоху. Особое место в этой системе занимал глава общины – касик – как посредник во взаимоотношениях между социальной, политической и экономической областями мира *vesinos* – неиндейского населения Юкатана и миром *indios* – майяговорящего коренного населения.*

***Ключевые слова:** история, Мексика, XIX в., коренное население, индейцы, социальная антропология, Юкатан, майя, самоуправление*

Мексиканский штат Юкатан в первой половине XIX в. представлял из себя небогатую окраину сначала колонии Новой Испании, затем независимой Мексики. Одной из его отличительных черт являлась высокая степень сохранности практик социальной организации крестьянской общины майя, проявившаяся во многих социальных и политических процессах раннего национального периода. Под ранним национальным периодом для полуострова Юкатан можно полагать период с обретения Мексикой независимости в 1821 г. до окончания активной фазы Войны Каст на Юкатане (1847–1901 гг.), произошедшего в 1854–1855 гг.

Первая половина XIX в. была турбулентным и беспокойным периодом в истории Юкатана, заложившим основы для всех последующих изменений в экономической, социальной и политической жизни полуострова, временем стремительных изменений во всех областях жизни полуострова, разделенного ранее на два практически не пересекающихся мира. В первую очередь это разделение было характерно для хозяйственной жизни полуострова: индейское общинное землевладение, бывшее основой индейского социума и практик самоуправления, было направлено на самообеспечение общины и не стремилось к товарному производству. Для общины были характерны постоянные миграции, вызванные подсечно-огневой формой сельского хозяйства и высокая степень дисперсности. Индейцы не имели частной собственности на землю, и обрабатываемая земля принадлежала всей общине. Таков был исторический порядок сельской жизни на Юкатане, в который в начале XIX в. начинает свое стремительное вторжение асьенда – частное поместье, направленное на товарное сельскохозяйственное производство. Обширные скотоводческие угодья, плантации сахарного тростника и других товарных культур начинают наступление на общинные земли и на саму общину как социальный институт, активно привлекая коренное население для работы, что не могло не вызвать недовольства индейцев.

Как уже было отмечено, основой социально-политического устройства индейского мира была община – *cah*¹, превратившаяся после завоевания Юкатана в автономную форму местного самоуправления – *república de indios*. Ввиду малочисленности испанских поселенцев индейские общины долгое время пользовались широкой автономией – в ведение *repúblicas* входили сбор налогов, осуществление местного самоуправления и суда². На протяжении первых веков колониального периода сохраняется отдельная от *república* фигура формального главы общины – *batab*, олицетворявшего старую майяскую знать³. Однако с течением времени роль местной знати в глазах индейцев падает, и к XVII в. фигура *batab* замещается касиком – выборным главой общины, представляющего наиболее уважаемого ее члена.

В 1786 г. в размеренную сельскую жизнь Юкатана приходят изменения: в рамках Бурбонских реформ на Юкатане вводится прямое управление внутренними областями. Испанская администрация, ранее сосредоточенная в четырех основных испанских

поселениях: Мериде, Кампече, Вальядолиде и Бакаларе, отныне разделяет полуостров на 11 округов (*partidos*), каждый из которых представляет перед губернатором выборный представитель белого населения *subdelegado*. Вместе с тем вводится должность сельского мирового судьи – *juez de paz*, которому вверяются полномочия касика в делах управления и суда. В компетенции последнего остается лишь сбор налогов с индейской общины.

Еще больший удар по общине наносят реформы временного правительства в Кадисе, в первую очередь – декрет от 9 ноября 1812 г. об *indios españoles*⁴, предполагавший создание полиэтничных выборных органов местного самоуправления и отмену разделения на испанскую и индейскую *repúblicas*. Слом старых порядков вызвал ужасающую неразбериху в местном управлении и сборе налогов, и уже в 1824 г. республиканская конституция штата Юкатан, уже являющегося частью независимой Мексики, восстанавливает *repúblicas* в докадисской форме. Последним тяжелым ударом, нанесенным по местному самоуправлению стало введение назначаемого губернатором сельского головы – *jefe político*, произошедшее в 1830-х гг. В 1841 г. *repúblicas* вновь были отменены, чтобы возродиться в конце 1847 г.

Характеризуя обстановку на Юкатане того периода, нельзя не упомянуть, что индейское большинство в любом поселении, где индейцы и белые жили смешанно, находилось в подчиненном положении. В первую очередь это касается налогообложения: при том, что гражданский налог по конституции 1824 г. был един для всех – 12 реалов в год со взрослого мужчины, индейцы платили особый церковный налог – *obvenciones* в размере 12,5 реалов в год для взрослого мужчины и 9 – для женщины⁵. К этому следует добавить обязательную оплату церковных таинств, в то время как белые платили десятину с приносящей доход собственности, а в том случае, если белый человек жил только тем, что зарабатывал в качестве наемного работника, оплачивались только церковные таинства. На индейского общинника церковный налог ложился тяжким бременем, но так же в обязанности индейской общины входили общественные работы по поддержанию в порядке дорог, церкви, странноприимных домов и т. д.

В завершение картины, предшествовавшей Войне Каст, нельзя не упомянуть событие, показавшее индейцам майя дорогу к будущему восстанию и освобождению от тягот и притеснений. В 1841 г.

на Юкатане начинается федералистское восстание против централистского правительства в Мехико. Инсургенты, чрезвычайно нуждавшиеся в людских ресурсах, начали мобилизацию индейцев, обещая им взамен освобождение от налогов и землю⁶. Этим они открыли ящик Пандоры – индейцы увидели, что они тоже могут бороться с оружием в руках за свои интересы. Для индейского социума, окруженного давлением на общинное землевладение и местное самоуправление, церковными налогами, неравноправием относительно белых, и, что немаловажно – постоянной нестабильностью, идея взять в руки оружие начала казаться привлекательной. За восемь лет, последовавших с восстания 1841 г., каждый вооруженный политический конфликт на Юкатане сопровождался мобилизацией индейцев. В конечном счете в 1847 г. индейцы повернули оружие против правительства и белого населения Юкатана – началась Война Каст.

Центральной фигурой *república* был касик – глава сельской общины. Термин касик, заимствованный испанцами из языка карибских араваков, использовался для обозначения лидеров различных форм социальной организации коренного населения в колониях. Помимо главы общины, *república* состояла из *alcaldes* (судей), *regidores* (советников), и *escribanos* – писцов общины⁷. К раннему национальному периоду эти многочисленные должности, за исключением писца, были редуцированы до *teniente* – помощника касика.

Должности касика и писца были ключевыми для взаимодействия общины с внешним миром, т.к. касик был ответственен за сбор налогов и их передачу колониальным властям, а писец был, как правило, единственным грамотным в испанском языке членом общины, и помогал составлять юридические документы, отвечал за корреспонденцию с властями и так далее. Роль касика нередко определяется как фигуры, соединяющей мир индейской общины с миром испанской администрации, посредника в системе непрямого управления коренным населением, каковой, по сути, являлись *republicas de indios*.

Касик как глава общины был *de facto* выборной должностью, которую занимал наиболее уважаемый член общины. Хотя формально он назначался губернатором, его назначение происходило по следующей схеме: каждая *república* представляла губернатору так называемую *terna* – список из трех человек, из которых губернатор должен был назначить касика⁸. По обычаю, первый в списке назначался гу-

бернатором, а оставшиеся двое добавлялись для соблюдения формальности.

С начала введения параллельной *república de indios* системы местной администрации двойственность положения стала постоянным спутником жизни касиков, которые из полноправных местных властителей, ответственных только перед губернатором провинции, официально превратились в простых сборщиков налогов. Она выражалась в первую очередь тем, что касик мог вызвать как недовольство индейской общины, так и представителя испанских властей, и вследствие этого был вынужден балансировать между интересами общины и исполнением должностных обязанностей.

Официальные полномочия касика в восстановленной *república* по-прежнему ограничивались сбором налогов с индейской общины, однако правительство теперь уже штата, а не провинции Юкатан, в высокой мере осознавало, что человек, избранный в качестве главы индейской общины имеет определенный статус в индейском обществе, и продолжало использовать его в качестве посредника в цепи непрямого управления, несмотря на то, что государственные чиновники сохраняли полноту властных полномочий в сельской местности. Касики как лидеры индейских республик чрезвычайно часто использовались ими для осуществления этих полномочий, так как привлечение к каким-либо государственным решениям представителя коренного населения очень сильно повышало авторитет власти и способствовало их исполнению.

Касики тоже не оставались безмолвным инструментом, и активно контактировали с представителями власти вплоть до губернатора штата. Поводы для установления таких контактов встречались самые разнообразные. Основным паттерном поведения касика было установление патрон-клиентских отношений с местными муниципальными властями, с помощью которых он мог осуществлять личную власть над представителями индейской общины в своих интересах.

Важным стимулом к взаимодействию между общиной и государством были межобщинные споры. Часто возникающие по поводу размежевания, особенно в плотно населенных северо-западных областях Юкатана, они требовали внимания правительственных чиновников, и исход арбитража также зачастую зависел от способности касика расположить к себе ответственное лицо, будь то мировой судья или назначенный из *partido* землемер.

Показательным примером такого взаимодействия является тридцатилетняя (sic!) тяжба между *repúblicas* селений Эбтун и Кунку-нуль за определение принадлежности земель у дороги на Тонцимин⁹. В ходе этой тяжбы представители *repúblicas* активно взаимодействовали с местными властями, чтобы добиться решения в свою пользу.

Иногда судебные дела поднимались до уровня губернатора Юкатана, но существовали и иные случаи, когда представители *repúblicas* пытались обратиться к высшей власти на полуострове. Налоговое бремя было одной из ключевых проблем, вызывавших недовольство сельского населения. Частые попытки мобилизации индейского населения для участия в политических конфликтах, начавшихся с обретением независимости, подкреплялись обещанием освобождения от налогов, однако примкнуть к очередному *pronunciamiento* было не единственным способом попытаться освободиться от бремени податей. Зарегистрированы случаи, когда касики обращались к губернатору с просьбой освободить их *república* от налогов или сменить местных должностных лиц.

Для подкрепления просьбы с населения общины собирались деньги и иные подарки, а те, кто отказывался вносить свой вклад, продавались на работу на асьенды. Примеры таких практик видны в делах Баутисты Кануля, касика Тепича, обвиненного в сборе средств на взятку губернатору для освобождения от налогов¹⁰, и Анхелино Уикаба, касика деревни Тейя, в 1851 г. активно собиравшего «подарки» для правительства штата, чтобы сменить ненавистного *juez de paz*¹¹. В сохранение сложного баланса между *república* и правительством активно вмешивалась и земельная политика штата, ведущая к постепенному обезземеливанию общин.

Отношения между касиками и местными властями очень сильно обострились с началом Войны Каст. С одной стороны, в условиях восстания сельских общин майя, касики, сохранившие лояльность правительству, стали не просто посредником в сборе налогов и проведении каких-либо решений местного значения, но важнейшим инструментом сохранения лояльности и контроля над настроениями местного населения. С другой стороны – любое проявление неповиновения со стороны касиков воспринималось, как минимум на местном уровне, как покушение на общественный порядок. Особенно остро это воспринималось в районах, близких к зоне конфликта. Например, уже упоминавшийся Анхелино Уикаб,

в отместку за свою жалобу на *juez de paz*, был обвинен в проведении шумных пьянок (что уже достаточно, потому что скопление нетрезвых индейцев расценивалось властями практически равным восстанию), и открытых выступлений в пользу «*su raza indígena*».

Тем не менее роль касика в качестве гаранта лояльности и стабильности в сельских районах хорошо видна на примере деревни Чичанха, на самом юго-востоке Юкатана. В марте 1852 г., во время крупнейшей правительственной операции в начальный период Войны Каст, дивизия генерала Ромуло Диаса де ла Вега прошла по всей территории, контролируемой повстанцами, и одним из конечных пунктов экспедиции была Чичанха, расположенная неподалеку от стратегически важной реки Ондо, определяющий границу между Юкатаном и британским Белизом.

Сразу после того, как солдаты дивизии выбили повстанцев из селения, и собрали разбежавшихся по окрестностям жителей, генерал распорядился немедленно провести выборы мирового судьи, касика и иных членов республики¹². Сразу после избрания новые члены республики принесли присягу и приступили к исполнению обязанностей. Так был заложен один из опорных пунктов правительства, остававшийся враждебным повстанцам до конца войны – *Pacíficos del Sur*.

Другим примером важности *república* является документ, инструктирующий посланников Юкатана на переговорах с представителями повстанцев, планировавшихся в Белизе в 1853 г.¹³ В этих инструкциях особым пунктом была выделена гарантия сохранения за индейцами права на самоуправление в области местной администрации и мелких судебных разбирательств, с условием невмешательства в политику.

Для поддержания лояльности индейского населения в период Войны Каст практиковалось активное присуждение титула *hidalgo*. Бывший в колониальный период прерогативой представителей индейской знати и в дальнейшем касиков, титул, предполагавший пожизненное освобождение от налогов, стал использоваться для привлечения индейцев на сторону правительства¹⁴. В документах, связанных с военными действиями против повстанцев, регулярно отмечается участие *hidalgos*. Титул этот характеризуется как «...почетный среди индейской расы, присуждавшийся за соответствующую службу, которым сие Правительство наградило тех, что присоединившись к белой [расе] в эту эпоху, служили и служат,

будь то в войне вместе с легионами, что ведут кампанию, или же как помощники в переноске припасов съестных и военных или же как саперы, когда требуется прорубаться шаг за шагом¹⁵». Необходимо отметить, что обмен налогов на участие в войне на стороне правительства выбрали немало индейцев, в докладе от 5 августа 1850 г. указано, что в войне принимают участие 10 000 *hidalgos*¹⁶.

Разумеется, касики были и на другой стороне конфликта – Сесилио Чи, Хасинто Пат и другие вожди начального периода Войны Каст – все относились к должностным лицам *repúblicas*. Самая социальная структура общества повстанцев следовала архаичным моделям майяской *cah*, переформатированной под нормы иррегулярных вооруженных формирования XIX в. *Batab* превратился в *capitán*, обряды, посвященные плодородию, приносились не доколумбовым божествам, а христианским святым, но формы социальной организации продолжили жить везде, где сохранялась традиционная юкатанская форма землепользования.

Вместе с ней они и погибли: новые времена и расширение товарного производства экспортных сельскохозяйственных культур, в первую очередь энекена – сорта агавы, волокна которого были аналогом отечественной пеньки, привели к отмиранию традиционных форм ведения сельского хозяйства и возникновению новых социальных практик. Социум наемных рабочих на асьендах разительно отличался от свободной крестьянской общины, а долговая зависимость от хозяина асьенды исключала легальные методы самоуправления. Традиционная майяская община на той части Юкатана, что контролировалась правительством во время Войны Каст, отмерла к 1860-м гг., и *repúblicas* были окончательно упразднены.

---

¹ Dutt R. Maya caciques in early national Yucatan. Norman, 2017. P. 19.

² Dumond D.E. El machete y la cruz: la sublevación de campesinos en Yucatán. México, 2005. P. 53.

³ Dutt R. Op. cit. P. 14.

⁴ Dumond D.E. Op. cit. P. 83.

⁵ Ibid. P. 103.

⁶ Rugeley T. Rebellion Now and Forever. Mayas, Hispanics, and the Caste War Violence in Yucatan. Stanford, 2009. P. 44.

⁷ Dutt R. Op. cit. P. 21.

⁸ Ibid. P. 22.

⁹ Ibid. P. 17.

¹⁰ Ibid. P. 52.

¹¹ *Dutt R. Crossing Over: Caciques, Indigenous Politics, and the Vecino World in Caste War Yucatán // Ethnohistory.* 61:4. P 743.

¹² Archivo Histórico de la Secretaría de la Defensa Nacional. Expediente IX/481.3/3300. F. 27, dorso.

¹³ ARHSEDENA. Exp. IX/481.3/3695. F. 3.

¹⁴ *Dutt R. Crossing over...* P. 743.

¹⁵ «...titulo honorifico en la raza indígena, que se adquiría por servicios relevantes, y con que este Gobierno ha condecorado a los que unidos a la blanca en esta época, han prestado y prestan sus servicios, ya sea haciendo la guerra unidos a las legiones que aперan en campaña, o ya como auxiliares en la conducción de municiones de boca y guerra y ya como zapadores en los desmontes que a cada paso se ofrecen.» Цит. по: ARHSEDENA. Exp. IX/481.3/2914. T. 1. F. 122, dorso.

¹⁶ Ibid. F. 145.

Гендерный поворот провинциальной школы в середине XIX в.: социальные факторы и последствия

Л.М. Артамонова
Самарский государственный
институт культуры,
г. Самара

***Аннотация.** На основании архивных и опубликованных источников в статье анализируется появление общеобразовательных женских школ в начале правления Александра II. Особое внимание уделено роли ответственности в их создании. Детально рассмотрен пример Самары. Получение городом статуса губернского центра в 1851 г., реформаторская позиция губернатора К.К. Грота и его администрации способствовали активизации, поддержке и успеху общественных усилий. Работа по расширению гендерного и социального состава учащихся содействовала движению в направлении формирования элементов гражданского общества в российской провинции.*

***Ключевые слова:** Россия в XIX в., модернизация, общественная жизнь, гендерная история, женские школы*

Современники эпохи «Великих реформ» и такие выдающиеся ее исследователи, как А.А. Корнилов свидетельствуют, что в русском обществе второй половины 1850-х гг. тема женского образования по степени интереса стояла в одном ряду с крестьянским вопросом¹. Модернизация России одновременно шла по разным направлениям, включая как отмену крепостного права, так и обучение девочек в школе. Следует согласиться с теми авторами (Б.Н. Миронов², С.Б. Шатохина³ и др.), которые видят в стремлении женщин к образованию очевидное проявление процесса «вестернизации» русского общества. К схожим выводам относительно связи этих явлений приходят специалисты по истории других стран рассматриваемого времени, например Японии⁴.

Данную тему при ее анализе нельзя рассматривать, как это бывало в литературе, только с позиций педагогики, дидактики и

истории общественной мысли. Она требует подходов, в которых затрагивается целый спектр направлений исторической социологии и «новой социальной истории», которые изучают гендер, культуру, повседневность, коллективные представления, применяют приемы локальной истории, биографический и другие современные методы.

Уточним, что речь в рассматриваемое время шла не столько о проблемах воспитания девочек, как это бывало прежде, сколько о возможности и целесообразности именно их обучения в условиях публичной всесословной общеобразовательной школы. Систему подобных школ для женщин еще предстояло создать. Их не могли заменить ни малочисленные элитарные институты «благородных девиц», ни дорогостоящие для родителей частные пансионы. Предполагаемые школы должны были не только обеспечить более широкую доступность, но и такое образовательное пространство, в котором девочки не отрывались бы от семьи, не лишались бы родительской заботы, контроля и воспитания.

Подобно иным модернизационным инициативам в России, идея создания женских общеобразовательных школ была выдвинута «просвещенной бюрократией» при поддержке верховной власти. Однако, как ни одна из таких инициатив прежде, она встретила поддержку общественности. Это помогло довольно быстрому переходу к практическим действиям.

Создание системы женского образования, по сути, было первой реформой Александра II, опередив другие преобразования 1860-х гг. Особенно заметным явлением она стала для провинции, практически лишенной сколько-нибудь заметных ресурсов для сословных и частных школ, весьма бедной на возможности домашнего обучения.

Активная реализация этой реформы тем более примечательна, поскольку казна не выделяла средств на эти учебные заведения. Местные дворянские и городские общества, чиновничество и интеллигенция, в том числе при деятельном участии жен, сестер, дочерей представителей этих сословных корпораций и слоев, сумели обеспечить материальную и кадровую базу начальных и средних училищ для девочек.

Вообще «активное вовлечение в организованную филантропию женщин» стало, по мнению современных российских историков, «характерной чертой эпохи Великих реформ»⁵. Это вполне

соответствует взглядам известного исследователя культурной и гендерной истории дореволюционной России Ричарда Стайтса. Он писал, что благотворительная деятельность и участие в различных добровольных ассоциациях позволили общественно активным женщинам получить «опыт лидерства», воспитывали у них «чувство самоуважения»⁶. Их особые усилия были направлены на расширение возможностей образования девочек.

Совместные усилия верховной власти, местной администрации, ведомства народного просвещения, учительства и общественности в деле поворота русской провинции к нуждам образования девочек также свидетельствовали о признаках начавшегося в ней процесса формирования гражданского общества. Это было одним из явных результатов дискурса и забот о первых женских общеобразовательных школах России.

История расширения гендерного состава учащихся в провинции за счет появления женских учебных заведений хорошо просматривается на материалах Самарской губернии. Успеху этих начинаний здесь способствовал субъективный фактор пребывания во главе ее в 1853–1860 гг. К.К. Грота – деятеля общероссийского масштаба.

Вопросы народного образования, тем более женского, не входили в круг прямых губернаторских обязанностей, но у начальника Самарской губернии они встретили самую активную поддержку. Это подтвердило его принадлежность к кругам «просвещенной бюрократии»⁷.

Готовящаяся в столице реформа женского образования напрямую касалась устройства средних школ для достаточно обеспеченных слоев населения, независимо от сословной принадлежности. Их устройство начиная с 1858 г. было направлено по двум основным линиям. Открывавшиеся женские училища в одних городах создавались под контролем Министерства народного просвещения, в других – Ведомства учреждений императрицы Марии (Четвертого отделения СЕИВ канцелярии). К.К. Грот имел тесные контакты с высокопоставленными лицами и знал о замысле реформы, но, по его мнению, она должна была обеспечить более широкий охват училищ и учащихся. Он, как и многие современники, обратил внимание на отсутствие не только средних учебных заведений для девочек, но и возможностей их элементарного обучения, особенно в городах.

По числу учившихся девочек дореформенная сельская школа даже опережала начальные училища в провинциальных городах. В 1850 г. в Самарском удельном имении появились отдельные женские школы, в 1851 г. в них обучалось 470 чел., что составляло 44% от всех 1066 учениц удельного ведомства России. Из-за большего прилежания и упрощенной программы, сокращенной за счет чистописания и арифметики, девочки лучше проходили курс обучения: «Понятливость и способность девочек далеко превосходят мальчиков; они в год и много в полтора оканчивают учение, тогда как мальчики учатся три и четыре года»⁸.

Довольно успешно развивалось школьное дело и в селениях крестьян, управлявшихся Министерством государственных имуществ. В ходе проводившейся с 1837 г. реформы управления казенной деревней важное место отводилось просвещению крестьянских детей, независимо от пола. Циркуляр этого министерства от 8 Февраля 1857 г. устанавливал поощрение добросовестных сельских учителей вознаграждением в размере до 2 руб. «на каждого действительно обучающегося мальчика или девочку»⁹. Кроме обычных школьных предметов (молитв, чтения, письма, счета), девочек предписывалось обучать «свойственным в крестьянском быту рукоделиям». К их обучению следовало привлекать жен священников и церковнослужителей¹⁰.

В сельских училищах Министерства государственных имуществ в Самарской губернии в 1855 г. было всего 16585 учащихся, в т.ч. 8970 чел. мужского пола (54%) и 7615 чел. – женского (46%)¹¹. Таким образом, в этих школах доли девочек и мальчиков приблизились к естественному демографическому соотношению полов.

Интересным примером служит школа, устроенная крестьянкой из зажиточной семьи Авдотьей Гавришевой в Покровской слободе. По просьбе министра государственных имуществ М.Н. Муравьева, К.К. Грот провел проверку училища. То, что рядовая крестьянка Самарской губернии привлекла внимание высокопоставленных чиновников, говорит о серьезном отношении к школьному делу в дореформенной России. В ходе проверки выяснилось, что в этой школе «не заключается ничего вредного». Она была открыта с ведома местного начальства и священства, выросла с 16 до 60 учениц за шесть лет благодаря «развивающемуся постоянно между крестьянами [...] стремлению к учению». Одну ученицу присланный для

проверки чиновник застал читающей поэму Дж. Мильтона «Потерянный рай», которую та принесла из дому¹².

Городские начальные школы реально были рассчитаны на мальчиков, хотя в приходских училищах не запрещалось обучать и девочек. В 1855 г. в Самарской губернии среди 1012 учеников городских школ на 991 мальчика приходилась только 21 девочка (2%)¹³.

Привлечь девочек в школу, а точнее убедить в этом родителей-горожан в условиях того времени можно было только путем устройства отдельных женских учебных заведений. К.К. Грот сообщал в одном из писем: «Недостаток образования между женщинами низшего класса здешнего населения указал мне на необходимость учреждения в Самаре женского приходского училища. В этих видах я склонил здешнее городское общество определить на этот предмет ежегодное пожертвование в 700 руб. серебром»¹⁴.

Первое женское приходское училище в Самаре было открыто 2 сентября 1858 г. Сначала в него поступило всего 10 учениц, но уже на следующий год их количество увеличилось до 44. В числе последних насчитывалось 12 дочерей дворян и чиновников, 29 – купцов и мещан, 3 – разночинцев и крестьян. Через год 15 августа 1859 г. было открыто второе женское приходское училище, которое находилось в другой части города, что позволило расширить охват девочек начальным школьным образованием. В первый же год в него было принято 72 ученицы¹⁵.

При описании церемонии открытия первого женского училища местная газета специально подчеркнула, что создание училищ для девочек происходило при тесном взаимодействии губернской администрации и горожан разного статуса и достатка: «Городской голова В.Е. Буреев короткой речью от имени городского общества выразил благодарность г. начальнику губернии за живое участие в деле учреждения школы». В ответ К.К. Грот сказал, «что средства для основания этого начального училища даны ему городским обществом». Он выразил надежду, что, «удовлетворив необходимой потребности одного слоя граждан», город поможет «и в деле основания губернского училища для девиц, где могли бы получать соответственное требованиям времени образование дети другого, высшего круга городского сословия»¹⁶.

Речь здесь шла о планах создания женского училища 1-го разряда – будущей женской гимназии. В деле открытия первой в горо-

де средней школы для девочек, состоявшемся 7 августа 1859 г., горожане приняли активное участие наряду с дворянами и чиновниками. Даже благодарность К.К. Гроту, покидавшему в 1860 г. должность губернатора, самарское городское общество выразило внесением 2000 руб. на учреждение двух стипендий его имени для бедных горожанок в этом самом женском училище¹⁷.

Удивительно, как вырос интерес к женскому образованию в городе с весьма патриархальными нравами. Еще в начале 1850-х гг. девушке-горожанке даже отойти от дома было неприлично без «проводжатога», как в Самаре называли коромысло с ведрами, которое должно было обозначать, что данная особа не шатается праздно, а занимается делом. Самыми завидными невестами считалась те, которые в летнюю жару могли натаскать ведрами больше речной воды для полива огородов.

Самарская учительская и родительская общественность решительно пресекла попытки перенести в публичную школу неприемлемые для нее традиции частных пансионов и закрытых институтов благородных девиц. Объектом критики стала первая начальница женского училища 1-го разряда Нина Фланден, бывшая содержательница такого пансиона. С самого открытия средней женской школы руководству Казанского учебного округа поступали из Самары «конфиденциальные» сообщения от директора училищ губернии Э.Х. Ангермана о том, что малое число учениц в училище 1-го разряда «зависит большею частью, кажется, от роскоши обстановки этого заведения». Относительно «самарского общества среднего класса» в них говорилось, «что оно боится дать своим дочерям образование выше их состояния»¹⁸.

Наконец новый директор училищ Самарской губернии В.Г. Варенцов, получивший всероссийскую известность как фольклорист, этнограф, литератор, журналист и педагог, на торжественном акте 26 июня 1860 г. в мужской гимназии публично раскритиковал ситуацию в школе для девочек: «Высокая оплата за учење [...] с приходящей ученицы часто мешала родителям отдать детей в училище, которое с тем и основано, чтобы сделать образование доступным людям небогатым. Внешняя роскошь и форма платья, введенная вопреки уставу, также пугала людей недостаточных»¹⁹.

Выступление В.Г. Варенцова было обнародовано в губернской газете, получило поддержку местных жителей, а начальница

по «собственному прошению» уволилась. Плата за обучение и прочие расходы родителей были заметно сокращены.

В случае с Н. Фланден меньше всего стоит винить ее саму. Во-первых, она исходила из имевшегося опыта руководства частным заведением. Во-вторых, как выяснилось, находилась под давлением супруга. Тот требовал «от нее полной зависимости по всем ее распоряжениям в делах училища», угрожая в противном случае запретом ей занимать «должность начальницы», на что он, как муж, действительно имел право по закону. Это был характерный для того времени случай зависимости самодостаточной женщины от произвола супруга, который мог не считаться с женой, которая, как все признавали, «кормит его и детей его»²⁰.

В 1860–1861 учебном году в Самарском училище 1-го разряда обучались 45 учениц, в т. ч. 27 дочерей дворян и чиновников, 15 – купцов и мещан, 3 – лиц духовного звания²¹. В дальнейшем с точки зрения сословного состава обучающихся быстрее росла популярность женской общеобразовательной школы среди непривилегированных слоев населения. Этому способствовали изменения в ее устройстве, проведенные уже в годы Великих реформ.

В начале XX в. доли в женских гимназиях России учениц из мещан и цеховых (35,3%), крестьян и казаков (25,5%) превышали долю дочерей дворян и чиновников (21,6%). В мужских же гимназиях соотношение представителей этих сословных групп оставалось в пользу привилегированных общественных слоев (26,9% детей мещан и цеховых, 22,0% – крестьян и казаков и 32,3% – дворян и чиновников). Доли детей купцов и духовенства отличались незначительно (соответственно в женских гимназиях 9,4% и 4,8%, в мужских – 9,9% и 5,6%)²².

Нет сомнения, что показанная выше социальная динамика свидетельствует об интересе к образованию, прежде всего, с целью повышения общественного статуса и возможности заняться более престижной профессией или деятельностью. Можно утверждать, что для дочерей рядовых горожан и земледельцев официальные цели, провозглашенные при начале реформы женского образования, сыграли не главную роль. Повеление Александра II министру народного просвещения А.С. Норову от 6 марта 1856 г. ставило перед создаваемыми для девочек «среднего сословия» школами задачу, прежде всего, дать «необходимое образование, соответственное скромному их быту». Оно также призывало обеспечить

среди них «развитие правильных понятий об обязанностях каждого», «всевозможные улучшения семейных нравов и вообще всей гражданственности, на которые женщина имеет столь сильное влияние»²³.

На языке «просвещенной бюрократии» это означало обучение девочек как будущих в достаточной мере образованных супругов и матерей, с целью повышения их роли в воспитании и социализации детей в рамках существующих порядков. Возможность воздействия предпринимаемых мер на процесс эмансипации женщин через включение их в общественно-значимую деятельность, судя по всему, не предугадывался. Он шел независимо от намерений чиновников от образования, хотя и был ими простимулирован.

В последнем по времени обобщающем труде уральской академической школы было подчеркнуто, что к началу XX в. «модернизация привела к массовому распространению женского труда вне дома»²⁴. Так, в некоторых губерниях в неаграрном секторе было занято не менее четверти всех взрослых женщин²⁵. Конечно, их образованная часть получала преимущества в условиях труда и заработка.

Вышеизложенные рассуждения в значительной мере объясняют также образовательные устремления, свойственные дочерям обедневших дворян и малообеспеченных чиновников. Неслучайно, что в конце XIX в., по подсчетам Б.Н. Миронова, женщины уже занимали заметное место среди лиц, работавших в сферах просвещения и здравоохранения в России, что требовало достаточно высокой образованности и специальной подготовки²⁶.

Тенденция к этому проявилась в русской провинции уже в 1850–1860-е гг. Так, к 1875 г. две пятых выпускниц Самарской женской гимназии вышли из нее со званиями или домашней наставницы, или домашней учительницы. Уже в 1870 г. было решено открыть первое в этом городе профессиональное учебное заведение для девушек – земскую школу сельских учительниц²⁷. С 1873 г. в Самаре девушки получили возможность получать и специальное медицинское образование как фельдшерицы²⁸.

Появившаяся в 1850-е гг. и с тех пор непрерывно развивавшаяся в провинциальной России массовая женская школа разных уровней отвечала потребностям местного населения и пользовалась его поддержкой, особенно образованной части. Из конкретных фактов внимания государственных и общественных деятелей,

благодетелей и рядовых жителей к развитию женского образования складывалась картина усиления значения гендерных аспектов модернизации. Она проявлялась в коллективных представлениях и ожиданиях, а также в социальных практиках, которые, правда, могли вызвать результаты, не всегда соответствующие этим ожиданиям.

---

¹ *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 255.

² *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: В 3 т. СПб., 2015. Т. 1. С. 800–801.

³ *Шатохина С.Б.* Эволюция образования женщин в российской провинции во второй половине XIX – начале XX века в контексте повседневности: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2011. С. 14.

⁴ *Прасол А.Ф.* Генезис и развитие японского образования: VIII – начало XX в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 2005. С. 46–48.

⁵ *Алексеев В.В., Дашкевич Л.А., Побережников И.В. и др.* Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург, 2016. С. 253.

⁶ *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм: 1860–1930. М., 2004. С. 108.

⁷ *Смирнов Ю.Н.* «Просвещенная бюрократия» в провинции накануне великих реформ: сотрудник самарского губернатора Грота Н.А. Воронов и его вклад в региональные исследования середины XIX века // Вестник Самарского государственного университета. 2016. № 1 (134). С. 28–39.

⁸ Журнал Министерства народного просвещения. 1852. № 10. Отд. VII. С. 30–31.

⁹ Правила о начальных училищах ведомства государственных имуществ. СПб., 1866. С. 20, 22.

¹⁰ Там же. С. 19–20.

¹¹ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 7004. Л. 413 об.

¹² Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 226. Оп. 1. Д. 14. Л. 2–2 об., 9–9 об.

¹³ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7004. Л. 413.

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 16. Л. 4.

¹⁵ *Алабин П.В.* Самара: 1586–1886 гг. Самара, 1992. С. 67.

¹⁶ Самарские губернские ведомости. 1858. № 36. Ч. неоф.

¹⁷ Там же. 1860. № 31. Ч. неоф.

¹⁸ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7626. Л. 4 об.

¹⁹ Самарские губернские ведомости. 1860. № 28. Ч. неоф.

²⁰ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7626. Л. 1–1 об.

²¹ *Алабин П.В.* Указ. соч. С. 91.

²² *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2012. С. 394.

²³ Самарские губернские ведомости. 1858. № 36. Ч. неоф.

²⁴ Алексеев В.В., Дашкевич Л.А., Побережников И.В. и др. Указ. соч. С. 55.

²⁵ Кембриджская экономическая история Европы нового и новейшего времени. М., 2013. Т. 2. С. 169.

²⁶ *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1. С. 829–830.

²⁷ *Алабин П.В.* Указ. соч. С. 96–97.

²⁸ История Самары (1586–1917 гг.). Самара, 2015. С. 269.

Модернизация социальной и культурной памяти провинциального дворянства в середине XIX в.: от артикуляции к литературе, из семьи на публику

Ю.Н. Смирнов

Самарский национальный исследовательский
университет им. акад. С.П. Королева,
г. Самара

***Аннотация.** В статье показано, что публичные споры в 1850-е гг. двух старинных дворянских родов Заволжья, «Багровых»-Аксаковых и их соседей «Рожновых»-Рычковых, которые велись на печатных страницах, могут быть рассмотрены как показатель процессов перехода родовой памяти от традиционной устной к документально и художественно обработанной форме. Благодаря письменной фиксации стал доступен анализ пересекающихся сюжетов, событий, фактов в семейных преданиях разного происхождения, обогащающий источниковую базу и расширяющий знания о биографиях примечательных людей, о локальной истории, о прошлом России в целом.*

***Ключевые слова:** Россия в XVIII–XIX вв., Заволжье, Приуралье, источниковедение, «устная история», историческая память, коллективные представления, С.Т. Аксаков, Н.А. Рычков*

В общественной реакции на выход в свет автобиографической трилогии С.Т. Аксакова («Семейной хроники» и «Воспоминаний» – 1856 г.¹, «Детских годов Багорова-внука» – в 1858 г.²) выделяется литературный ответ от имени их соседей-помещиков Рычковых, выведенных под фамилией Рожновых. Этот ответ в виде «Отрывка из семейных записок Рожновых» был опубликован Н.А. Рычковым в «Библиотеке для чтения» в январе³ и феврале 1862 г.⁴

Семьи Аксаковых и Рычковых вполне подтверждают мнение о том, что они дали России в «каждом поколении по несколько замечательных деятелей»⁵. Среди выходцев из них были писатели и публицисты, которые последовательно и четко отражали коллективные

представления своих современников, без учета которых невозможно «понять и объяснить ход российской модернизации»⁶.

Правда, о прежних литературных попытках Н.А. Рычкова ничего неизвестно, да и сам он ушел из жизни в возрасте всего 37 лет. Однако его единственное известное произведение было напечатано в весьма читаемом журнале, причем в «парадном» литературном отделе, для чего редакция на два номера отодвинула продолжение публикации романа Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные».

Как можно заметить, потрясение, пережитое русской «читающей» публикой, что для своего времени означало также «образованной» и «просвещенной», после выхода в свет трилогии С.Т. Аксакова пробудило не только эстетические и духовные переживания. Был предложен невиданный доселе образец блестящего сочетания литературно-беллетристического и документально-мемуарного начал. Это соединение не могло не вызывать желания современников и потомков последовать ставшему классическим примеру.

Одновременно встал вопрос о достоверности фактов, реальности событий, адекватности характеристик, включенных в аксаковское повествование. Особенно остро он стоял перед теми, чьи родные и близкие оказались персонажами этих книг.

Автор трилогии отгородился от прямых споров и выяснения личных отношений «предупреждением» о том, что сюжеты его произведений написаны, якобы, по рассказам некоего живущего с ним по соседству семейства Багровых, и «не имеют ничего общего с собственными» воспоминаниями самого С.Т. Аксакова. Имена собственные и географические названия в произведении, мол, тоже даны «произвольно». Они являются выдумкой, а возможное их «сходство» с реальными людьми и местами – случайностью⁷.

Этому мало кто поверил, да и многие авторские имена и названия были слишком прозрачными, чтобы замаскировать напрашивающиеся аналогии. Тем не менее начинать спор в юридической или исторической плоскости стало невозможно. Критиковать шедевр словесности на основании канцелярских документов или частной переписки было нелепо. Единственным аргументом против слова писателя могло стать только другое художественное слово, с которым и выступил Н.А. Рычков, до этого неизвестный читающей публике.

Оценку художественным достоинствам и литературоведческим особенностям творчества С.Т. Аксакова дали многие выдающиеся писатели, известные критики, профессиональные филологи. Не будем сравнивать по этим критериям признанные классическими произведения отечественной литературы с повестью скромного и забытого автора. Специалист-историк предпочитает изучать быт, людей и нравы прошлых эпох. С этой точки зрения нам столь же интересен живший полтора века назад провинциальный дворянин, как и блестящий представитель «золотого» XIX века русской культуры. Оба они донесли до нас предания отдельных семейств, которые артикулировались и передавались вербально от поколения к поколению, и коллективные представления обитателей дворянских «гнезд», расположенных в данном конкретном случае за Волгой и на Южном Урале. Это дает основание применить методы «устной истории», хотя до нас, к сожалению, сама устная традиция не дошла, не пережив ни течения времени, ни катаклизмов истории. Однако о ней можно судить по письменным, литературно обработанным свидетельствам, в которые трансформировалась эта традиция.

Число историков, которые используют в своих трудах свидетельства Н.А. Рычкова, остается немногочисленным⁸. Отдадим должное оренбургским коллегам за то, что они спустя полтора века перепечатали «Отрывок из семейных записок Рожновых»⁹, собрали немногочисленные сохранившиеся документальные сведения о его авторе¹⁰, обратили внимание на взаимосвязь этого сочинения с аксаковской трилогией¹¹.

Однако нельзя считать достаточным выводом простую констатацию того факта, что на этого провинциального помещика повлияло творчество выдающегося писателя¹². Полагаем, что «Отрывок» Н.А. Рычкова не является простым подражанием маститому литератору эпигоном-любителем. Как мы уже писали, этот текст представляет «уникальную возможность сопоставить факты и сверить предания из прошлого двух самых видных дворянских родов Заволжья, “Багровых”– Аксаковых и “Рожновых”– Рычковых»¹³.

Наблюдения над произведениями обоих авторов окажутся полезными и для того, кто работает над конкретными вопросами исторического источниковедения, истории повседневности или ментальности, и для исследователей, занимающихся теоретическим осмыслением прошлого. Переход от устной традиции к письменному и публичному воспроизведению фамильной памяти о прошлом счи-

таем возможным воспринимать одним из проявлений модернизационных процессов в обществе и культуре.

Исследователи уже обратили внимание на то, что проявления «благодарной памяти», «простые и вместе глубокие воспоминания», которые упоминаются в аксаковском тексте, автору «доводилось слышать», а не читать о них. Обращение к памяти семьи обозначается формулой «часто рассказывали», а не ссылкой на письменный текст¹⁴. Речь идет о преимущественно вербальном способе трансляции памяти, происходившем в элитарной части русского общества, среди «образованного меньшинства», хотя для него практика чтения была повседневным занятием, а процесс письма – актуальным¹⁵.

Например, Степан Михайлович Багров, под именем которого представлен в «Семейной хронике» дед С.Т. Аксакова, отслеживая историю рода на протяжении семи веков, только в самых ответственных жизненных ситуациях, «писал» ее. Так, он дал короткое письменное благословение сыну на женитьбу по требованию чиновного отца невесты или держал под рукой письменные принадлежности с родословной росписью во время беременности снохи, чтобы только нарисовать стрелку и кружок с именем в случае рождения внука. Такое же предпочтение, отдаваемое устной традиции, заметно и среди персонажей Н.А. Рычкова.

В письменном виде семейные предания зафиксировало поколение их внуков и правнуков. За трилогией С.Т. Аксакова стояли как перемены в русской культуре и ментальности, так и вестернизирующее влияние европейской литературы, в общем русле с которой шло развитие отечественной словесности, начиная с петровских времен. Наряду с другими российскими писателями, он прокладывал путь не только новым художественным веяниям, но и самому современному мировосприятию. Открытия, сделанные им и его собратьями по перу падали уже в подготовленную среду «образованного общества», быстро усваивались.

Что касается фамильной памяти Рычковых, то ее актуализация и письменная фиксация произошли стремительно. Автор закончил «Отрывок из семейных записок Рожновых» в декабре 1860 г. Прошел всего лишь год с небольшим после выхода в свет последней по сроку публикации части аксаковской трилогии. Очевидно, что память его семьи не уступала в глубине и подробностях той, что имела у соседей, родственников, соперников. Вероятно, устная традиция многих

других дворянских родов была не менее богатой и интересной. Однако не во всех из них, как у Аксаковых и Рычковых, нашлись те, кто захотел и смог переложить эту традицию в письменный текст.

Н.А. Рычков хотел быть услышанным и понятым читающей публикой, заставить ее взглянуть на отцовские и дедовские предания с точки зрения не только Аксаковых, но и Рычковых. Последние в аксаковской трилогии были упомянуты и охарактеризованы не с лучшей стороны в двух важных эпизодах.

В «Семейной хронике» их представляет одна из самых злых мачех во всей русской классической литературе – дочь известного ученого и государственного деятеля П.И. Рычкова от второго брака Александра Петровна. Она несколько лет буквально изводит падчерицу Сонечку Зубину, как именуется здесь мать С.Т. Аксакова – Мария Николаевна, урожденная Зубова.

Второй эпизод выведен очень комичным, с точки зрения маленького Сережи и всего семейства «Багровых»-Аксаковых. В «Детских годах» повествуется о попытке сватовства к уже немолодой тетушке Багрова-внука Татьяне со стороны Митеньки Рожнова. Он описан как «урод по своей толщине», напоминавший «что-то похожее на небольшую калмыцкую кибитку или копну сена». С ним приехала его мать «Палагея Ардалионовна Рожнова», «претолстая и не очень старая женщина». После их отъезда в доме Багровых «много было шуток и смеху, и тетушка объявила, что ни за что на свете не пойдет за такого урода и увальня».

Вряд ли многие из первых читателей книги Аксакова распознали в незадачливых соседях, приезжавших в багровское имение, вдову Фиону Алексеевну и ее сына Петра Андреевича Рычковых. Однако для Н.А. Рычкова это не было секретом, поскольку он приходился родным правнуком и внуком этим двум невольным шутам, осмеянными Багровыми.

Приняв условия своеобразной «литературной игры», о которых говорилось выше, Н.А. Рычков сумел очень достойно вступить в спор. Он не оправдывал предков напрямую. В его повествовании неловкое сватовство деда к одной из дочерей Степана Михайловича Аксакова (только ее на самом деле звали не Татьяной, а Евгенией) тоже имеет место. Так, «полновесный» Петр Андреевич с трудом и только с помощью слуг выбирается из экипажа, а потом засыпает после сытного обеда прямо в гостиной Багровых. Признается, что отказ со стороны семьи предполагаемой невесты, который больно

задел Рожновых, сделан «по многим и весьма основательным причинам», включая болезненное состояние и непривлекательную внешность жениха, неприятный и тяжелый характер возможной свекрови¹⁶.

Однако смеяться «читающей публике» при описании этой сцены в отличие от шутовского действия, какой она предстает у С.Т. Аксакова, не очень хочется. Читатели на предшествующих страницах двух журнальных номеров уже узнали, что это были не случайные гротескные персонажи, а живые люди с непростыми судьбами.

Пересказ семейных преданий автор «Отрывка» начал с жизни прадеда – боевого офицера и симбирского коменданта Андрея Петровича «Рожнова»-Рычкова, который был убит пугачевцами и предавшими его солдатами. Его жена, упомянутая Ф.А. «Рожнова»-Рычкова, несмотря на бродившие вокруг отряды мятежников, поехала, переодевшись мордовскою крестьянкою, на поиски мужа, и нашла на поле сражения среди трупов его тело, изуродованное бунтовщиками, временем и стервятниками, чтобы забрать с собой и предать земле. Взвалив на себя весь груз семейных забот, «из робкой, почти дикарки, девушки» молодая вдова сделалась «ухарской барыней»¹⁷. Она постоянно бранила своих крепостных, выпускала руки, а то и охаживала плеткой. При этом помещица не садилась завтракать, пока не накормлены работники, обходила избы крестьян, пока те в поле, чтобы вынуть вовремя из печей поставленные туда хлеба или накормить оставшихся дома ребятишек и цыплят, а потом сама везла в поле обед своим крепостным. «Все отрасли хозяйства, как мужского, так и женского ей были известны в подробности», – писал ее правнук¹⁸.

Реальная судьба сына погибшего симбирского коменданта походила на придуманную А.С. Пушкиным для Петруши Гринева. Его тезку Петю «Рожнова»-Рычкова тоже зачислили в гарнизонный батальон для проформы, чтобы только получить необходимую выслугу лет для офицерского чина. Однако ему пришлось принять боевое крещение в ходе пугачевского восстания. Незадолго до своей гибели отец отдал приказ оставшимся верным людям увезти юношу с поля проигранной битвы, за что тот подвергся аресту и угрозе военного суда.

Еще в судьбе П.А. Рычкова была смерть в младенчестве всех детей от любимой жены и ее самой после родов. Одной причиной

свалившихся на него невзгод стал «старик Багров», судя по всему – герой «Семейной хроники» Степан Михайлович. В преданиях Рычковых, в отличие от слышанного и виденного С.Т. Аксаковым, он предстает как «известный сутяга и кляузник»¹⁹. Желая поставить своего человека на должность земского исправника, занимаемую как раз дедом автора «Отрывка», старший Багров не побрезговал ложным доносом на соседа.

Оправдаться невинно обвиненному чиновнику помогли его родная тетка А.П. Зубова, выведенная С.Т. Аксаковым в виде злой мачехи, и ее муж Н.Ф. Зубов. Они поспособствовали окончанию следствия над Рычковым. Однако должности тот не сохранил, изрядно потратился и опустошил свое имение²⁰.

Таким образом, свататься в Багрово (подразумевается Аксаково, Знаменское тож, Бугурусланского уезда Самарской губернии) приехал потрепанный жизненными неудачами, а оттого переставший следить за своей внешностью и обрюзгший, хотя еще не старый мужчина. Сопровождавшая его мать, погрязшая в быте деревенской помещицы, лелеяла единственную мечту женить сына-вдовца и дожждаться внуков.

Даже когда мать и сын Рожновы не вызывают симпатий, то выглядят скорее достойными жалости, нежели насмешек. Повествование о своей прабабушке Н.А. Рычков завершал словами: «Если в тебе и являлись дурные наклонности, то виновато более то время, в которое ты жила, и понятия, под влиянием которых сформировался твой характер!»²¹

Расстроенное сватовство послужило в итоге семейному счастью обоих персонажей. Нашла достойного мужа Е.С. «Багрова»-Аксакова, а П.А. «Рожнов»-Рычков со временем обрел супругу, которая подарила ему сына, обеспечив будущее появление на свет и внука – автора «Отрывка», написанного в ответ на аксаковскую трилогию.

Есть у Н.А. Рычкова и иные переключки с С.Т. Аксаковым, не только с «багровской» трилогией знаменитого писателя, но и с так называемой «охотничьей», которую специалисты считают «своеобразной, ни на что в литературе не похожей»²². Неслучайно Алексей Багров (отец Сережи), и Петр Рожнов уходили от житейских неприятностей и от скуки быта одним путем – на охоту, на природу.

Конечно, в настоящей статье затронуты не все стороны взаимоотношений между обитателями заволжско-уральских степей,

о которых повествуют записи семейных преданий Аксаковых и Рычковых. Было бы интересно, например, понять, почему они не содержат упоминаний о земельных конфликтах, которыми изобилуют документы второй половины XVIII в.²³, или привлечь для сравнения имеющиеся записи устных преданий не только дворян, но и крестьян данного региона²⁴.

Наблюдение над «Отрывком» Н.А. Рычкова не оставляет сомнений в том, что в нем, как и в аксаковской прозе, отражены реальные факты, транслировавшиеся до поры до времени вербально. Взаимопересекающиеся события и факты повествований в произведениях двух авторов дополняют и подтверждают друг друга, хотя и сопровождаются спорами о причинах и оценках произошедшего. Удивительная детальность аксаковского повествования о прошлом, оказывается не столь уж редким явлением для определенного социального круга.

Вместе с произведениями С.Т. Аксакова «Отрывок из семейных записок Рожновых» расширяет научные представления об обитателях «дворянских гнезд» в заволжских и уральских степях, их повседневности и родовой памяти, а также по ряду других вопросов гуманитарного знания. Публичное сопоставление на печатных страницах преданий двух старинных дворянских родов Заволжья может рассматриваться как показатель процессов перехода исторической памяти от традиционной устной формы к документальной и художественно обработанной.

¹ Аксаков С.Т. Семейная хроника и Воспоминания. Москва, 1856.

² Аксаков С.Т. Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением Семейной хроники С. Аксакова. Москва, 1858.

³ Рычков Н.А. Отрывок из семейных записок Рожновых. Статья первая // Библиотека для чтения, журнал словесности, наук и политики. 1862. Т. 169. № 1. Январь. С. 121–160.

⁴ Рычков Н.А. Окончание // Там же. № 2. Февраль. С. 1–48.

⁵ Чеканова Э.В. Дворянское общество и государственная власть николаевской России: проблемы воспитания и образования. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2005. С. 15.

⁶ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: В 3 т. Санкт-Петербург, 2015. Т. 3. С. 373.

⁷ Аксаков С.Т. Указ. соч. С. 5.

⁸ Артамонова Л.М. «Учили меня ещё во младенчестве». Принципы и традиции образования молодых дворян в XVIII столетии // Родина. 2010. № 11. С. 13–14.

⁹ Жизнь и деятельность П.И. Рычкова / Авт.-сост. Г.П. Матвиевская. Оренбург. 2008. Т. 1.

¹⁰ *Зубова И.К.* История потомков Петра Ивановича Рычкова, рассказанная ими самими: повесть-исследование. Ч. 2 // Гостиный двор: лит.-худож. и обществ.-полит. альманах. Оренбург, 2000. № 9. С. 226–239.

¹¹ *Мишанина Е.В.* Крепостные порядки в оренбургской помещичьей дворянской усадьбе (по произведениям С. Аксакова и Н. Рычкова) // Сельское население России в условиях модернизации XIX–XXI веков: Сб. ст. Оренбург, 2012. С. 212–214.

¹² *Зубова И.К.* Аксаковы и Рычковы. Встречи в литературных произведениях // Оренбургский край. Архивные документы, материалы, исследования: сб. работ научно-исследовательской краеведческой лаборатории ОГПУ. Оренбург, 2003. Вып. 2. С. 156.

¹³ *Смирнов Ю.Н.* Народ и власть в освоении Российского Заволжья (XVIII – середина XIX в.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999. С. 18.

¹⁴ *Анненкова Е.И.* «Семейная хроника» С.Т. Аксакова: история рода в художественно-мемуарном освещении // Известия Русского генеалогического общества. Вып. 27. Санкт-Петербург, 2014. С. 17.

¹⁵ *Бирюкова А.Б.* Социокультурное пространство поволжских городов первой половины XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2006. С. 205.

¹⁶ *Рычков Н.А.* Отрывок из семейных записок Рожновых. Окончание. С. 35.

¹⁷ *Рычков Н.А.* Отрывок из семейных записок Рожновых. Статья первая. С. 124.

¹⁸ Там же. С. 126.

¹⁹ *Рычков Н.А.* Отрывок из семейных записок Рожновых. Окончание. С. 15.

²⁰ Там же. С. 16.

²¹ Там же. С. 48.

²² *Бакнина Т.В.* Поэтизация водного пространства в творчестве С.Т. Аксакова (на материале «Записок об ужении рыбы») // Национальное культурное наследие России: региональный аспект: Материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Самара, 2014. С. 170.

²³ *Артамонова Л.М.* Региональные особенности землевладения и землепользования государственных крестьян Поволжья в их наказах депутатам Уложенной комиссии Екатерины II // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 1. С. 222–230.

²⁴ *Артамонова Л.М.* Использование массовых источников и устных преданий при реконструкции освоения лесостепного Заволжья в 1750–1760-е гг. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 471–475.

Революционная повседневность научных обществ Петрограда

Е.Ф. Синельникова
Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания
и техники С.И. Вавилова РАН,
г. Санкт-Петербург

***Аннотация.** Статья посвящена повседневной жизни научных обществ революционного Петрограда. Особое внимание уделено тому, какие изменения происходили в деятельности научных обществ и в их взаимоотношениях с меняющейся властью. Источниковой базой для исследования послужили различные документы (законодательные акты и правительственные постановления, делопроизводственные материалы, отчеты о деятельности научных обществ и др.) – как опубликованные, так и хранящиеся в различных архивах Санкт-Петербурга. На основе изученного материала автор пришел к выводу, что сопровождавшие революцию социальные, политические и экономические потрясения сильно повлияли на течение жизни научных обществ Петрограда, которая хотя полностью не замерла, но резко сократилась.*

***Ключевые слова:** научные общества, революция 1917 г., Петроград, история науки, наука и власть, история повседневности, инфраструктура науки, общественные организации.*

Изучение повседневности как особое направление исследований приобрело популярность среди отечественных историков в конце 1990 – начале 2000-х гг., и сегодня данная тематика продолжает оставаться востребованной. Однако подобные исследования все еще редки в историконаучном дискурсе. Тем не менее уже в 1994 г. Д.А. Александров писал, что интерес к детальному изучению форм научной жизни является исследовательской установ-

кой и составляет основу исторической антропологии науки¹, при этом предметом истории науки должен стать научный быт².

Настоящая статья посвящена повседневной жизни научных обществ, одной из традиционных форм организации науки в России, в революционные годы.

Научные общества являлись важным элементом научной системы в дореволюционный период. В столице империи успешно работали как городские (Петроградское медицинское общество, Петроградское отоларингологическое общество, Философское общество при Петроградском университете, и др.), так и крупные всероссийские общества, среди которых достаточно упомянуть Императорское русское географическое общество, Императорское русское историческое общество, Императорское русское техническое общество и др. В годы Первой мировой войны, потребовавшей мобилизации науки, научные общества активно работали, и создавались новые организации – Русское ботаническое общество (1915 г.), Русское палеонтологическое общество (1916 г.), Петроградское общество рентгенологов и радиологов (1916 г.).

Представители российской интеллигенции с большим энтузиазмом встретили Февральскую революцию. Так, на первом же собрании Русского общества любителей мироведения, состоявшемся после судьбоносных событий, известный русский астроном Д.О. Святский сообщил о «ряде приветствий, поступивших в общество на имя председателя Н.А. Морозова по случаю совершившегося в России государственного переворота»³. Николай Александрович Морозов был известным «борцом за свободу», революционером-народником, который долгие годы провел в заключение в Петропавловской и в Шлиссельбургской крепостях. Когда Н.А. Морозов прибыл на это заседание общества, «собрание устроило бурную овацию»⁴.

Однако в отчете Русского палеонтологического общества за 1917 г. отмечалось, что «великие события, разразившиеся в России в феврале 1917 г., изменившие и так мучительно изменяющие до настоящего времени весь уклад русской жизни, косвенно отражались и на деятельности нашего общества. [...] Тревожные события весны не позволили организовать общие собрания общества в марте и мае месяцах»⁵.

После Февральской революции взаимоотношения власти и науки стали более демократичными. Изменения политического режима повлекло за собой и обновление законодательных основ существования

общественных организаций, которыми с правовой точки зрения являлись научные общества. Так, Временное правительство утвердило 12 апреля 1917 г. постановление «О собраниях и союзах»⁶, а 19 июля 1917 г. было опубликовано постановление «О регистрации товариществ, обществ и союзов»⁷. Эти законодательные акты заменили первый в истории России подобный документ «Временные правила об обществах и союзах»⁸ от 4 марта 1906 г., в свою очередь также появившийся в революционных условиях.

Несмотря на изменение правовой основы функционирования обществ, Временное правительство не стало проводить кампанию по перерегистрации уже существующих общественных организаций. В соответствии с новым законодательством должны были регистрироваться только вновь создаваемые организации. Невзирая на это обстоятельство, Русское историческое общество сразу после Февральской революции, изменив свой устав, перерегистрировалось 27 апреля 1917 г. в Министерстве народного просвещения⁹. Совет Русского общества любителей мироведения, в свою очередь, в июне избрал особую комиссию для переработки устава организации «в виду изменившихся общественно-политических условий и предстоящего издания нового закона об обществах и союзах»¹⁰. Проект изменений устава был одобрен Советом и разослан членам 25 сентября, утверждение нового уставного документа было предусмотрено через два месяца¹¹.

Однако ввиду отсутствия длительной практики применения, постановления Временного правительства не сыграли существенной роли в развитии отношений власти и общественных организаций. Необходимо отметить, что эти постановления были отменены после Октябрьской революции, как и все законы Временного правительства.

Важным аспектом функционирования научных обществ в 1917 г. являлись финансы. Согласно дореволюционному законодательству, научные общества обязаны были хранить свои денежные средства в виде процентных бумаг как «правительственных», так и «гарантированных правительством городских и земских кредитных» учреждений. Денежные суммы также могли быть «помещаемы для приращения процентами» в местные государственные кредитные учреждения или, «с надлежащего разрешения», в частные¹². Многие научные общества столицы Российской империи обладали крупными капиталами, которые складывались, как правило, из членских взносов и частных пожертвований. Свои денежные средства, например, Русское

техническое общество держало в Государственном банке и частью в Волго-Камском банке¹³, Русское общество любителей мироведения в Государственной сберегательной кассе и Обществе взаимного кредита Петроградского уездного земства¹⁴ и т. п.

Некоторые научные общества Петрограда получали также субсидии от государства. Например, Императорское русское историческое общество получало от Министерства народного просвещения 8000 рублей в год «на издание памятников дипломатических сношений древней России с иностранными державами»¹⁵, а также 15000 рублей в год из кассы Министерства Императорского двора на издание «Русского биографического словаря»¹⁶. Недавно созданное Русское ботаническое общество на 1916 г. получило от государства ассигнование в размере 3000 рублей, а смета на 1917 г. была составлена на сумму 25 000 рублей¹⁷.

Последние подобные выплаты научные общества получили в начале 1917 г. В частности, Русское палеонтологическое общество от Министерства народного просвещения получило 3000 рублей¹⁸. Русское общество любителей мироведения также получило назначенные ему в декабре 1916 г. 1500 рублей «на расходы по изданию печатного органа и пополнению библиотеки»¹⁹. Несмотря на то, что многим научным обществам удалось договориться с Временным правительством о субсидиях, реальных выплат они так и не получили. Палеонтологическому обществу, например, была обещана субсидия 5000 рублей в год²⁰.

Октябрьская революция кардинальным образом изменила политическое устройство страны. Большевики, отменив все предшествующее законодательство, начали создавать собственное. Новое законодательство, в частности, затронуло материальные основы функционирования научных обществ. Так, в результате действия декрета Всероссийского центрального исполнительного комитета «О национализации банков»²¹, принятого 14 (27) декабря 1917 г., и дополнившего его декрета Совета народных комиссаров «О конфискации акционерных капиталов бывших частных банков»²², опубликованного 26 января (8 февраля) 1918 г., научные общества лишились своих хранящихся в банках капиталов.

В условиях отсутствия денежных средств научные общества стали обращаться за субсидиями к советской власти. Комиссариат народного просвещения, ставший преемником Министерства народного просвещения Временного правительства, в 1917 г. успел выделить научным

общества субсидии. Всего деньги получили 42 общественно-научные организации Петрограда²³. Субсидии составляли от 500 рублей (столько получило Философское общество при Петроградском университете) до 17000 рублей (размер субсидии, выделенной Русскому физико-химическому обществу). Крупным общества выделили относительно крупные суммы: Русское географическое общество получило 6600 рублей, Русское ботаническое общество 12 000 рублей, Русское археологическое общество 2000 рублей, Русское астрономическое общество Русское астрономическое общество 7600 рублей. Восемь научных журналов также получили государственное финансирование.

Несмотря на то что большевики, пришедшие к власти, не стали ликвидировать или запрещать деятельность многочисленных дореволюционных обществ и союзов, после Октябрьской революции их деятельность оказалась под угрозой. Заседания пришлось перенести на дневное время, «так как стало затруднительно пользоваться электрическим освещением, и небезопасно по вечерам на улицах столицы»²⁴.

Кроме того, из-за отсутствия транспорта простое перемещение по городу было проблематично, причем эта ситуация после революции сохранялась на протяжении ряда лет. Так, члены Русского технического общества, значительная часть которых проживала на Васильевском обществе, даже в 1920 г. не могли посещать по этой причине заседания в помещениях общества, находящихся в Соляном городке²⁵.

Примечательно, что в протоколах собраний научных обществ в первые месяцы после Октябрьской революции практически полностью отсутствуют какие-либо упоминания произошедших судьбоносных событий, нет и оценочных суждений. Это объясняется, вероятно, верой интеллигенции в скорую нормализацию политической обстановки в стране. Например, общее собрание Русского общества любителей мироведения состоялось на следующий день после революции, 27 октября 1917 г. Заседание, состоявшее из трех научных докладов, было совершенно рядовым: началось в 7 часов 50 минут вечера и закончилось в 10 часов 10 минут. Присутствовало 14 членов общества²⁶. Напротив, в заседании 26 ноября, на котором происходило обсуждение изменения устава, говорилось «принимая во внимание, что в условиях настоящего момента регистрация намеченных изменений устава в законном порядке вряд ли представляется возможной. Собрание, постановляя принять новую

редакцию к руководству с начала 1918 г., полагало пока повременить с печатанием устава, ограничившись помещением в отчет за 1917 г. выдержек из наиболее существенных параграфов»²⁷.

Тем не менее, например, на годовичном собрании Русского ботанического общества, состоявшегося 2 февраля 1918 г., его президент организации, выдающийся ботаник И.П. Бородин произнес «краткую речь, в которой коснулся переживаемых тяжелых событий, отразившихся на деятельности общества, причем призвал присутствующих сохранять самое важное – бодрость духа»²⁸. Но в данном случае речь, вероятно, идет о разгоне большевиками Учредительного собрания и начавшейся Гражданской войне, нежели об Октябрьской революции. На заседании Русского палеонтологического общества в ноябре 1917 г. о революции упоминается только вскользь: «Председатель Н.Н. Яковлев, открывая заседание, сообщил о трагической кончине молодого геолога, оставленного при Московском университете, г. Симентковича. Сименткович убит около Московского университета, в охране которого состоял. [...] Вторую жертвою октябрьских дней был молодой же ученый, зоолог Северцев, убитый на улице Москвы в то время, когда он хотел оказать помощь раненому»²⁹.

Действительно, одной из печальных характерных черт пореволюционной жизни петроградских научных обществ было значительное сокращение, как количества самих организаций, так и числа их членов. Дело в том, что многие ученых уезжали из голодного Петрограда в провинциальные города, надеясь там подкормиться, другие погибали в гуще революционной борьбы, а также голода и болезней. На заседании Отделения зоологии и физиологии Общества естествоиспытателей при Петроградском университете 16 марта 1917 г. было объявлено о смерти трех членов общества: Е.А. Шульца, Н.Ю. Зографа и Д.Н. Зернова³⁰. В конце 1917 г. вследствие тяжелых для здоровья условий умер председатель Отделения статистики Русского географического общества Д.П. Семенов-Тянь-Шанский, а через год по тем же причинам скончался товарищ председателя этого же отделения В.В. Морачевский³¹.

Тем не менее самым многочисленным из петроградских научных обществ в 1917 г. было Русское географическое общество, в котором было 1446 членов. Более тысячи человек состояло и в Русском техническом обществе (1146). Относительно малочисленными научными организациями были Общество психиатров (152), Общество граж-

данских инженеров (176), Российское микробиологическое общество (149). Среднюю позицию по численности занимали такие общества как Русское физико-химическое общество, в которое входило 480 членов, Русское общество любителей мироведения, состоявшее из 401 человека, Российское минералогическое общество включало в течение 1917 г. от 408 до 481 человека, Общество естествоиспытателей при Петроградском университете с 456 членами, Русское астрономическое общество при 307 членах³².

Практически единственной доступной формой работы для обществ в условиях революционного научного быта являлись заседания, которые выполняли информационную функцию, в отсутствии возможности получать научную литературу из-за границы, а также значительного сокращения объема отечественных научных публикаций. В 1917 г. Русское общество любителей мироведения, в частности, провело 9 общих собраний. Собрания проходили, как правило, в помещениях консерватории или в Петроградской ботанической лаборатории по вечерам³³. У Русского ботанического общества, в течение революционного года состоялось только три общих собрания: 11 января, 22 февраля и 3 мая³⁴, в Русском астрономическом обществе: в 1917 г. их было 4³⁵. Философское общество при Петроградском университете в 1917 г. успело собраться только один раз – 9 февраля. Был заслушан доклад известного физиолога В.М. Бехтерева «Строго объективный метод в изучении нервно-психической деятельности и его роль в обосновании рефлексологии человека»³⁶.

Тяжелые условия военного времени повлияли на жизнеспособность научных обществ города. Некоторых из них прекратили свою деятельность, другие временно приостановили деятельность, а третьи продолжали функционировать в революционном Петрограде. Более того, даже создавались новые научные общества: Общество российских рентгенологов и радиологов, Общество русских физиологов им. И.М. Сеченова и Общество изучения русской революции. В целом, к 1 января 1918 г. в Петрограде насчитывалось 55 научных обществ³⁷.

Таким образом, неоднократная смена власти и системы управления, заставляла научные общества быстро адаптироваться к новым условиям. Во время социальных, политических и экономических потрясений, сопровождавших революцию, самоорганизующиеся сообщества ученых продолжали функционировать. Ученые находи-

ли в себе моральные и физические силы приходиться на заседания научных обществ, своей активностью помогая сохранению и развитию этой важной формы организации науки. Естественно, члены научных обществ не могли оставаться безучастными к происходившим в стране революционным преобразованиям, но приоритет всегда отдавался научной работе.

---

¹ Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 4.

² Там же. С. 5.

³ Журнал 76-го годового общего собрания Русского общества любителей мироведения 21 марта 1917 г. // Известия Русского общества любителей мироведения. Петроград, 1917. Т. 6. № 2 (26). 1917. С. 143.

⁴ Там же. С. 145.

⁵ Там же. С. 127.

⁶ О собраниях и союзах // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате (СУ). 1917. № 98. Ст. 540. С. 848–849.

⁷ О регистрации товариществ, обществ и союзов // СУ. 1917. № 165. Ст. 907. С. 1586–1591.

⁸ Временные правила об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. // Российское законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. Т. 9. М., 1994. С. 206–217.

⁹ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 65. Л. 51а–51г.

¹⁰ Хроника // Известия Русского общества любителей мироведения. Петроград, 1917. Т. 6. № 3 (27). 1917. С. 192.

¹¹ Журнал 79-го общего собрания Русского общества любителей мироведения 29 сентября 1917 г. // Известия Русского общества любителей мироведения. Петроград, 1917. Т. 6. № 6 (30). 1917. С. 318.

¹² Плато К.Г. Положение о частных обществах, учреждаемых с разрешения Министерств, Губернаторов и Градоначальников. Рига: типолит., словолитня и фото-химиграфия Э. Платеса, 1903. С. 5.

¹³ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 58. Л. 134.

¹⁴ Там же. Д. 59. Л. 13.

¹⁵ Там же. Д. 65. Л. 5.

¹⁶ Там же. Л. 5 об.

¹⁷ Отчет о деятельности Временного Бюро // Журнал Русского ботанического общества. Петроград, 1917 г. Т. 1. 1916. № 3–4. С. 22.

¹⁸ Годовой отчет о деятельности Русского Палеонтологического общества за 1917 г. // Ежегодник Русского палеонтологического общества. Пг., 1918. Т. II. С. 128.

¹⁹ Журнал 79-го общего собрания Русского общества любителей мирведения 29 сентября 1917 г. // Известия Русского общества любителей мирведения. Петроград, 1917. Т. 6. № 6 (30). 1917. С. 317.

²⁰ Обыкновенное заседание 21-го декабря 1917 г. в помещении Геологического Комитета // Ежегодник Русского палеонтологического общества. Пг., 1918. Т. II. С. 135.

²¹ Декрет ВЦИК «О национализации банков» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР). 1917. № 10. Ст. 150. С. 149–150.

²² Декрет СНК «О конфискации акционерных капиталов бывших частных банков» // СУ РСФСР. 1918. № 19. Ст. 295. С. 286–287.

²³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 2306. Оп. 19. Д. 236. Л. 4–8об.

²⁴ Годовой отчет о деятельности Русского палеонтологического общества за 1917 г. // Ежегодник Русского палеонтологического общества. Пг., 1918. Т. II. С. 127.

²⁵ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 2555. Оп. 1. Д. 58. Л. 4.

²⁶ Журнал 80-го общего собрания Русского общества любителей мирведения 27 октября 1917 г. // Известия Русского общества любителей мирведения. Петроград, 1917. Т. 6. № 6 (30). 1917. С. 319–320.

²⁷ Журнал 81-го общего собрания Русского общества любителей мирведения 27 октября 1917 г. // Там же. С. 322.

²⁸ Протокол годичного собрания Русского ботанического общества от 2 февраля 1918 г. // Журнал Русского ботанического общества. Петроград, 1918. Том 2. 1917. № 3–4. С. 35.

²⁹ Обыкновенное заседание 19-го ноября 1917 г. в помещении Геологического Комитета // Ежегодник Русского палеонтологического общества. Пг., 1918. Т. II. С. 133.

³⁰ Заседание Отделения зоологии и минералогии от 16 марта 1917 г. // Труды Петроградского общества естествоиспытателей. Петроград, 1918. № 3–8 за 1917. С. 25.

³¹ Семенов-Тянь-Шанский В.П. Отделение статистики Русского географического общества // Наука и ее работники. Пг., 1921. № 3. С. 22.

³² ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 272. Л. 22, 29, 40, 49, 60, 74, 96, 120, 125, 133, 136, 140.

³³ Журнал 74-го годового общего собрания Русского общества любителей мирведения 31 января 1917 г. // Известия Русского общества любителей мирведения. Петроград, 1917. Т. 6. № 2 (26). 1917. С. 140, 142; Журнал 75-го общего собрания Русского общества любителей мирведения 15 февраля 1917 г. // Там же. С. 142; Журнал 76-го годового

общего собрания Русского общества любителей мироведения 21 марта 1917 г. // Там же. С. 143, 145 и т. д.

³⁴ Отчет о деятельности Русского ботанического общества за 1917 г. // Журнал Русского ботанического общества. Петроград, 1918. Том. 2. 1917. № 3–4. С. 36.

³⁵ Луцкий В.К. История астрономических общественных организаций в СССР (1888–1941 гг.). М., 1982. С. 91.

³⁶ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 2265. Оп. 1. Д. 1201. Л. 4.

³⁷ См.: Наука в России. Справочник-ежегодник. Данные к 1 января 1918 г. Вып. 1. Пб.–Пг., 1920.

Дневники умирающих: Опыт реконструкции и попытка экзистенциального анализа

М.В. Фадеева

Школа исторических наук НИУ
«Высшая школа экономики»,
г. Москва

Аннотация. Цель статьи – попытка выявления и анализа представленных в текстах самоописаний содержания, отражающего психологическую и экзистенциальную значимость процесса написания текстов. Самоописания умирающих оказываются в условиях табуированности темы смерти современным способом вернуть смерть в публичное поле, напомнить о реальности и неизбежности смерти, иницировав благодаря личному восприятию смерти и вопрос о более персональном восприятии жизни. Самоописания позволяют увидеть умирающего человека и в его интимности, и в его влиянии на пространство публичного.

Ключевые слова: смерть, умирание, самоописание, экзистенциальный анализ, эго-документы

В экзистенциальном анализе, предполагающем рассмотрение человека и его жизни через призму четырех фундаментальных мотиваций, смерти наряду со смыслом и другими значимыми темами в жизни человека отводится почетное место в четвертой фундаментальной мотивации. Тема эта для исследователя привлекательна, конечно, среди прочего своей безнадежностью. Взять, например, источники. Откуда можно узнать о смерти? Да, можно прочитать сказания и легенды, мифы и даже просто литературные произведения и составить довольно пеструю картину восприятия этой темы со всеми положенными оговорками о времени создания, культуре автора и иных рамках, во многом определяющих это восприятие.

Смерть всегда была частью картины мира человека, которая менялась, предлагая ему различные образы и картины жизни после смерти. Все эти представления отражались в мифологии, литера-

туре и религии, а также дополнялись суевериями, приметами и прочими способами сделать смерть и умирание немного ближе и понятнее.

В XX в. отношение к смерти изменилось в новом постиндустриальном, секулярном, «расколдованном», по Веберу, обществе. Смерть перестала восприниматься как естественная часть жизни, а также как тема, пристойная и принятая в обществе, становящаяся все больше маргинализованной и табуированной, являясь противопоставлением норме и здоровью. В то же время смерть стала предметом изучения и обсуждения для историков, психологов и психотерапевтов. Так, Ф. Арьес¹, выделяя пять этапов, отражающих трансформацию представлений о смерти в общественном сознании, писал о том, как архаические представления о смерти как об естественном этапе жизни («все умрем», – размышлял, по Арьесу, человек, оглядываясь на природу и ощущая себя ее частью, создавая таким образом образ «прирученной смерти») сменились «смертью перевернутой», выброшенной за пределы «нормального» общества, которое делает вид, будто никакой смерти нет вовсе, как нет места и горю, и скорби (смерть стала уделом врачей и похоронного бюро).

Книга Э. Кюблер-Росс была призывом к тому, чтобы сделать тему видимой, перестать умалчивать о ней, как о чем-то неудобном или неуместном, но, напротив, признать как ценность самой темы, так и тех чувств, которые возникают у разных участников процесса умирания – у врачей, пациентов, священников, медсестер, родственников и прочих². Она описала ставшие также классическими этапы обращения человека с собственной смертью. Указывая на то, что она считала принципиально важным при общении с умирающими, она снова и снова писала о необходимости на всех стадиях лечения обращаться с пациентом как с человеком, но не как с носителем диагноза. Подчеркивая, что выявленные ею этапы обращения умирающих с собственной смертью не являются универсальным путем, Э. Кюблер-Росс описывает их как процесс, в которых обычно присутствуют следующие пять этапов – отрицание, гнев, торг, депрессия, смирение.

И. Ялом о смерти он писал как о первичном источнике тревоге, а потому как об имеющем большое значение для психотерапевтической практики факторе³. На примере опыта раковых больных, находящихся на терминальной стадии, с которыми он работал,

Ялом отмечал, как многие смогли использовать собственную болезнь как стимул к осознанию, что приводило в конечном итоге к позитивным личностным изменениям.

Обращаясь к современному обществу и в частности российскому обществу, можно констатировать, каким образом тема смерти постепенно вновь перестает быть совершенно исключенной из общественного внимания. В этом месяце на площадке In Liberty начался большой курс, посвященный смерти, Сергей Мохов готовит второе издание своей книги о похоронной индустрии, выходят очередные номера «Археологии русской смерти», в Москве уже два года собираются заседания Death safe, пространства для разговоров о смерти, Детский хоспис получает финансирование от правительства Москвы, а марафоны сбора средств для паллиативной помощи проходят и на федеральных каналах⁴. Конечно, нельзя сказать, что мы практически вернулись к «прирученной смерти», по Арьесу, однако табуированность смерти перестает быть такой фатальной. Не последнюю роль в изменении публичного образа смерти играют сами умирающие.

Фигура умирающего в современном мире возвращает к теме источников. Привыкший документировать свою жизнь человек современный начинает документировать и собственную смерть. Умирающие пишут о своей болезни и говорят также и о неизбежно приближающейся смерти. Таким образом дневники, блоги и мемуары становятся ценнейшим источником для изучения личностного, а не общественного и культурного восприятия смерти.

Самоописание различными психологическими школами издавна рассматривалось как один из источников рефлексии и самопознания. Такие эго-документы, как мемуары, дневники, письма становились основой для изучения и реконструкции внутренней жизни человека. Самоописания позволяют увидеть умирающего человека и в его интимности, и в его влиянии на пространство публичного. Написание блога, к примеру, может стать вполне пространственным заданием, которое психотерапевт может поручить своему умирающему клиенту.

Необходимо было определить некие критерии отбора. Как это ни цинично звучит, в первую очередь нужно было отобрать те блоги, чьи автора уже умерли. Далее, уже вчитавшись в самоописания, выбрать те тексты, на основании которых можно было составить реконструкцию персонального восприятия автором своей жизни и

смерти – иными словами, обнаружить в текстах психологические и экзистенциальные содержания. Воспоминания, дневники часто бывают собраны и опубликованы родственниками уже после смерти автора.

К сожалению, мне не удалось обнаружить много рефлексирующих умирающих соотечественников (за исключением блога Антона Буслова), поэтому те два блога, что я читала в сети и впоследствии отобрала для исследования, были на английском и немецком языках. Также выбор пал на три опубликованных источника – две автобиографии и опубликованный дневник.

При анализе текстов самоописаний, созданных людьми со смертельным заболеванием я пыталась рассмотреть изменения восприятия авторами самоописаний собственного заболевания и смертельного прогноза, выявить в текстах психологические и экзистенциальные содержания.

После завершения реконструкции жизни и умирания каждого из героев я применяла к исследуемым текстам методы восприятия человека, предложенные в работе Э. Кюблер-Росс (и сформулированные ею этапы обращения умирающего со своей смертельной болезнью), метод трехчастой схемы человека В. Франкла (схема, позволяющая разделить биологическое, психическое и нозтическое в человеке и в его реакциях) и теорию фундаментальных экзистенциальных мотиваций А. Лэнгле⁵.

Героями исследования стали жители Норвегии, Канады, Германии, России и Америки. Разного пола, возраста, рода занятий, социального положения, семейного статуса, религиозных убеждений и пр. Наверное, единственное, что их объединяло, помимо процесса умирания, – желание задокументировать последние месяцы и годы своей жизни, их влияние на восприятие смерти и умирания их читателями.

Что стало причиной начала ведения блога или появления замысла о создании книги? Каждый из героев рассказывал, почему решил фиксировать процесс своей жизни в ожидании скорой смерти. Для Антона Буслова целью ведения колонки в журнале “The New Times” был сбор средств на дорогостоящее лечение⁶. Дерек Миллер продолжал писать в блог, который уже регулярно вел в течение нескольких лет на момент получения новостей о смертельном диагнозе⁷. Дмитрий Панов завел блог после того, как врачи озвучили ему смертельный прогноз, чтобы «что-то после

себя оставить»⁸. Регина Стокке завела блог, чтобы рассказать, каково это – столкнуться с диагнозом лейкемия в семнадцать лет⁹. Пол Каланити решил написать книгу, исполняя свою мечту стать писателем (сразу после завершения успешной карьеры нейрохирурга, которую он также прочил себе), выбрав для сюжета тот опыт, который оказался доступен для описания – процесс собственного умирания¹⁰. Юджин О’Келли в последние месяцы жизни переосмыслил свой подход к жизни и смог так устроить собственное умирание, чтобы по возможности превратить это время в лучший период своей жизни¹¹. Собственными открытиями он решил поделиться с читателями, потому засел за сбор материалов для книги.

Стало ли причиной начала ведения блога или подготовки материалов к публикации книги отсутствие поддержки умирающего со стороны его окружения? Анализ текстов блогов и книг показал, что самописание не было для них попыткой компенсировать отсутствие поддержки от окружения. Дерек, Регина, Пол, Юджин, Антон и Дмитрий – все они писали о той поддержке, которую получали от родных и близких. При этом Регина, Дмитрий и Дерек в своих записях в блоге указывали, какой дополнительной опорой для них является внимание читателей, их комментарии, количество просмотров, которые получали записи в блогах. Книги, выпущенные после смерти Юджина, Пола и Регины, были сделаны при помощи родственников, выполнявших это поручение как исполнение последней воли умирающего.

Каким образом отличаются между собой самописания, создаваемые в формате блога, от самописаний, опубликованных в виде книги? Анализ текстов самописаний показал, что записи, писавшиеся в блог, не отличались по оформлению от материалов, выпущенных впоследствии в виде книг. Все самописания велись от первого лица, включали те размышления и переживания, которыми делились с читателями авторы. В то же время необходимо отметить, что существенным отличием блога от посмертного издания является то, что часто последний период жизни умирающего оказывается описан в меньшей степени в сравнении с предыдущими, в то время как от блога можно ожидать равномерного характера освещения всех этапов умирания (с поправкой на силы и возможности автора по фиксации своего состояния в блоге). В то же время книжные издания часто сопровождаются текстами род-

ственников, описывающих последний период умирания автора самоописания, что может в некоторой степени компенсировать отсутствие авторского текста.

Какие психологические и экзистенциальные функции имели самоописания в блогах или в материалах для книги? Тематический анализ выявил, что тексты самоописаний помимо их культурного значения обладали и индивидуальной ценностью, предоставив их авторам возможность приблизиться к лучшему пониманию себя. В условиях ограниченного времени такие темы, как отношения, ценности, пространство, опора, понимание себя и персональный смысл стали содержанием блогов и материалов для книг, отражая экзистенциальные функции самоописаний. В то же время самоописания были и отражением переживания умирающими пациентами своей витальности, изменявшейся под воздействием болезни и лечения.

Применение к самоописаниям умирающих этапов, описанных Э. Кюблер-Росс, дало следующие результаты. Дерек Миллер, борющийся с раком несколько лет, судя по его текстам, прожил все эти этапы, а также сформулировал собственное отношение к болезни и умиранию, которое позволило ему примириться с ними. Антон Буслов писал о том, как не хочет тратить время на переживания и эмоции, в его текстах удалось обнаружить только этап отрицания. Схожие выводы можно сделать о текстах Дмитрия Панова, которые по большей части были ироничными зарисовками повседневности (в его текстах не удалось обнаружить отражения тех чувств, которые можно было бы отнести к описанным Э. Кюблер-Росс этапам, если не считать весь блог Дмитрия специфическим отражением этапа смирения). Тексты блога Регина позволяют предположить, что в процессе обращения с перспективой собственной смерти она прожила стадии отрицания, депрессии и, по всей видимости, смогла приблизиться к принятию. Книга Пола Каланити обнаруживает у него этапы отрицания, раздражения и принятия собственной смерти. Судя по описаниям в книге, Юджин с первого этапа отрицания переместился сразу к работе над достижением последнего этапа смирения.

Модель человека, предложенная В. Франклом, предполагает выделение трех аспектов человеческого бытия – телесного, психического и духовного, попытки обнаружить в текстах самоописаний отражений психического и духовного привели к следующим

наблюдениям. Витальность – одна из главных проявлений психического измерения описывалась авторами книг и блогов, однако описания крайне различались, потому что, несмотря на общность смертельного диагноза, каждый из авторов самоописаний сталкивался со своими реакциями на лечение, а болезнь каждого имела свои симптомы. Так, к примеру, Ю. О’Келли практически до самого конца не испытывал болей, а также не страдал от последствий лечения (выбрав лучевую терапию, а не химиотерапию), что отразилось на его ощущении собственных жизненных сил. В то же время, Регина Стокке, напротив, много писала о том, какими сильными были страдания, вызванные болезнью, что позволяло ей думать о смерти как об избавлении от страданий. Духовное измерение во многом в контексте обретения персонального смысла нашло свое отражение в размышлениях всех авторов.

Такие категории как опора, пространство, время, близость, аутентичность, смысл стали темами для авторов самоописаний. Из их текстов удалось выявить, каким образом они воспринимали опору – на внешний мир и на самих себя. Так, опора на собственное тело, превратившееся из-за болезни в объект заботы, компенсировалась опорой на отношения, представление о себе, широкие духовные горизонты. Для авторов самоописаний тема аутентичности была одной из центральных – в свете изменившегося восприятия времени (все писали о том, как время, соотнесенное с будущим, вынужденно трансформировалось для них в настоящее время с крайне неопределенным будущим) тексты самоописаний полны свидетельств значения для умирающих убежденности в ясности собственных представлений о самом себе, привычных занятий или же ценности поиска собственного. Сами созданные тексты были, безусловно, отражением личности авторов. Пол Каланити свою аутентичность проживал в первую очередь в работе нейрохирургом, к которой он вернулся и после постановки смертельного диагноза. Схожим образом Юджин О’Келли, хотя и оставив пост главы фирмы, трансформировал свой подход бизнесмена к планированию собственного умирания. Дерек Миллер за годы лечения и умирания смог увидеть, что является для него по-настоящему ценным и обнаружил свое подлинное в писательстве. Дмитрий Панов сделал свой блог манифестом представлений о подходящем ему способе проживания жизни – в просмотре фильмов, в компьютерных играх, в актерской игре – в продолжении привычного стиля жизни в умирании он проявлял

себя. Поиски себя отражены и в текстах Регины, обнаружившей в себе талант к письму, фотографии, живописи. Ощущение собственной полезности несмотря на прогрессирующее заболевание, продолжение занятий общественной деятельностью были проявлением аутентичности Антона Буслова.

Нахождение собственного для многих авторов перекликалось с обретением персонального смысла в жизни, что позволяло им найти возможность примириться и с неизбежностью смерти. Для Антона Буслова смыслом было планирование рождения дочери, а также продолжение борьбы с болезнью, невзирая на малую вероятность успеха. Для Регины Стокке таким персональным смыслом стали любовь и близость в отношениях с друзьями и семьей. Смыслом для Дмитрия Панова стала приверженность собственному стилю, который позволил ему встретить смерть, «умирая с крутостью», в окружении поддерживающих его читателей. Дерек Миллер обрел свой смысл в благодарности за уже случившиеся с ним события жизни (в особенности отношения с женой, которые он описывал как подлинную Встречу) и примирении с невозможностью предсказать всего того будущего, которое не смогли бы предвидеть и те, кто доживет до него. Пол Каланити смысл обрел в сохранении брака, рождении дочери (он прожил чуть больше года после ее рождения) и воплощении мечты – написании книги. Книга стала смыслом и для Юджина О'Келли, спешившего поделиться со всеми открытиями, которые подарило его осознанное планирование собственного умирания.

Рассмотрение текстов с точки зрения наблюдений Э. Кюблер-Росс и описанных ею этапов принятия собственного умирания показало, как изменялось восприятие авторами собственного заболевания и вынесенного им смертельного прогноза. Причины начала ведения блога или сбора материалов для книги разнились, но не были связаны с попыткой компенсировать отсутствие поддержки от друзей или родственников.

Несмотря на уникальность каждого из рассмотренных случаев, по результатам проведенного анализа можно сделать ряд наблюдений. Так, характерным для авторов самоописаний становится необходимость взглянуть на свою жизнь на момент постановки диагноза. Для кого-то увиденное становилось источником опоры – на представление о себе, на выражение себя в профессии, общественной деятельности, увлечениях. Для кого-то же это вы-

нужденное рассмотрение собственной жизни становилось мотивацией для поиска себя, выявления аутентичного в своей жизни. Обретение персонального смысла в жизни позволяло умирающему по-иному взглянуть на перспективу собственной скорой смерти, а также примириться с таким финалом своей жизни.

¹ *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. М., 1992.

² *Кюблер-Росс Э.* О смерти и умирании. М., 2001.

³ *Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия. М., 1999.

⁴ *Болен Д.Ш.* У последней черты. Смертельно опасная болезнь как путешествие души. М., 2017; *Еремеева С.* То, о чём молчим... Почему death studies непопулярны в современной России // Археология русской смерти. № 1. М., 2015. С. 33–50; *Де Грааф Ф.* Разлуки не будет. Как пережить смерть и страдания близких. М, 2015.

⁵ *Лэнгле А., Уколова Е.М., Шумский В.* Современный экзистенциальный анализ: история, теория, практика, исследования. М., 2014.

⁶ *Буслов А.* Блог // The New Times [Электронный ресурс]. № 263-331. М., 2012–2014. URL: <http://newtimes.ru/archive/> (дата обращения: 24.05.2017).

⁷ *Miller D.K.* Penmachine.com [Электронный ресурс]. URL: <http://www.penmachine.com> (дата обращения: 26.04.2017).

⁸ *Ranov D.* Sterben mit Swag [Электронный ресурс]. URL: <http://sterbenmitswag.blogspot.ru> электронный ресурс (дата обращения: 24.05.2017).

⁹ *Стокке Р.* Книга Регины. Дневник последнего года: «Посмотри в глаза своему страху». М., 2012.

¹⁰ *Каланити П.* Когда дыхание растворяется в воздухе. Иногда судьбе всё равно, что ты врач. М., 2017.

¹¹ *Келли О.Ю.* В погоне за ускользающим светом. М., 2007.

**Образ имени
и образ языка
в историческом преломлении**

Образ власти в пространстве медиа: экскурс в историю политического дискурса

И.Б. Антонова
Российский государственный
гуманитарный университет,
г. Москва

***Аннотация.** Процессы медиатизации, происходящие в современном мире, не могли не отразиться на образе политической власти в целом и на традиционно риторическом характере политического дискурса (далее – ПД) в частности. Значимость трансформаций, претерпеваемых ПД под воздействием медиа, настолько велика, что выступает в качестве одной из наиболее острых тем теоретического и прикладного научного исследования. В настоящей статье автор ограничилась рассмотрением лишь вопросов медиатизации ПД в условиях медиасреды и попытались ответить на вопрос, какова роль медиа в формировании образа власти, который так или иначе прослеживается в политическом (в частности президентском) дискурсе.*

***Ключевые слова:** образ власти, политический (президентский) дискурс, (масс)медиа, медиаобраз, медиaprостранство*

Какую роль играют медиа в пространстве политического? Действительно ли они создают некий новый, отличный от прошлого, единый образ власти, который так или иначе, но воспринимается аналогичным образом всеми слоями общества, вне зависимости от их социальных, образовательных, профессиональных, религиозных и гендерных различий? Или существует как минимум три образа – образ «желаемой» (идеальной) власти, образ «реально действующей» власти и наконец – медиа образ, стремящийся приблизиться к первому и второму, но находящийся, тем не менее, на значительном расстоянии от них?

Ответы на эти вопросы требуют: 1) анализа самого понятия медиа 2) обоснования влияния медиа на формирование образа власти и 3) доказательства опосредования содержательного наполнения политического дискурса средствами медиа.

Попытка систематизации многочисленных определений медиа предполагает последовательный переход от их узко ориентированного значения как средств передачи информации к предельному толкованию как «среды рефлексии». При этом никакая рефлексия о медиа сегодня немыслима вне самого медиа-пространства, которое в конечном счете определяет и опосредует сознание современного человека (даже этот текст неотделим от его медианосителя – компьютера – а значит, несет в себе нечто помимо своего «оригинального» смысла). Такого рода опосредование не предполагает заданности совпадений и закономерности регуляций. Наоборот. Знакомясь с трудами теоретиков медиа (М. Маклюэн, Ф. Киттлер, Р. Дебре, Б. Стиглер, Ж. Лакан), автор не могла не заметить, что их исследования медиа содержат знаковые несовпадения во взглядах (недаром Лакан предложил отойти от методологии исследования медиа с точки зрения их совпадений и изучать с точки зрения случайностей и дисторций). Очевидно, что сама сложная противоречивая природа медиа-пространства диктует свои законы его исследования, углубляя и верифицируя медиа-дискурс о медиа. Интересен с этой точки зрения анализ некоторыми медиатеоретиками текстов М. Маклюэна. Их структура напоминает структуру компьютерных баз данных, что можно отнести к чистой случайности (объясняемой экстравагантностью стиля автора, не более), а можно – к закономерной необходимости и единственной возможности постигать природу медиа лишь особым типом сознания, структурированным по аналогии с ними.

Знаменитый афоризм Маклюэна «*The Medium is the Message*» (изначально переведенный как «средство коммуникации есть сообщение») требует не только (и не столько) более расширительной современной (в связи с появлением «новых» медиа) трактовки, сколько качественно нового его осмысления. На это намекал и сам Маклюэн, впоследствии намеренно искажая собственное высказывание и сводя его к ироничной формуле: «*The Medium is the Massage*». Однако ее интерпретативный ресурс иронией отнюдь не исчерпывается: медиа сегодня возможны и необходимы к рассмотрению как особая категория *сообщения*, в котором акцентируется его функция быть *всеохватывающим* (массовым).

Существуют и другие взгляды на проблему «новых» медиа: французский философ Стиглер рассматривает их как технические средства, изначально включаемые в цикл формирования человека:

для него медиа биологичны (как и для самого Маклюэна, изначально рассматривающего медиа как «расширение» человека). А для немецкого теоретика Киттлера – наоборот – развитие техники стимулируется логикой самой техники, а это значит, что медиамеханизмы – отнюдь не органичное продолжение человека. Таким образом именно Киттлер подвергает сомнению основное предположение Маклюэна о том, что человек – субъект всех медиа, а сами медиа есть продолжение (расширение) человека. При этом и Маклюэн, и Стиглер, и Киттлер выступают за сближение медиаисследований с исследованием человеческой ментальности. На фоне появления «новых» технологий и обязательности их интеграции со «старыми» для них важно было зафиксировать то, что являло собой обязательную предпосылку к дальнейшим исследованиям медиа: предрасположенность человеческого сознания к работе в условиях каждого следующего средства коммуникации и в конечном итоге опосредованность сознания каждым следующим средством медиа, которое в конечном итоге формирует современный образ политической власти.

Желаемые образы власти – не что иное как социальные коллективные конструкты, которые отражают некие характеристики реально действующей власти, но не совпадают с ней. И тогда возникает вопрос: что есть реально действующая власть и существует ли она вообще? Или кроме ее образа и представления о ней нет ничего? В силу целого ряда факторов (характеристика которых выходит за рамки данной статьи) с уверенностью можно констатировать лишь одно: власть почти непрозрачна для общества и именно в силу этого – массовое сознание оперирует образами власти и представлениями о ней. Образы «желаемой» власти возникают под влиянием медиа и через них же передаются массовому сознанию. Существует и другая, прямо противоположная точка зрения, в соответствии с которой допускается наличие «реально действующей» власти и конструирование ею своего собственного образа средствами медиа: «Между этими образами традиционно нет совпадения, и степень тождественности, т.е. сближения этих образов в массовом сознании определяет степень ее (власти) легитимности, и это в конечном счете определяет и обеспечивает принятие этой власти обществом»¹.

Естественной средой обитания любой власти является политическая коммуникация (далее – ПК), под воздействием которой собственно и формируется ее образ.

Часто определяемая как смысловое взаимодействие, в процессе которого постоянно происходит соединение частного в интересах общего, ПК носит открытый, динамичный, изменчивый, постоянно уточняющий (как бы «притирочный») интерпретативный характер. Именно такие характеристики ПК отмечаются в настоящее время в ряде теорий и методологических подходов к ней (концепция саморазвивающихся систем Н. Лумана, теория социальных полей П. Бурдьё, теория переговорного процесса Р. Люика, Дж. Литтерера и др). Отдельного внимания заслуживает концепция власти в информационном обществе Мануэля Кастельса, который считает основным признаком современного общества его *коммуникативность*, а именно: способность информации к преодолению любых геополитических границ в условиях медиа пространства. В рамках этого постулата Кастельс предполагает, что ПК – это, с одной стороны, циркуляция *информации* между политической и социальной системами (в связи с их открытостью и стремлением к взаимопроникновению), а с другой, 1) производство; 2) распространение и 3) регулирование политических *идей* в общественном пространстве с помощью медиа. При этом обмен *информацией* предполагает диалог, цель которого – достижение политического согласия, а обмен *идеями* – борьбу, цель которой – победа одних идей над другими.

Политическая коммуникация (далее – ПК) как смысловое взаимодействие, в процессе которого постоянно происходит соединение частного в интересах общего, носит открытый, динамичный, изменчивый, постоянно уточняющий (как бы «притирочный») интерпретативный характер. Именно такие характеристики ПК отмечаются в настоящее время в ряде теорий и методологических подходов к ней (концепция саморазвивающихся систем Н. Лумана, теория социальных полей П. Бурдьё, теория переговорного процесса Р. Люика, Дж. Литтерера и др). Отдельного внимания заслуживает концепция власти в информационном обществе Мануэля Кастельса, получившая свое развитие в 90-е гг. XX в.

Основным признаком современного общества Кастельс считает его *коммуникативность*, а именно: способность информации к преодолению любых геополитических границ в условиях медиа пространства.

В рамках этого постулата Кастельс предполагает, что ПК – это, с одной стороны, циркуляция *информации* между политиче-

ской и социальной системами (в связи с их открытостью и стремлением к взаимопроникновению), а с другой, (1) производство; (2) распространение и (3) регулирование политических *идей* в общественном пространстве с помощью медиа. При этом обмен *информацией* предполагает диалог, цель которого – достижение политического согласия, а обмен *идеями* – борьбу, цель которой – победа одних идей над другими.

Дискурс власти, а в контексте настоящей статьи – *президентский* дискурс (далее – ПД), полагает наличие в нем некоторой идеи, которая находит свое языковое воплощение в новых, переосмысленных на политический лад понятиях и концептах: «война с бедностью» у Л. Джонсона, «ось зла» у Рейгана, «кризисы» у Кеннеди, «освоение космоса и целины» у Хрущева, «перестройка» у Горбачева, «управляемая демократия» у Путина и т. д.

Свойством дискурса вообще (и ПД – в частности) считается то, что его язык рассматривается не как то, что выступает средством выражения социальной реальности, а как то, что (вос)производит (репрезентирует) ее. Другими словами, язык (и сама коммуникация) не нейтралны в (вос)производстве социальной реальности. Данное утверждение – суть лингвистического поворота, произошедшего в 50–60-е гг. прошлого века в философии. Отталкиваясь от него, социолингвисты выбирают в качестве предмета исследования язык политических текстов, считая его приоритетным средством создания не только образа власти, но и определения характера политического явления как такового. Переключение исследовательского внимания на политический язык (а именно: риторические и манипулятивные стратегии ПД, речевой образ президента, риторика власти в целом) считается основной «слабостью» дискурсивной практики, поскольку эти «узко цеховые» задачи мало что приносят в понимание самих властных отношений и политических процессов, а значит малоинтересны политологам. Причина – в засилье интерпретативного, а не объективного дискурс-анализа, и в связи с этим – акцент на субъективном оценивании того, что происходит в пространстве политического.

Политологу интересен не сам язык, а то, как он функционирует и влияет на политические процессы. В связи с этим традиционно выделяется три измерения ПД: коммуникативное, семиотическое и когнитивное. В коммуникативном измерении ПД

рассматривается как посредник, в семиотическом – как пространство, в когнитивном – как глубина.

То, что ПД исследуется как посредник, объясняется ролью языка как медиума. Особый смысловой акцент падает на то, что происходит передача сообщения, т. е. не нейтрален сам канал, сама технология. Она, по мнению Маклюэна и его последователей, именно в связи с этим свойством не-нейтральности, опосредует наше восприятие окружающего мира, одновременно формируя его. А в случае с медиа-ПД, она формирует язык и образ политической власти.

Разница в средствах распространения идей, заложенных в ПД, определяет и разницу в характере их содержательного наполнения. Другими словами, само средство тиражирования (печать, радио, телевидение, Интернет) в конечном счете опосредует политическое сознание, порождающее ту или иную политическую идею.

Если рассматривать ПД в исторической ретроспективе, то его содержание и языковое оформление менялось в зависимости от того (и определялось тем), как, каким средством распространения оно тиражировалось. Канал переставал быть только каналом и трансформировался в сообщение. Примеров такой трансформации в истории ПК и ПД более чем достаточно.

1. Именно радио породило «Беседы у камина» *Франклина Д. Рузвельта*, трансформировав риторику власти в доверительный, адресный, по типу *every day conversational English* дискурс.

С изобретением радио в Соединенных Штатах открылась возможность нового стиля президентского руководства: с одной стороны, более диалогичного и динамичного, с другой – более гибкого (учитывающего ожидания групп принадлежности) и персонифицированного. Примером подобного рода персонификации можно с полным правом считать риторику Ф.Д. Рузвельта в «беседах у камина». Его радиообращения к нации создавали впечатление импровизированных, полуофициальных диалогов, хотя все – от первого до последнего слова (включая интонации голоса и смысловые паузы) – было многократно заранее отрепетировано.

2. Именно телевидение создало дискурс *Джона Кеннеди* и образ той власти, которую Кеннеди выражал: эмоциональную, харизматичную, персонифицированную, но при этом инициировавшую эру политических симулякров.

Его риторический дар был настолько ярким, что он никогда не уклонялся от возможности публичного выступления и сам искал повод для осуществления этой возможности, будучи уверенным, что речь, не имеющая прецедента, – это речь, о которой нельзя судить по прецеденту. Именно Кеннеди инициировал и внедрил средствами телевидения *полусимволическое направление «риторика ни о чем»*, рассматривая публичный президентский медиадискурс в качестве приоритетного средства президентской коммуникации, а значит, и президентского правления. При этом ПД Кеннеди носил предельно симулятивный характер.

Чем чаще обращается президент к нации, чем более публичный характер носит его риторика, тем в большей степени он сам воспринимается как носитель некоторого оценочного смысла, посредством которого общество интерпретирует окружающий мир. Публичная актуализация Кеннеди своего видения мира как мира, погруженного в кризис (из 16-ти провозглашенных им кризисов лишь три имели под собой экономические или политические основания) – не более чем симуляция, которая интерпретировалась социумом как реальность. Аналогичной симуляцией был образ сконструированной Сталиным «реальности», населенной врагами и шпионами, который навязывал целому народу жизнь в атмосфере подозрительности и страха.

3. И наконец. Именно Интернет породил особый дискурс современных президентов, язык которых во многом напоминает язык именно этого средства коммуникации.

Твиттер-президент – так называют *Дональда Трампа*, и твиттер в данном случае – отнюдь не канал, а то, что формирует язык и сам образ 45-го по счету президента Америки. В качестве основных характеристик *твиттер-языка Трампа* можно привести:

а) *субъективно-оценочные прилагательные* (smart, shrewd, tough, cunning, brilliant) и глаголы (to disrespect, to mock (осмеять), to rip off (обкрадывать) и т. д.).

б) *гиперболы* – сам Трамп называет гиперболу «truthful hyperbole» или «an effective form of promotion» (Great Wall – о стене, которую он хотел бы возвести между США и Мексикой или: «исламский терроризм должен быть полностью стерт с лица земли»).

в) *экспрессивный синтаксис*, который придает всем высказываниям Трампа отрывистый резкий характер (They are bringing drugs. They are criminals. They are rapists).

г) *умолчание (apocriphesa)*, когда Трамп намеренно подчеркивает то, что хочет скрыть (I was going to say dummy (тупой) Bush, but I won't say it).

Он использует это риторическое средство, если на словах отказываясь критиковать того или иного политического лидера, он, тем не менее как бы проговаривается и высказывает свое крайне негативное мнение о нем.

Все четыре характеристики свойственны не только риторике Трампа, но и политической риторике (помещенной в медиасреду) в целом. Таким образом, дискурс Трампа – не что иное, как заточенный под медиа одновременно симулятивно виртуальный дискурс. Логика именно такого – симулятивного и одновременно виртуального – дискурса создает видимость (образ) власти, умалчивая при этом, какими реальными характеристиками обладает (если обладает) реально действующая власть. Медиа в этом случае не просто опосредует ПД, но структурирует (создает) его, заставляя действовать по своим законам. Оговоримся, что об эффекте симуляции реальности, «помещенной» в медиа пространство, писал Н. Луман в своих «Самоописаниях»: «Того, что возникает качестве результата реальной деятельности массмедиа... достаточно самого по себе. Поэтому имеет мало смысла, отражают ли масс медиа наличную реальность искаженно и как они ее искажают: они генерируют описание реальности, конструкцию мира, и это и есть реальность, на которую ориентируется общество»².

Чтобы подтвердить правомерность исследований о влиянии медиа не только на политическую риторическую, но и на сетевую коммуникацию, автор попыталась проанализировать язык, которым пользуются наши студенты в соцсетях, в частности в ФБ и снова пришла к выводу, что сама площадка медиа диктует им и язык взаимодействия – отрывистый, лаконичный, интерпретативно богатый, ироничный до ерничества, когда за краткостью высказывания стоит предельная широта толкования. Получается, что узнавание «своего» происходит сначала в локусе ФБ, Вконтакте, ОК (т. е. место определяет), и только после этого в рамках используемых содержаний и смыслов.

В связи с вышесказанным становится очевидным, что сама сложная противоречивая природа медиaprостранства диктует свои законы его исследования, углубляя и верифицируя медиа-дискурс (и медиа ПД в частности).

То или иное средство распространения идей, заложенных в ПД, определяет характер их содержательного наполнения и языкового оформления. Другими словами, само средство тиражирования (печать, радио, телевидение, интернет) в конечном счете опосредует политическое сознание, порождающее ту или иную политическую идею.

---

¹ *Фадеев А.В.* Образ политической власти в массовом сознании россиян на рубеже XX-XXI вв. Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2004. С. 5.

² *Луман Н.* Самоописания. М., 2009. С. 252.

От голкипера к вратарю: конкуренция англо- и русскоязычной футбольной лексики в досоветской, советской и постсоветской России

Н.Т. Валеева

Российский государственный
гуманитарный университет,
г. Москва

Аннотация. Цель статьи – исследовать и обосновать изменение соотношения англо- и русскоязычной футбольной лексики в русскоязычных письменных текстах со времени появления футбола в России и до настоящего времени. Рассматривается происхождение некоторых футбольных терминов в русском и других европейских языках. Приводятся статистические данные и иллюстративный языковой материал.

Ключевые слова: футбольная лексика, заимствованная лексика, исконная лексика, картина мира, лингвистические и экстралингвистические факторы

С футбольной терминологией в европейских языках, и в русском в том числе, связано несколько интересных с лингвистической точки зрения моментов.

В XX в. английский язык становится языком международного общения, что, в частности, приводит к активному заимствованию его элементов всеми языками цивилизованного мира. Однако, как это ни парадоксально, лексику, связанную с футболом, – английской игрой, именно в XX в. буквально покорившей весь мир, – многие языки, включая и русский, предпочли генерировать свою. Самый сильный пример – это, конечно, итальянский язык, который не заимствовал даже само слово *football*, а использует для новой заморской игры название традиционной итальянской, но отчасти похожей *calcio*.

Другие языки *football* заимствовали, но уже названия игроков создали сами. При этом часто даже не способом калькирования: если в английских названиях концептуализируется идея

пространственного расположения игроков, то, например, в русских – их функции на игровом поле, а также тоже очень распространенная спортивная идея защиты и нападения. И это *второй* любопытный момент, связанный с футбольной терминологией.

Русский язык в части названий игроков демонстрирует нам большое разнообразие моделей и изобретательность.

Вратарь – слово церковнославянского происхождения, что совершенно очевидно и из неполногласного *-ра-* в противовес русскому *-оро-* (*врата – ворота*), и из характерного суффикса *-арь*. На Руси это слово довольно рано вышло из употребления, но и в лучшие времена вряд ли было очень употребительным, потому что имело узкую сферу: называло привратника у монастырских ворот или у дверей церкви, который мог заведовать ключами или следить, чтобы люди неподобающего вида не проникали внутрь. Таким же архаичным словом *totwort*, калькой с которого и считается *вратарь*, заменил английского *goalkeeper* немецкий язык. При этом за исключением архаичности во всех трех языках внутренняя форма термина более или менее совпадает. И, конечно, вратари есть не только в футболе, но и в хоккее и некоторых других спортивных играх.

Нападающий – субстантивированное причастие, тоже церковнославянское по происхождению, как и все причастия с суффиксом *-ущ-(-ющ-)*. И если английское *forward* – это просто ‘передний’, то в русском названии воплощается идея роли, функции данного игрока, о чем говорилось выше.

Защитник – исконно-русское слово, конечно, тоже существовавшее в языке задолго до появления футбола. И, как и предыдущее, не равное английскому прототипу по значению. *Back*, “задний”, – антонимическая пара к *forward*, так же, как наш *защитник* к *нападающему*. Здесь находит воплощение метафора спортивной игры как сражения, а возможно, и наш милитаристский дух, который то там то сям проявляется в языке и культуре.

Полузащитник – единственное специально созданное футбольное слово, и очень интересное, во-первых, потому что является полукалькой, что встречается довольно редко, а во-вторых, потому что калькирует не первое и официальное английское название соответствующего игрока *midfielder*, а его жаргонный синоним *halfback*. В целом же в европейских языках картина такая:

Английский язык	goalkeeper	forward	back	midfielder/ halfback
Русский язык	вратарь	нападающий	защитник	полузащитник
Испанский язык	portero/ arquero ¹	delantero	defensa	centrocampista/ medio
Итальянский язык	portiere	attacante	difensore	centrocampista/ mediano
Немецкий язык	totwort	stürmer	abwehrspieler	mittelfeldspieler
Французский язык	gardien de but	avant	defenseur	demi

Мы видим, что хотя круг стратегий именования игроков, безусловно, конечен, логика у каждого языка все-таки своя. По-видимому, она соответствует картине мира его носителей и отчасти национальным традициям спортивного именования, но очень примечательно, что, как уже было сказано, никто в вопросах футбола не подходит к делу механически, он переживается и осмысливается не как экзотическая забава, а как что-то очень важное и свое.

Впрочем, английские футбольные термины другими языками тоже не игнорируются и, как правило, используются параллельно с национальными. В какой пропорции – это может зависеть от целого ряда лингвистических и экстралингвистических факторов. В частности, *специфической чертой русской футбольной лексики* стало то, что она, как и другие тематические пласты, очень активно реагировала на политическую обстановку в стране. И двумя поворотными событиями для нее оказались борьба с космополитизмом и распад СССР. Однако все по порядку.²

Футбол в Россию был завезен англичанами – прежде всего специалистами, работавшими на русских фабриках, заводах и мануфактурах, ну и, конечно, моряками – в конце XIX в. Первым упоминанием о нем в прессе (а до 30-х годов XX в. основной письменный источник языкового материала в области футбола – это именно пресса; далее появляется еще художественная и документальная, прежде всего мемуарная, литература) считается следующая заметка в газете «Петербургские новости» (1893):

«В антракте публику развлекали господа спортсмены, играющие в мяч (football) по программе. Суть игры состоит в том, что партия играющих старается загнать шар, – подбрасывая ногой, головой, чем угодно, только не руками, – в ворота противной партии. Площадь для игры была сплошь покрыта грязью. Господа спортсмены в белых костюмах бегали по грязи, шлепаясь в грязь, и вскоре превратились в трубочистов. В публике стоял несмолкаемый смех. Игра закончилась победой одной партии над другой».

Мы видим, что автор, с одной стороны, использует вполне актуальные *ворота*, а с другой – *программу* вместо *правил*, *партии* вместо *команд* и даже *шар* вместо *мяча*. Можно ли на этом основании делать однозначный вывод об отсутствии на тот момент устоявшейся русской футбольной терминологии? Конечно, нет, однако, если она и существовала, то очевидным образом не была настолько общеизвестна, как сейчас. Регулярно же в текстах, по данным информационно-справочной системы «Национальный корпус русского языка»³ (далее – НКРЯ), русские футбольные термины параллельно с английскими начинают встречаться с 1912 г. И вплоть до 40-х годов их существование кажется абсолютно равноправным. Приведенный ниже фрагмент из очерка И. Ильфа и Е. Петрова «Честное сердце болельщика» (1933) в этом смысле является вполне типичным: «Забыв английские улады крикета, возбужденно подсакивают на своей трибуне люди с серьезными бородаками. Они плохо разбираются в футболе (не тот возраст, да и молодость прошла за преферансом по четверть копейки), но, оказывается, они тоже не чужды веяниям эпохи, они тоже волнуются и кричат противными городскими голосами: «Корнер! Корнер!», в то время как корнера в помине нет, а судья назначает штрафной одиннадцатиметровый удар»⁴.

На тот момент *корнер* уже имеет русский аналог *угловой удар*, а *штрафной одиннадцатиметровый удар* – это *пенальти*, однако использовать ли заимствованный термин или национальный – вопрос совершенно не принципиальный, они сплошь и рядом встречаются вперемешку.

Ситуация в корне меняется в конце 40-х годов, когда на волне борьбы с космополитизмом английские термины из текстов футбольной тематики исчезают напрочь, что, понятно, было отнюдь не спортивной победой русского языка, а целенаправленной и насильственной мерой в отношении него. Язык сопротивлялся, и

первым уже в 1954 г. в письменные тексты возвращается *гол*, а за ним потихоньку и другие заимствованные термины. Однако инерция разгрома настолько сильна, что ни в 70-е, ни в 80-е, когда это перестает быть опасным, ни даже в начале 90-х, когда становится трендовым и даже поощряется, ни о каком статистическом равноправии, а тем более преобладании английской футбольной лексики говорить не приходится. Ее шквалообразное возвращение в русскоязычные тексты начинается только с 1998 г. но и до сих пор в целом более употребительной остается все же лексика национальная. Проиллюстрируем это данными НКРЯ на примере пары *вратарь* – *голкипер*:

	Первое употребление	Количество употреблений до 1940 г.	Количество употреблений с 1998 г. по наст. время
голкипер	1907 г.	53	40
вратарь	1912 г.	11	140

По разным терминам ситуация, конечно, несколько отличается, но общая картина такова: до 40-х гг. прошлого века национальная терминология постепенно набирает силу, однако является минимум в 2–3 раза менее частотной. После 1998 г. положение дел становится зеркальным.

¹ Термин *arquero* используется в некоторых латиноамериканских странах.

² Сведения по истории футбола в России главным образом почерпнуты из: Малов В.И. Тайны советского футбола. Электронная библиотека «ЛитМир» [Электронный ресурс]. М., 2008. URL: <http://litmir.me/> (дата обращения: 15.10.2018).

³ URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.10.2018).

⁴ Ильф И.А., Петров Е.П. Честное сердце болельщика // Электронная библиотека «Викитека» [Электронный ресурс]. М., 1961. URL: <http://ru.m.wikisource.org/> (дата обращения: 15.10.2018).

Имя Александр в русской династической истории и культуре XVIII–XIX вв.

Е.В. Пчелов

Российский государственный
гуманитарный университет,
г. Москва

***Аннотация.** В статье рассматривается история имени Александр в русской династической истории начиная с конца XVIII в. До рождения Александра I это имя не было популярным у династии Романовых, хотя в боярском роде Романовых оно изредка и встречалось. Первый случай использования имени в царской династии связан с принципом семантической парности, воплотившимся в имена старших сыновей Петра I – Алексей и Александр. Позднее, уже в первой четверти XVIII в. имя Александр, отсылавшее к Александру Невскому, вошло в актуальную мифологию новой российской столицы – Петербурга. Для Екатерины II, выбравшей имя своему внуку, значима была не только ориентация на традицию Петра Великого, но и отсылка к античному образу Александра Македонского. Благодаря популярности императора Александра I и родственным связям Романовых имя Александр получило большое распространение как в Российской императорской фамилии, так и во многих европейских династиях, где существует и до сих пор. Это же имя повлияло на русскую антропонимию и топонимию не только России, но и зарубежных стран.*

***Ключевые слова:** антропонимика, история династии Романовых, русская культура*

Имя «Александр» не относилось к числу популярных династических имен в средневековой Руси¹. Сравнительно редким оно было и в родах русской аристократии. У Романовых это имя носил младший брат Федора Никитича Романова (патриарха Филарета) – Александр Никитич. Он упоминается на службе с 1585 г., в 1598 г. стал боярином, но в 1601 г. по делу Романовых был сослан в Усолье-Луду (ныне Архангельская область), где вскоре и погиб. Его вторая жена, Ульяна Семеновна Погожева, умерла в 1624 г.²

Встречаются Александры и среди других потомков Андрея Ивановича Кобылы, общего предка Романовых и нескольких русских дворянских родов. Так, это имя носил второй сын Андрея Кобылы, Александр Елко, родоначальник Колычевых и Неплюевых, и оно изредка прослеживается у его потомков. Александром звали одного из сыновей старшего сына Андрея Кобылы, Семена Жеребца (Александр Синий), среди потомков другого сына Семена, Григория Лодыгина, оно также встречается. Наконец, одного из сыновей Федора Кошки, непосредственного предка Романовых и младшего сына Андрея Кобылы, звали Александр Беззубец, внуком же последнего был Александр Константинович Сова³. Однако в целом это имя уступает по популярности другим именам, таким, как Иван, Василий, Андрей или Федор.

Вновь у Романовых, после большого перерыва, оно появляется только в самом конце XVII в. Александром звали второго сына Петра I и Евдокии Лопухиной, который родился 3 октября 1691 г. (скончался 13 мая 1692 г.), а его именины приходились на 23 ноября (тезоименным святым был благоверный князь Александр Невский). Разница между днем рождения и днем именин царевича составляла 51 день, поэтому невозможно думать, что выбор имени мог быть обусловлен хронологическими причинами. Равно как и династические причины (наследственный характер имени) также не играли здесь никакой роли. Имя появилось благодаря тому, что старшего сына Петра и Евдокии, родившегося в феврале 1690 г., назвали Алексеем (в честь деда, царя Алексея Михайловича). Имена «Алексей» и «Александр» образовывали аллитерированную и семантически близкую пару, начинаясь с одинаковых слогов (Алексей и Александр) и имея схожее значение (от греч. «защитник»)⁴. Подобная аллитерация была характерна, например, и для мирских и иноческих имен, совпадавших порой буквально лишь по первым, начальным буквам. Таким образом, сходство имени «Александр» с именем «Алексей» (которое было как раз родовым) обусловило актуализацию первого в семье Петра I. Однако довольно скоро оно было из актуального контекста царского именованного вытеснено в силу ранней смерти своего носителя.

Тем не менее имя «Александр» вновь приобрело актуальность в связи с основанием Петербурга и формированием символической семантики этого города. Основанная в устье Невы новая столица России оказалась расположенной неподалеку от того места, где

в 1240 г. произошла Невская битва, закончившаяся разгромом шведского войска. Сопоставление событий XIII в. с современными Петру придавало символический смысл этому месту, и св. Александр Невский становился одним из важнейших покровителей нового города (наряду с апостолами Петром и Павлом, св. Исаакием Далматским и др.)⁵. По замыслу Петра I в 1710 г. под Петербургом был основан Александро-Невский монастырь, который, кстати, стал некрополем царской фамилии и в первое время, по-видимому, выполнял роль главного некрополя, пока эта функция не перешла к некрополю Петропавловского собора. Именно сюда 30 августа 1724 г. из Богородице-Рождественского монастыря во Владимире были торжественно перенесены мощи Александра Невского. Для них, уже при Елизавете Петровне, всячески подчеркивавшей свою преемственность от Петра, была сделана роскошная серебряная рака (1750–1753 гг., проект Г.-Х. Гроота и Я. Штелина, тексты на раке М.В. Ломоносова), ныне являющаяся одним из шедевров Эрмитажа. По замыслу Петра I был также основан третий российский орден – орден Св. Александра Невского, который был учрежден Екатериной I 21 мая 1725 г. Создание ордена, разумеется, было сопряжено с перенесением мощей.

Тем не менее на протяжении нескольких десятилетий в мужском потомстве Петра Великого имя Александр не встречалось, а лидировало имя Петр (и соотносимое с ним имя Павел). Вновь в династии Романовых Александр появился в 1777 г. 12 декабря родился первый внук Екатерины II, названный Александром (император Александр I Павлович). Святым покровителем Великого князя был Александр Невский (тезоименитство 30 августа). Но Екатерина подразумевала и имя другого исторического героя – Александра Македонского. «Вы говорите, – писала императрица барону Ф.-М. Гримму, – что ему предстоит выбрать, кому подражать: герою (*Александр Македонскому*) или святому (*Александру Невскому*). Вы, по-видимому, не знаете, что наш святой был героем. Он был мужественным воином, твердым правителем и ловким политиком и превосходил всех остальных удельных князей, своих современников... Итак, я согласна, что у господина Александра есть лишь один выбор, и от его личных дарований зависит, на какую он вступит стезю – святости или героизма»⁶. Тем самым, уже выбором имени Екатерина предрекала внуку великое будущее и готовила его к

монаршему званию, чему должно было способствовать, по ее мнению, прежде всего военизированное и ориентирующееся на античные образцы воспитание. Вряд ли будет преувеличением считать, что внимание Екатерины к имени и фигуре Александра Невского полностью вписывается в контекст ее символического подражания Петру Великому. Однако образ Александра Невского вряд ли был бы столь актуальным, если бы не его сопряжение с образом другого героя – Александра Македонского. Здесь мы сталкиваемся скорее с личными пристрастиями Екатерины, которая любила сравнивать себя с Александром Македонским, подчеркивая даже сходство в профиле. Военизированный образ Екатерины в образе Минервы также, до некоторой степени, отсылал к античному герою. Интересен подарок Екатерины своему внуку – сабля, рукоять которой украшена геммами с изображениями императора Августа (на лицевой стороне) и Александра Македонского (на оборотной). Это символическое сочетание должно было послужить хорошим предзнаменованием для будущего государя. Символизм имен двух старших внуков Екатерины, Александра и Константина, великолепно передан на известном их парном портрете кисти Ричарда Бромптона (1781 г., коллекция Эрмитажа) – маленький Александр здесь, подобно своему великому предшественнику и тезке, разрубает Гордиев узел, в то время как Константин держит лабарум Константина Великого.

После двух сыновей у великокняжеской четы Павла и Марии Федоровны родились две дочери: Александра (1783–1801) и Елена (1784–1803). Нет никакого сомнения, что их имена были женскими парами к именам братьев. В случае Александры это была просто женская форма имени «Александр». Екатерина писала Гримму: «Моя заздравная книжка на днях умножилась барышней, которую в честь ее старшего брата назвали Александрой». В 1799 г. она вышла замуж за австрийского эрцгерцога Иосифа, брата императора Франца II, однако через полтора года скончалась от послеродовой горячки. Ее святой покровительницей была царица Александра, которая согласно агиографии считалась женой императора Диоклетиана. С тех пор все мужчины Александры императорской фамилии имели в качестве тезоименных святых Александра Невского, а все женщины Александры – Александру Римскую.

В 1817 г. состоялся брак великого князя Николая Павловича (будущего императора Николая I) и прусской принцессы Шарлотты (Фредерики-Луизы-Шарлотты-Вильгельмины), которая при принятии православия стала Александрой Федоровной (1798–1860). Имя «Александра», безусловно, появилось как соответствие имени царствовавшего тогда старшего брата Николая, Александра I. Отчество «Федоровна» не только перекликалось с отчеством матери Николая Марии Федоровны, но и напоминало об имени отца невесты – прусского короля Фридриха-Вильгельма III. В честь императрицы была названа императорская дача в Петергофе Александрия, где была возведена Готическая капелла, посвященная, кстати, Александру Невскому.

Своих четырех сыновей Николай I назвал точно так же и в той же последовательности, как это было и у четырех сыновей Павла I: Александр (1818–1881), Константин (1827–1892), Николай (1831–1891) и Михаил (1832–1909). Аналогичными были и дни тезоименитств: Александр Невский, Константин Великий и Архистратиг Михаил (за исключением Николая Николаевича). Александр II, рожденный в период правления Александра I, причем во время его наивысшего триумфа, как спасителя Европы от Наполеона, получил свое имя, конечно же, в честь царствующего императора. Более того, Александр I был и его крестным отцом.

Александрой звали и третью дочь Николая Павловича и Александры Федоровны. Она родилась 24 июня 1825 г., и ее имя повторяло имя матери. Точно также святой покровительницей Великой княжны являлась царица Александра. Судьба Александры Николаевны (в семье ее звали Адини) сложилась столь же печально, как и ее рано умершей тети, Александры Павловны. Великая княжна в январе 1844 г. вышла замуж за гессен-кассельского принца, но уже в августе скончалась от туберкулеза после преждевременных родов (ребенок также умер). Покровительство царицы Александры визуально даже отразилось в живописи – на картине К.П. Брюллова «Святая царица Александра, вознесенная на небо», написанной после смерти Александры Николаевны в 1845 г. (Царское Село), художник, как известно, придал святой черты умершей.

Далее в четырех ветвях сыновей Николая I соблюдалась следующая система имянаречения: старшие внуки именовались Николаями (по деду), вторые внуки – именем отца. Именно так появился второй сын Александра II Александр Александрович

(будущий Александр III) (1845–1894). Таким образом, на уровне антропонимии все четыре ветви Романовых демонстрировали родовое и династическое единство. Точно также второй сын Александра III, рано умерший Александр Александрович (1869–1870) носил все то же, традиционное для этой ветви Романовых, имя. Во всех случаях одним и тем же был и тезоименный святой – Александр Невский (именины 30 августа).

Тем не менее имя Александр было не только родовым, но и династическим, поскольку его носили царствующие государи. Так, в 1866 г. оно появилось и в младшей ветви романовского рода – у потомков Великого князя Михаила Николаевича. «Полчаса спустя забухали орудия, и специальное сообщение наместника оповестило взволнованных грузин, армян, татар и других народностей Тифлиса о том, что новорожденный великий князь будет наречен при крещении Александром в честь его царственного дяди – императора Александра II», – писал о себе внук Николая I Великий князь Александр Михайлович (1866–1933) в воспоминаниях⁷.

В 1894 г. приняла православие невеста наследника престола, Николая Александровича, гессенская принцесса Алиса. Ее именем стало Александра Федоровна. С одной стороны, имя отсылало к царствовавшему тогда императору Александру III. С другой, соответствовало одному из лютеранских имен невесты. Наконец, в-третьих, оно точно воспроизводило императорскую пару «Николай и Александра» через два поколения. Судьба второй императрицы Александры Федоровны, как известно, сложилась трагически.

Чрезвычайно любопытным кажется проследить историю имени Александр в европейских династиях, связанных родством с Романовыми. Среди династий немецкого мира это имя изредка встречалось в XVIII в., но своего подлинного триумфа оно достигло в XIX веке, во многом благодаря личности Александра I, пользовавшегося в Европе огромной популярностью. Предками нескольких европейских династий оказались дочери Павла I (и сестры Александра I соответственно). У каждой из них были дети, носившие имена, восходящие к именам «Павел» или «Александр». У Александры Павловны – дочь Александрина (1801 г. р.) Австрийская, у Елены Павловны – сын Пауль-Фридрих (1800 г. р.) Мекленбург-Шверинский, у Марии Павловны – сыновья Пауль-Александр (1805 г. р., ум. в детстве) и Карл-Александр (1818 г. р.)

Саксен-Веймар-Эйзенахские, у Екатерины Павловны – сын Павел-Александр (1810 г. р.) Шлезвиг-Гольштейн-Ольденбургский, у Анны Павловны – сыновья Виллем-Александр-Пауль (будущий король Виллем III, 1817 г. р.) и Александр (1818 г. р.) Оранские (Голландские). Затем эти имена встречались в данных европейских династиях и позже. Так, в королевской династии Нидерландов имя Александр носит и нынешний монарх – Виллем-Александр (1967 г. р.).

В 1803 г. имя Александрина, в честь своего крестного отца, Александра I, получила дочь прусского короля Фридриха-Вильгельма III и его супруги Луизы (больших друзей русского императора). Выйдя замуж за племянника Александра I, сына Елены Павловны Пауля-Фридриха, Александрина Прусская стала Великой герцогиней Мекленбург-Шверинской.

В 1818 г. назвал свою первую дочь Александриной принц, будущий герцог Саксен-Альтенбургский Иосиф (впоследствии королева Мария Ганноверская). Иосиф сражался в войсках VI коалиции против Наполеона, по-видимому, отсюда и его почитание Александра I. Имена Паулина и Александрина носили также четвертая дочь Иосифа, Елизавета (1826–1896), а затем и пятая дочь Иосифа, родившаяся в 1830 г. Она стала женой Великого князя Константина Николаевича (второго сына Николая I) – Великой княгиней Александрой Иосифовной. Ее дочь, Ольга Константиновна (1851–1926), стала королевой Эллинов и одну из своих дочерей назвала Александрой (Великая княгиня Александра Георгиевна, первая супруга младшего сына Александра II, Великого князя Павла Александровича). Один из сыновей же греческой королевы носил имя Константин (король Константин I), явно отсылавшее к деду, Великому князю Константину Николаевичу. Впоследствии в греческой королевской династии имя Александр носил сын Константина I, король Александр I (1893–1920), но это имя могло отсылать и к Александру Македонскому.

В 1819 г. в семье представителя британской королевской династии герцога Эдуарда Кентского родилась дочь, которую назвали Александриной-Викторией (будущая королева Великобритании Виктория). Свое первое имя она получила в честь Александра I, а второе было именем ее матери – Виктории Саксен-Кобург-Заалфельдской. Сестра Виктории старшей, Юлиана, была женой великого князя Константина Павловича (Великая княгиня Анна Федоровна), таким образом будущая королева Виктория приходилась

племянницей российской Великой княгине (а значит, и в какой-то степени племянницей самому Александру I).

В 1844 г. Александрой назвали свою дочь датский король Кристиан IX и королева Луиза. Это имя в датской династии появилось благодаря памяти о незадолго до этого умершей Адини (Александр Николаевна). Александра Николаевна была женой Фридриха-Вильгельма Гессен-Кассельского, родного брата королевы Луизы (урожденной принцессы Гессен-Кассельской). Александра Датская родилась спустя почти четыре месяца после смерти своей тети Адини. Позднее Александра вышла замуж за старшего сына королевы Виктории, который стал королем Великобритании под именем Эдуарда VII, а сама Александра стала королевой. Ее внук, через дочь Мод, принц Александр Датский стал в 1957 г. норвежским королем с именем Улаф V (1903–1991), а правнучка, нынешняя королева Великобритании Елизавета II, носит второе имя Александра в память о своей прабабушке (а через нее это имя в конечном итоге восходит все к тому же Александру I).

Сестра Великого князя Александра Михайловича, Анастасия Михайловна (1860–1922) вышла замуж за Великого герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха-Франца III. Старшую дочь от этого брака, родившуюся в 1879 г., назвали Александрина-Августа. Вряд ли можно сомневаться, что на ее имянаречение повлияло русское происхождение матери. Как бы то ни было, впоследствии Александрина стала королевой Дании – женой датского короля Кристиана X. Ее внучка, нынешняя королева Дании Маргарита (Маргрете) II носит имена Маргрете Александрина Торхильдур Ингрид.

Итак, имя Александр, благодаря династическим связям и авторитету Российского императорского дома, получило широкое распространение в европейских династиях, и три нынешних монарха, королевы Великобритании и Дании и король Нидерландов, носят имена, восходящие в конечном итоге к имени русского государя Александра I.

Среди европейских династий имя Александр оказалось популярным и в династии сербских правителей Карагеоргиевичей. Однако своим появлением оно обязано принципу «семантической парности» – сына основателя рода, Карагеоргия, носили имена Алексей и Александр (подобно старшим сыновьям Петра I).

Императорское имя нашло воплощение и в других антропонимах, не говоря уже о топонимах. Так, внебрачный сын Великого князя Константина Павловича от французки Жозефины Фридрихс, родившийся в 1808 г., получил по имени крестного отца, которым был его дядя Александр I, фамилию Александров (генерал-лейтенант Павел Константинович Александров). Ту же фамилию получила в 1816 г. при пожаловании российского дворянства и его мать.

В память об Александре I в 1826 г. была названа русская колония Александровка в Потсдаме. В 1834 г. по проекту О. Монферрана на дворцовой площади в Петербурге был возведен грандиозный монумент императору, получивший неофициальное название Александровская колонна (или в интерпретации Пушкина Александрийский столп). Имя Александр вошло в геммонимию – в 1834 г. в честь наследника престола Александра Николаевича, Нильсом Норденшельдом был назван минерал Александрит. Не говорю уже о многочисленных храмах Александра Невского, отсылавших, разумеется, к правящим императорам и основанных как в России, так и за рубежом. Из зарубежных особенно примечательны церкви Св. Александра Невского в Париже (1861 г.), Копенгагене (1881 г.), Софии (храм-памятник, 1882–1912 гг.) и Варшаве (1894–1912 гг.). Грандиозный собор Александра Невского в Москве, основанный в ознаменование 50-летия важнейшей реформы Александра II, отмены крепостного права, так и не был достроен.

---

¹ Об истории имени Александр в целом см. обзор: *Молчанов А.А.* АЛЕКСАНДР: знаковое имя в династической и культурной традиции // *Именослов. Заметки по исторической семантике имени.* М., 2003. С. 103–111.

² Сборник материалов по истории предков царя Михаила Феодоровича Романова / Сост. Н.Н. Селифонтов. Ч. 1. СПб., 1901. С. 291–292.

³ *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 177–180.

⁴ См. подробнее: *Пчелов Е.В.* Антропонимия династии Романовых: основные тенденции и закономерности // *Именослов. Историческая семантика имени.* Вып. 2. М., 2007. С. 311–312.

⁵ Подробнее см.: *Шенк Ф.Б.* Александр Невский в русской культурной памяти. М., 2007. С. 130–145.

⁶ Подробнее см.: *Пчелов Е.В.* Антропонимия императорской семьи в эпоху Екатерины Великой // *Е.Р. Дашкова и XVIII век: От Российской империи к современной цивилизации.* М., 2010. С. 245–247.

⁷ Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М., 1999. С. 17.

Образы женщины в диахронии и в межъязыковых сопоставлениях (по лексикографическим источникам)

Л.Л. Федорова

Российский государственный
гуманитарный университет,
г. Москва

С.А. Яковлева

Национальный автономный
университет Мексики,
г. Мехико

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию представлений о стереотипе женщины, складывавшемся в национальных культурах и нашедшем отражение в словарных материалах русского, французского и испанского языков XVII–XXI вв. Цель статьи – с одной стороны, показать, как развивался культурно-языковой образ женщины (*femme, mujer*), с другой – попытаться обнаружить сходения и расхождения в стереотипных образах в разных языках. В фокусе внимания – формирование стереотипа «женскости» в разных его аспектах: биологическом, психологическом, социальном, этическом. В целом анализ соответствует схеме когнитивной дефиниции понятия, предложенной в работах Е. Бартминьского.*

***Ключевые слова:** историческая лексикография, стереотип женщины в русских, французских, испанских словарях, когнитивная дефиниция*

Цель статьи – рассмотреть изменения лексикографических представлений образа женщины (*femme, mujer*) в русских, испанских и французских словарях XVII–XXI вв. в их сопоставлении.

Основными источниками анализа послужили толковые словари: академические русские, испанские, французские и их предшественники.

Сравнение статей академических словарей европейских языков позволяет проследить параллели или несходения в развитии значений ключевых лексем

1. Словарные образы женщины в XVII–XIX вв.

1.1. Русские определения

Словарь Академии Российской (САР 1789–1794) составлен по гнездовому принципу; *женщина* определяется в нем как производное от более общего понятия ЖЕНА, у которого отмечены два значения.

ЖЕНА 1) то же, что *женщина*, но употребляется в высоком слоге; *О слава жень во свѣтѣ славных*. М.Л. 2) Особенно из женского полу называется так каждая по отношению к мужу, с коим в супружестве находится: иначе *Супруга. Взять за себя жену. Жена его женщина добродѣтельная, набожная*. <...> *У него всегда брань с женою*.

Женщина – называется всякая находящаяся или бывшая в замужестве. Честная, добрая, порядочная, пожилая, замужняя женщина. Женщина скромностию и стыдливостию должна отличаться (САР 1790)¹.

Интересны примеры-иллюстрации: они отражают как прототипические образы, так и идеальные примеры. В них отмечены добродетельность, набожность, скромность и стыдливость как желательные качества, однако и брань с женой тоже присутствует. Пример «славные жены» у М. Ломоносова из «Оды на прибытие императрицы Елизаветы в Петербург» (1742) показывает, что уже в первой половине XVIII в. слово *жена* в значении «женщина» осознавалось как высокое, книжное, достойное императрицы и вполне уместное в поэзии.

Современный исторический Словарь русского языка XVIII в. дает для второго значения и синонимы его: *супруга, супружница*².

Важно отметить, однако, что основное, первое, значение, сохранившееся только в высоком стиле, перешло к производному *женщина*.

САР, первый русский академический толковый словарь, в принципах своей организации ориентировался на более ранние словари Французской академии.

1.2. Французские определения

Первый Французский академический словарь *Dictionnaire de L'Académie française*, 1st Edition (DAF 1694) дает два значения для слова-понятия **FEMME**:

1) **La femelle de l'homme** «самка человека». <...>

2) **Celle qui est, ou qui a esté mariée.** Et en ce sens il est opposé à Fille 'Та, которая пребывает или была замужем. В этом смысле противоположно девушке'. <...> (DAF 1694: 443)³.

В иллюстрациях отмечается, что «женщины по природе робкие существа»; появляется образ «распутные женщины». В устойчивых оборотах фиксируются некоторые типичные профессиональные статусы женщины: *femme de chambre* «горничная», *femme de charge* «ключница», *sage-femme* «акушерка».

Интересны поговорки и поговорки. *Chego хочет женщина, того хочет Бог* – с пояснением о том, что женщины, когда чего-то хотят, желают этого весьма сильно. Когда наблюдают одновременно дождь и солнце, говорят: *Дьявол бьет свою жену* (DAF 1694: 443).

В 6-м издании Словаря DAF (1832-5) два значения обобщаются в одно и добавляется другое значение как эпизодическое и более узкое:

FEMME. s. f. <...> **La femelle, la compagne de l'homme** «женское существо, спутница мужчины» <...>

FEMME se dit quelquefois, dans un sens plus restreint, et familièrement, de **Celle qui est nubile.** «Иногда говорится фамильярно в более узком смысле: достигшая брачного возраста». *La voilà bientôt femme.* «Вот уж скоро она станет женщиной» (DAF 1832-5: 1: 741)⁴.

В примерах добавляются женский каприз (*un caprice de femme*), определения – хорошенькая, красивая, кокетливая, появляется образ «une grande femme» – «благородная дама», отмечаются новые профессиональные роли: женщина-автор, женщина-художник, женщина-поэт; появляется устойчивый образ *bonne femme* – букв. «добрая женщина», «простолюдинка», который больше соответствует русским «бабушка», «тетушка» в разговорном употреблении: *contes de bonne femme* «бабушкины сказки». В устойчивом разговорном выражении *Elle est (bien) femme* «она (вполне себе) женщина» (ср. Женщина есть женщина) подразумеваются склонности, слабости и недостатки, присущие женскому полу. Среди устойчивых обозначений по роду деятельности

появляются *Femme publique* «публичная женщина» и *Femme prostituée* «проститутка».

Для пословицы *Чего хочет женщина, того хочет Бог* уточнено толкование: «Женщины всегда страстно желают чего-то и обычно этого добиваются».

1.3. Испанские определения

Испанский *Diccionario de Autoridades* (DA 1734) – ранняя версия словаря Испанской королевской академии. Название словаря основано на корпусе авторитетных текстов начиная с XIII в. – исторических хроник, сводов законов, художественной прозы и поэзии, особенно богатых в XVII в. (Сервантес, Лопе де Вега, Кальдерон де ла Барка и др.).

Определение *MUGER*⁵ («женщина») соотносимо с определением *HOMBRE* – человека как разумного существа; впрочем, отмечается, что в Кастилии *hombre* обычно относится к мужчине. Для *MUGER* выделено три значения, причем 3-е – в устойчивом сочетании («домоправительница»).

MUGER. s. f. **1. Criatura racional del sexo femenino.** «разумное существо женского пола». <...>

2. “se entiende regularmente a **la que está casada con relación al marido**” «обыкновенно применяется к той, кто замужем, в ее отношении к мужу». <...>

3. MUGER DE SU CASA. «Хозяйка, домоправительница» (букв. «женщина своего дома»). «Та, кто имеет власть и расположение управлять и распоряжаться вещами, которые ей принадлежат, и заботится о своем жилище и семье с большим тщанием и прилежанием» (DA 1734)⁶.

Примеры к значению 1 содержат предписания о допустимых женских украшениях (в собрании законодательных текстов XVI в.) и упоминание об уважении к женской чести (в комедии Кальдерона «Орудия красоты»). Отмечено устойчивое выражение *ser muger* в значении «быть (стать) женщиной», т. е. достигнуть половой зрелости. Приводятся пословицы и поговорки: «*Сварливую жену ремнем наказывай*», «*Замужней женщине хватает мужа*», «*Жене и сороке рассказывай лишь то, что видишь на улице*» (т. е. не рассказывай секретов) и др.

Итак, суть определений женщины – представление о разумном существе женского пола в двух ролях: супруги и домоправительницы. Иллюстрации дополняют образ женщины как существа суетного, болтливового, но и упоминают о женской чести и добродетели.

Американский лингвист Илан Ставанс дополняет образ MUGER, обращаясь к первому испанскому словарю – «El Tesoro de la lengua castellana o española» (1611) ‘Сокровище языка кастильского, или испанского’ Себастьяна Коваррубиаса: <...> muger es “tormento de la casa, naufragio del hombre, embarazo del sosiego, cautiverio de la vida, daño continuo, disfrazado veneno y mal necesario”. «Женщина – это мучение для дома, кораблекрушение человека, помеха спокойствию, жизненная неволя, непрерывный вред, замаскированный яд и необходимое зло»⁷. Крайнее женоненавистничество, отмечает Ставанс, но в те времена женщина, по обыкновению, рассматривалась как низшее существо. И напоминает строки поэтессы конца XVII в. Хуаны Инес де ла Крус из ее «Редондилы против несправедливости мужчин в их суждениях о женщинах» (Приводим их перевод: «О, как вы к женщинам жестоки | за их приверженность к грехам!..| Но неужель не ясно вам, | откуда женские пороки? | Из женщин – символ суеты | не ваше ль делает искусство? | Но, разбудив в них злые чувства, | вы требуете доброты»⁸).

В 4-м издании Академического словаря (Diccionario de la lengua castellana compuesto por la Real Academia Española, 1803), в Приложениях⁹, появляется устойчивое выражение *Muger pública* «публичная женщина», а в 5-м издании (1817)¹⁰ приводятся многочисленные синонимы с этим значением с разной стилистической окраской. Кроме того, 5-е издание дает ряд пословиц и поговорок, более полно раскрывающих народные представления о женской сущности в глазах испанцев: «*Должно быть, дьявол научил женщину танцевать, а осла – орать*», «*Женщине и мулу нравятся красивые слова*», «*Виноградник и жену охранять мужчина должен*», «*Жену и курицу дальше соседского дома не отпускай – заблудится*», «*Болтливая жена не*

наткет много полотна», «Честная жена – хромая и сидит дома».

1.4. Обобщенные представления

Можно коротко обобщить европейские представления о женщине как предмете лексикографического описания, сложившиеся к середине XIX в.

Основные значения выделяются по отношению к ‘мужчине’:

Hombre, homme – 1. человек. 2. мужчина

Muger, femme – 1. самка человека => спутница мужчины

2. находящаяся или бывшая в замужестве

3. достигшая брачного возраста.

В испанском и французском для значений «женщина» и «жена» используется по одному слову. Оба производны от латинских: французское *femme* от *femina* «женщина вообще», испанское *muger* (*mujer*) от *mulinera* «зрелая женщина»¹¹. В русском языке значения 1 и 2 разведены к двум лексемам: *женщина* : *жена* = *мужчина* : *муж*, причем основное значение переходит к производным словам.

По роду деятельности во французском в устойчивых выражениях выделены «экономка» и «акушерка», в испанском «домоправительница», по статусу – во французском «простолюдинка», во всех языках «публичная женщина, проститутка».

В типичных примерах французские словари подмечают внешнюю красоту, привлекательность, кокетство, капризность женщины.

Нельзя не заметить, что образ женщины в народных представлениях сопряжен с образом дьявола, хотя его упоминание иронично и связывается скорее с яркими и привлекательными чертами женщины (ср. также *Муж и жена – одна сатана*), но при этом у французов бог на стороне женщины.

Испанские и французские образы во многом ориентируются на латинские, где, как отмечает В.Н. Топоров¹², уже было выработано основное представление о женщине как существе низшем, суетном и греховном, но в то же время сложился и параллельный идеальный образ женщины добродетельной, верной, достоинства которой выражены устойчивой формулой: *pudica, lanifica, domiseda* «цело-

мудренная, ткачиха, домоседка». Причем целомудрие понимается как верность жены мужу, единобрачие; повторный брак уже нарушает это требование. Топоров показывает, что подобные представления присутствуют и в славянской культурно-языковой традиции (ср. *Доброй жене домоседство не мука*), приводя параллельные этимологии, которые могут соответствовать древним индоевропейским представлениям о женщине-жене. Но обзор этих представлений выходит за рамки настоящей работы; здесь важно лишь подчеркнуть, что в словарях находят отражения образы женщины и как олицетворения пороков, и как образца добродетели.

2. Развитие значения в XIX–XXI вв.

2.1. Русские определения

Для русской лексикографии в XIX в. показательным является словарь В. Даля, в котором лексема *женщина* по-прежнему определяется не как самостоятельная единица словаря, а в числе производных слова *жена*:

Женá [мн. им. **жо́ны**, род. **жонъ**] ж. **вообще женщина, замужняя женщина; супруга, баба**. У боярина семь дочерей: будетъ изъ нихъ и смерть, и жена. Дѣвкою полна улица, женою полна печь.

Жѣнщина ж. лицо женскаго пола, противоп. *мужчина*; жена или жонка, не дѣвица. [*Публичная жѣнщина*, разгульная жѣнщина, жѣнщина легкаго поведѣнія, проститутка; см. *публичный, разгульный*]¹³.

И лишь в словаре Д.Н. Ушакова (1935–1940) слово *женщина* получает отдельную словарную характеристику:

ЖЕНЩИНА, женщины, ж. **1. Лицо, противоположное мужчине по полу. Женщины и мужчины в СССР пользуются одинаковыми правами. Женщина-врач.** || **Лицо женского пола, как типическое воплощение женского начала. С чуткостью женщины она оказала ему помощь как раз во-время.** **2. Взрослая, в противоп. девочке.** Вагон для женщин и детей. || Лицо женского пола, начавшее половую жизнь, в противоп. девушке. *Замужняя женщина. Она рано стала женщиной.* **3. Лицо женского пола легкого поведения, кокетка** (фам.). *Тратиться на женщин*¹⁴.

Здесь уже выделены три значения: первые два по биологическим признакам: пол, возраст, а 3-е – по социальному признаку, по которому сформировано «фамильярное» отрицательное значение. Но в подзначениях возникает и неопределенное «женское начало», которое иллюстрируется признаком «чуткости».

В конце XX в. отметим Семантический словарь под ред. Шведовой в 6 т. (1998), организованный по принципу тезауруса. В нем в разделе «Названия лиц» дана статья **ЖЕНЩИНА**, в ней выделены два значения:

1. Лицо, противоположное мужчине по полу, та, которая становится матерью, рождает детей и кормит их грудью.

Ж.-мать. Молодая, пожилая ж. Ж. в годах (пожилая; разг.). Журнал для женщины. В семье три женщины: мать и две дочери. Ж. в доме (т. е. хозяйка, женский присмотр). <...>

2. Лицо женского пола, вступившее в половые отношения. Она не девушка, а ж. <...>¹⁵.

Здесь мы видим подробную разработку биологических признаков, но нет упоминания о психологическом содержании «женского начала»; правда, приводится устойчивое выражение *Ищите женщину*, калька с французского, где оно появилось благодаря А. Дюма и подразумевает женщину как мотив или причину преступления. (Аналогичная статья присутствует и в Толковом словаре Шведовой, с выделением просторечного обращения *женщина* в отдельное значение¹⁶.) В другом разделе тезауруса, «Оценочные характеристики», имеются также статьи **Женщина легкового поведения** и **Уличная женщина**¹⁷.

Наконец, в Большом толковом словаре в XXI в. получают развитие и психологические признаки «женского начала»:

ЖЕНЩИНА, -ы; ж. 1. Лицо, противоположное по полу мужчине. *Молодая ж. Ж. средних лет. Замужняя ж. //*

Лицо женского пола как воплощение определенных свойств, качеств (изящества, нежности, доброты и т. п.). *Превращение ребенка в женщину. Выросла и превратилась в красивую женщину. В неловких движениях девочки все-таки угадывается будущая ж.* 2. Лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке. *Стать женщиной. Она девушка или уже ж.?*¹⁸

Перечень «женских» свойств здесь больше, чем в словаре Ушакова. Значение 2 уже переводит биологический признак в юридическую плоскость – видимо, ориентируясь на политкорректность. Исчезает значение 3 («женщина легкого поведения»).

2.2. Французские определения

Французский академический словарь 9-е издание (XXI в.) структурирует описание, вводя для значения 1 аспекты описания:

FEMME

1. Être humain défini par ses caractères sexuels, qui lui permettent de concevoir et de mettre au monde des enfants

«Человеческое существо, определяемое своими половыми признаками, которые позволяют зачать и произвести на свет детей»,

Qualifié par son aspect, son apparence, son comportement, etc. «Описываемое по внешнему виду, поведению и т. д.»

<...> «Хорошенькая женщина, красивая женщина. Молодая женщина, зрелая женщина. Очаровательная, элегантная, кокетливая женщина. Роковая женщина. <...> Свободная женщина».

Caractérisé par son état, sa profession, etc. «Характеризуемое статусом, профессией и т. д.» <...> «Незамужняя женщина, замужняя, вдова, разведенная. Содержанка.

Женщина, ведущая дурной образ жизни. Светская женщина. Простолюдинка, деревенская женщина. Домохозяйка. Женщина-литератор. Деловая женщина. Женщина-предприниматель. Женщина-педагог» <...>.

2. Épouse. «Супруга». «Взять жену, жениться». «Согласны ли вы стать моей женой? Это его вторая жена. Верная, неверная жена. Жена-прелюбодейка»¹⁹.

Здесь к биологической характеристике в определении добавляются в выделенных аспектах внешние физические и поведенческие признаки, а также социально-профессиональные роли. Что любопытно: выражение *Cherchez la femme* («Ищите женщину») во французском словаре не отмечено! (У французов оно не так популярно, как у русских.) К пословицам добавляется *Souvent femme varie, bien fol est qui s'y fie*, – рифмованная фраза Францис-

ка I из драмы «Король забавляется» В. Гюго ‘Женщина часто меняется, безумец тот, кто ей доверяется’²⁰.

2.3. Испанские определения

Современный испанский словарь *Diccionario de Lengua española* (XXII изд., 2001 г.) использует особую стратегию толкования, при которой слово *mujer*, получившее определение в значении 1, используется далее в этом значении для уточняющих толкований. Важно выделение значения 3 – ‘носительница особых женских качеств’. **MUJER**

1. **Persona del sexo femenino** ‘Особа (человек) женского пола’.

2. **mujer que ha llegado a la pubertad o la edad adulta** «Особа (женщина), достигшая половой зрелости или взрослого состояния».

3. **mujer que tiene las cualidades consideradas femeninas por excelencia** «Особа (женщина), обладающая качествами, которые считаются преимущественно женскими». *¡Esa sí que es una mujer!* <...> *Muy mujer.* «(Она-таки) настоящая женщина!»

4. **mujer que posee determinadas cualidades.** *Mujer de honor, de tesón, de valor.* «Особа (женщина), обладающая определенными качествами. *Женщина, обладающая честью, упорством, отвагой*».

5. *Esposa o pareja femenina habitual, con relación al otro miembro de la pareja* «Жена или обычная женская пара по отношению к другому члену пары»²¹.

Приводятся также устойчивые словосочетания, например *mujer de campo* «сельская женщина», *mujer de digo y hago* «женщина “сказано – сделано”», *mujer de letras* «женщина-литератор», а также обозначающие публичную женщину: *mujer de la calle, mujer del partido, mujer mundana, mujer pública*. И. Ставанс, ссылаясь на словарь Х. Короминаса²², приводит и ряд разговорных суффиксальных производных с подобным значением «потаскушка» (испанский язык отличается богатым набором суффиксов субъективной оценки).

Еще одно интересное наблюдение Ставанс черпает из словаря Марии Молинер (1962): слово *¡Mujer!* может использоваться как вокатив в фамильярных восклицаниях по от-

ношению к женщинам и девочкам, например: «¡*Mujer!* ... *Что ты говоришь!*», «... *Не говори такие вещи!*» и проч. (Заметим, что восклицание ¡*Hombre!* используется в испанском более широко – как междометие, выражающее различные эмоциональные реакции: от удивления до возмущения.)

Обобщая свои наблюдения, Ставанс считает, что современные словари ориентированы в прошлое и не учитывают современных тенденций. Вовсе не всех сейчас устраивает словарное определение женщины по признаку пола. Он обсуждал определение из DLE-2001 со студентами 18–22 лет Амхерст колледжа в Массачусетсе, и почти все его отвергли. Было предложено альтернативное определение: «Лицо, которое само отождествляет себя с женским полом». Аргументировали его тем, что сейчас признак пола понимается не только в биологическом, но и в культурном аспекте. Трансгендеры выбирают сами, к какому полу принадлежать; таким образом, пол оказывается социальной конструкцией²³.

За всем этим стоит определенное представление о сути «женского начала». Что значит быть или стать женщиной?

3. Суть «женского начала»

«Женскость» в общем смысле («настоящая женщина») выделяется в отдельном значении лишь в испанском словаре. Можно попытаться обобщить на основе рассмотренных словарных материалов, какие именно качества составляет суть «женского начала», которое пытаются определить словари. Попробуем сгруппировать их по аспектам.

Биологические

– противоположна мужчине по полу; та, которая способна стать матерью, рождает детей и кормит их грудью;

– противоположна девочке и девушке: взрослая.

Внешние физические и поведенческие – в типичных примерах: скромная; красивая, изящная, очаровательная; кокетливая, капризная, роковая.

Психологические – в типичных примерах отмечаются: чуткость, нежность, доброта, робость, стыдливость.

Этические и социальные – в своей противоположности: честная, порядочная, верная жена, женщина с честью vs продажная, распутная, женщина легкого поведения.

Социальные, статусные: в отдельном значении и в устойчивых оборотах прежде всего – жена, супруга (для испанского и французского); кроме этого – женщина легкого поведения; в типичных примерах: светская женщина, благородная женщина, простолюдника, а также примеры типичной хозяйственной или профессиональной деятельности (акушерка, экономка, горничная и др.).

Подобные аспекты предлагает Е. Бартминьский в когнитивной дефиниции для описания концепта МАТКА ‘мать’²⁴. Выделяя различные аспекты-фасеты стереотипа, мы таким образом выстраиваем когнитивную дефиницию для универсального концепта ‘женщина’, но только ограниченную материалами словарей. Для обобщенной когнитивной дефиниции, согласно методологии Бартминьского, необходим системный анализ сочетаемости в рамках более широкого семантического поля, данные текстов и анкетные материалы опросов о сущности «женского начала». Но это выходит за рамки данной статьи.

4. Некоторые заключительные замечания

Обобщая результаты анализа, можно проследить развитие стратегий в лексикографическом определении ‘женщины’ и ‘женскости’.

‘Женскость’ изначально определяется в противоположность ‘мужеству’ и в противопоставлении ‘девичеству, незрелости’, по биологическим признакам и по двум функциям женщины: быть спутницей мужчины и по функции продолжения жизни, деторождения. Причем в русском происходит разведение значения по разным лексемам: исходной и производной.

Далее появляются попытки выделить не только биологические признаки; уже сначала отмечаются две основные древние профессии: уличная женщина и акушерка, обе связаны с двумя названными функциями, выделяется также роль женщины-хозяйки.

В словарях XIX в. формулируются психологические, этические, социальные черты образа, составляющие культурно-

поведенческие стереотипы женщины. В испанских определениях женщины появляется слово *persona* «человек» вместо прежнего *criatura* «существо». В словарях отражается изменение социальной роли женщины («свободная женщина, деловая женщина, женщина-педагог»¹).

Но в целом можно отметить большое сходство в языковых характеристиках образа женщины в близких по времени словарных толкованиях в разных языках, что предположительно опирается на общеиндоевропейский прототип. Образ женщины развивается в двух ипостасях: сниженном и идеальном. Добродетельная женщина – это жена-домоседка, верная мужу, хозяйственная. В сниженных образах отмечаются болтливость, неразумность, непостоянство, склонность к украшениям. Пожалуй, именно во французских словарях отличительные внешние свойства женщины (очарование, кокетливость, капризность) отмечены в примерах в наибольшей степени.

В современных словарях делается попытка определить суть «женского начала» не только в биологическом, но и в психологическом отношении. Лишь испанский словарь выделяет «женскость», женские качества отдельным значением, присущим лексеме *mujer* (*Muy mujer!*), но не раскрывает их содержание в определениях. Можно судить о них по характерным примерам. В русских словарях делается попытка выделить эксплицитно эти качества: чуткость, изящество, нежность, доброта.

В современном мире «женскость» начинает осмысливаться молодежью как социокультурная категория, т. е. доступная выбору для человеческого существа, которое вправе выбирать собственную идентификацию и имеет для этого возможности. Но пока что словари не стремятся отразить эту новую реальность – жизненные примеры немногочисленны. Можно надеяться, что они останутся исключением, а не правилом, достойным словарной фиксации.

---

¹ Статья ЖЕНА // Словарь Академии Российской: В 6 т. СПб., 1789–1794. Т. 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.runivers.ru/lib/book3173/10108>

² Словарь русского языка XVIII в. // Фундаментальная электронная библиотека [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/07/sl11005.htm>

³ Dictionnaire de L'Académie française. Dedié au Roy. P., 1694. T. I. P. 443.

За недостатком места мы опускаем здесь и далее оригинальный текст примеров.

⁴ Dictionnaire de L'Académie française, 6th Edition [Электронный ресурс]. URL: <http://portail.atilf.fr/cgi-bin/dico1look.pl?strippedhw=femme&dicoid=ACAD1835&headword=&dicoid=ACA D1835>

⁵ До начала XIX в. это слово писалось в испанском языке с g; заменен впоследствии на j.

⁶ Diccionario de Autoridades, Tomo IV (1734) [Электронный ресурс]. URL: <http://web.frl.es/DA.html>

⁷ Stavans I. El diccionario de la lengua española y la mujer // NY Times. 07.10.2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/es/2017/10/06/el-diccionario-y-la-mujer/>

⁸ Отрывок дан в переводе И. Чежеговой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihi-rus.ru/love/kruz.htm>

⁹ Diccionario de la lengua castellana compuesto por la Real Academia española, reducido a un tomo para su fácil uso. Quarta edición. Madrid, 1803. P. 924.

¹⁰ [Электронный ресурс]. URL: <http://ntlle.rae.es/ntlle/SrvltGUMenuNtlle?cmd=Diccionario&sec=1.0.0.0.0>

¹¹ Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 1986. С. 321, 497.

¹² Топоров В.Н. Славянские комментарии к нескольким латинским архаизмам // Этимология 1972. М., 1984. С. 3–19.

¹³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1994.

¹⁴ Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dict.tmm.ru/ushakov/szh/szhenc.html>

¹⁵ Семантический словарь: В 6 т. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1998.

¹⁶ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 2007. С. 232.

¹⁷ Семантический словарь...

¹⁸ Большой толковый словарь современного русского языка. / Под ред. С. Кузнецова. СПб., 2014.

¹⁹ Dictionnaire de L'Académie française, 9th Edition [Электронный ресурс]. URL: <https://academie.atilf.fr/9/consulter/femme?page=1>

²⁰ Эта пословица легла в основу знаменитой арии герцога из оперы Дж. Верди «Риголетто» – музыкального воплощения драмы Гюго: «Donna è mobile» (в русском вольном переводе «Сердце красавиц склонно к измене...»).

²¹MUJER // Diccionario de la Real Academia Española de la Lengua [Электронный ресурс]. URL: <http://lema.rae.es/drae2001/>

²²*Corominas J.* Breve diccionario crítico etimológico del español.

²³*Stavans I.* Op. cit.

²⁴*Бартминьский Е.* Принципы лингвистических исследований стереотипов на примере стереотипа «мать» // Е. Бартминьский. Языковой образ мира: Очерки по этнолингвистике. М., 2005. С. 188–213.

Славянские названия месяцев в украинских печатных книгах конца XVI – XVII в.

Ю.Э. Шустова
Российский государственный
гуманитарный университет;
Российская государственная библиотека,
г. Москва

***Аннотация.** Проведено эвристическое и источниковедческое исследование комплекса текстов, содержащих славянские названия месяцев. Рассматриваются украинские кириллические печатные издания конца XVI – XVII вв., содержащие славянские (украинские) названия месяцев, ранее не привлекавшиеся для изучения славянских названий месяцев, которые являются важными историческими источниками по истории языка, народной культуры, истории календаря и пр. В числе рассматриваемых изданий поэтическое сочинение Андрея Рымши 1581 г. и богослужебные книги XVII в. Рассмотрены структуры текстов, выявлены их редакции, проанализированы формы употребления книжных (латинских) и славянских (украинских) названий месяцев, а также дополнительные сведения: перевод с латинского / номер месяца в римском календаре, указания на этимологию названий месяцев. Всего выявлено 21 наименование славянских месяцев.*

***Ключевые слова:** славянские названия месяцев, календарь, украинские кириллические печатные книги, Анфологион, Полуустав, Часослов*

Изучение названий месяцев у разных народов, их эволюция являются весьма важной культурологической проблемой, лежащей на стыке изучения нескольких дисциплин – филологии и лингвистики, этнографии и фольклористики, истории и хронологии и др. Изучение названий месяцев позволяет не только изучать бытовой уклад, сезонные занятия славян, но и их мировоззрение и образное мышление. На основании изучения названий месяцев возможно более полно реконструировать календарную систему славян, восприятие времени, праздничную культуру, специфику климата в

разных регионах проживания. Однако до сих пор нет системных работ, в которых подробно рассматривался бы аспект эволюции названий месяцев у разных славянских народов в разные исторические периоды, различий названий в одном и том же языке в зависимости от времени и территории, где они употреблялись. Наиболее всесторонними, освещающими эти проблемы, являются работы В.Е. Гусева¹. Реконструкции названий месяцев у древних славян посвящены работы Л. Нидерле², В. Шаура³, В.Е. Гусева⁴ и др.

В связи с этим весьма важным является изучение новых источников, позволяющих зафиксировать использование названий месяцев в разных регионах / традициях. Славянские названия месяцев встречаются в древнейших дошедших до нас рукописях: Ассеманиевом Евангелии (XI в.)⁵, Остромировом Евангелии (1056–1057)⁶, Галицком Евангелии (1144) и др. Месяцесловы этих памятников письменности хорошо известны. Однако более поздние источники для изучения народных названий месяцев изучены слабо. В этой связи практически не привлекались старопечатные книги, тогда как в них содержатся весьма важные и ценные в плане изучения народных названий месяцев сведения. В данной работе будут рассмотрены украинские кириллические печатные книги конца XV – XVII в., содержащие славянские / украинские названия месяцев.

Украинские названия месяцев изучались лингвистами с привлечением разных источников – устных (фольклор) и письменных (рукописи). Весьма обширный материал был собран польской исследовательницей Т. Голыньской-Барановой⁷, которая приводит около ста различных вариантов названий месяцев в украинском языке, выявленных по разным, преимущественно фольклорным, источникам. Украинские названия месяцев рассматривал украинский лингвист и В.В. Нимчук⁸.

Источников по истории народного календаря, эволюции славянских названий месяцев, различий названий месяцев в разных славянских землях сохранилось относительно немного. В православных богослужебных книгах использовался юлианский календарь и названия месяцев, соответственно, в них употреблялись заимствованные из латинского языка. Именно поэтому к поздним богослужебным книгам в связи с изучением проблемы истории славянских названий месяцев практически не обращаются. Однако богослужебные книги XVI – XVII вв. могут дать богатый и весьма

интересный материал для изучения этого вопроса. Так, весьма важными источниками для изучения славянских названий месяцев, бытовавших на территории Украины в XVII в., являются печатные Анфологионы, издававшиеся в Киеве, Львове и Новгород-Северске, а также Полууставы и Часословы, напечатанные в Киеве и Львове, Псалтири и Святцы, увидевшие свет в Киеве, и другие книги, содержащие месяцесловы.

Впервые в кириллической печатной книге название месяцев приводится в месяцеслове, включенном в Часослов, напечатанный Швайпольштом Феолем в Кракове в 1491 г. Названия месяцев даются в книжной форме, заимствованной латинского языка (септеврии, октябрь, ноемврии, декабрь, геньварь, феврал, апрель, май, июнь, июл, август). Только один месяц имеет параллельное славянское название: «мароть, рекомьи соухьи, еврейскьи». Март, как месяц новолетия у славян сохранялся в обиходе и после принятия христианства и византийского сентябрьского новолетия. В Древней Руси эта традиция сохранялась вплоть до конца XV в. Это нашло отражение в рукописях, которые с одной стороны следовали церковному сентябрьскому календарю, а с другой – подчеркивали особую значимость марта как месяца, с которого также начинали отсчет разным календарно-хронологическим циклам, библейским событиям. Также в этом видели преемственность от римского календаря, где мартовское новолетие отразилось и в названии номерных месяцев.

Народные названия месяцев приводит и Франциск Скорина в «Малой подорожной книжке», которую он издал около 1522 г. в Вильно.

Славянские названия месяцев, наряду с латинскими и еврейскими, включены в текст поэтического произведения Андрея Рымши, напечатанного Иваном Федоровым в Остроге 5 мая 1581 г. Это однолистное издание, в котором две страницы текста напечатаны на одной стороне. Называются стихи «Которого с(я) м(е)с(я)ца што за старыхъ вековъ дѣло короткое описаніе». Сочинение состоит из двенадцати небольших текстов, включающих заголовки, состоящие из указания на названия месяцев на трех языках, двустихия о событиях библейской истории и указания дня месяца (по юлианскому календарю с обозначением книжно-латинского варианта названия месяца). В заголовках сначала приводится латинское название месяца, затем «по гебрейску» и

далее – славянское («просто»): «М(е)с(я)ца сентебра, по гебрейску елюль, просто вресень», «М(е)с(я)ца октоврїа, по гебрейску тышри, просто паздерникъ» и т. д. Далее триады названий месяцев следующие: ноемврїа – марге оусамъ – грудень, декаврїа – хашлеу – просинець, гетуара – тебет – стычень, феврала – себат – лютый, марта – адаръ – марец, априла – нисан – кветень, мая – іаръ, май, іюна – сыванъ – чырвецъ, іюла – тамус – липецъ, августа – аовъ либо авъ – серпень. Названия трех славянских месяцев приводятся в польской транскрипции (вресень, стычень, марец). «Паздерник» сохраняется в названии октября месяца в современном польском языке (październik). «Просинець» – древнерусское название месяца, известное по многим ранним источникам, начиная с Остромирова и Галицкого Евангелий.

Интересным источником в связи с изучением украинских названий месяцев в XVII в. представляется Анфологион, изданный в типографии Киево-Печерской лавры 16 января 1619 г. типографом и лексикографом Памвой Берындой. Названия месяцев содержатся здесь в оглавлении, колонтитулах книги и заголовках к разделам на месяцы последований⁹.

«Оглавленіе, колико имат Служб Праздником избранным книга сіа» помимо собственно росписи содержания книги, представляет собой и календарь (месяцеслов). Так как структура книги построена по датам празднеств годового цикла, начиная с сентября, то начало каждого раздела – месяца – снабжено краткой информацией о названиях месяца (для номерных месяцев указывается их буквальный перевод, приводятся славянские народные названия месяцев), а также сведения о количестве дней в месяце и количестве дневных и ночных часов. Однако в оглавлении киевского Анфологиона такой своеобразный календарь является неполным, дополнительные сведения о названиях указаны для пяти первых месяцев, а информация о днях в месяце и дневных и ночных часах – только для трех.

Наиболее полная информация приводится здесь для сентября. Отмечается, что сентябрь, «сирѣчь седмый, рекомый вресень, по древних роуень», т.е. дается буквальный перевод названия месяца с латинского языка, употребляемое в повседневной жизни славянское название, а также древнерусский вариант. Перевод с латинского дается для всех «номерных» месяцев, (с сентября по декабрь): октябрь – «осмый», ноябрь – «девятый», декабрь –

«десятый». Указаны следующие народные названия месяцев: октябрь – «листопад», ноябрь – «груден», декабрь – «студень», январь – «просинець».

Интересными источниками для изучения названий месяцев народного календаря представляют собой колонтитулы книги. В них приводится название месяцев и число месяца напечатанных последований служб праздникам. В тестах для января месяца употребляются два варианта названия месяца «іануарій» и «генварь». На разворотах с. 696–697, 700–701, 708–709 приводятся оба варианта одновременно: «Іануаріа, / или генвара», причем число месяца в этих случаях не указывается.

Для тех месяцев, которые в оглавлении приводятся без указания народного названия, таковые помещаются наряду с книжно-латинскими наименованиями месяцев в колонтитулах к текстам соответствующего месяца. Так, первый же текст за февраль месяц помещен на листе с колонтитулом «сирѣч, Лютый» (с. 715). На разворотах с. 730–731, 732–733 указано два варианта названия месяца: «Фебруарій, / рекомы сѣчень», а на разворотах с. 734–735: «Фебруаріе, / или Лютый», с. 740–741: «Фебруаріе, / сирѣч Лютый». Также в колонтитулах приводятся славянские названия марта в двух вариантах: на разворотах с. 748–749, 756–757: «Мартъ, / рекомый Сухій», с. 758–759, 764–765: «Мартъ, / или соухій», а на развороте с. 752–753: «Мартъ, или Березосоль». Первый же колонтитул для апрельских текстов предлагает славянское название месяца «Березень» (с. 777). Это же название приводится и далее (с. 779). А колонтитулы разворотов с. 788–789, 792–793 сообщают древнерусское название: «Апрілліе, / рекомы Березосоль». В колонтитуле текстов для мая месяца встречаем только единожды украинское название месяца «Травень» (с. 804). В колонтитулах июньских текстов приводятся два варианта наименования месяца: «Чрѣвца, рекома / іоуніа» (с. 826–827), «Іоуніа, сирѣч чрѣвца» (с. 848–849, 862–863) и древнерусский вариант: «Іоуніа, рекома Изокъ» (с. 858). Колонтитулы листов текстов на июль также сообщают два варианта названия месяца: «Іоуліа, / сирѣч, Липца» (с. 868–869), «Липца, или / Іоуліа» (с. 878–879, 910–911) и «Червна, или / іоуліа» (с. 884–885), «Червна, рекомаз(о) / іоуліа» (с. 888–889, 900–901), «Іоуліа, / или Чрѣвна» (с. 892–893), а в одном колонтитуле указано одновременно два названия: «Чрѣвень, или Липецъ» (с. 905). Украинское и древнерусское название дается в ко-

лонтитулах и для августа месяца: «Сръпна, или / Августа» (с. 920–921), «Августа, / или Зарева» (с. 986–987, 990–991, 994–995) и одновременно два варианта названия: «Заревъ, или / сръпень» (с. 948–949).

Несколько отличаются от киевского корпуса названий славянских месяцев наименования месяцев в изданиях Афологиона, выходящих в типографии Львовского Успенского Ставропигийского братства в 1638, 1643, 1651 и 1694 гг.¹⁰ В «Оглавление въ Анеологію...» последовательно приводятся сведения для всех месяцев: латинское наименование, буквальный перевод с латинского языка («септемврій, сирѣч седмый», «октоврій сирѣчь осмый» и т.д.) и славянские названия. Только для сентября, как и в киевском Афологионе, приводится современное для XVII в. и древнерусское название. Корпус названий месяцев по львовским изданиям следующий: «вресень, по древний же руень», паздерникъ, листопадъ, студень, сѣчень, лютый, березозоль, цвѣтень, «май, Ѡ вещи рекомый», червецъ, липецъ, серпень.

В Оглавлении к Афологиону 1638 г. название марта месяца сопровождается краткой статьёй об этом месяце, включающей календарно-хронологические сведения: «Первый въ М(е)с(я)цехъ: зене вонь Адамъ и вса тварь созданна: Начало крузи с(о)лнечный и лунный пріемлют, вруцѣлѣто, вісекось, и проча». В издании 1643 г. заголовок был дополнен хронологическими сведениями: «Равноденствіе весенное съвершается» и в такой редакции напечатан в изданиях 1651 и 1694 гг. В тексте Афологионов содержится пространная статья о марте месяце: «Сей м(е)с(я)ць начатокъ и первый въ м(е)с(я)цехъ ест, нареченный Ѡ Б(о)га оугодникомъ Мѡусеѡмъ. Вонь бо началобитный видимый сей велій свѣтъ».

Источником месяцеслова в оглавлении Афологиона 1678 г., изданного в типографии Лазаря Барановича, явилось оглавление львовских изданий 1643 или 1651 гг. все приводимые календарно-хронологические сведения здесь повторены буквально слово в слово.

Названия месяцев содержатся в месяцесловах, включенных в состав ряда киевских изданий и представляют собой комплекс, восходящий к одному типу текстов, где названия месяцев практически идентичны. Это Часослов 1633 г., Полуустав 1643 г., Псалтирь [1643–1644] гг., Полуустав 1672 г.

В этих изданиях названия почти всех месяцев приводятся параллельно – книжные и народные: «октоврїй, именуемъ паздерникъ», «ноемврїй, нарицаемый листопадъ», «декемврїй, нарицаемый грудень», «іануарїй, г(лаго)лемый сѣчень», «февруарїй, нарицаемый, лютый», «март, нарицаемый березозоль», «априль, нарицаемый квѣтень. евревскїи нарицаетсѧ нисанъ», «іюнь, рекомый, червецъ», «іюлій, нарицаемый липецъ», «августъ, нарицаемый, серпень». Только для двух месяцев – сентября и марта – указывается один, книжный вариант: «септемврїй» и «май». Все народные названия, за исключением одного – октября, соответствуют современным украинским названиям месяцев. Название октября соответствует современному названию этого месяца в польском языке (październik). Различия можно отметить для ударения в слове «листопадъ». Так, в Часослове 1633 г. и Полууставе 1672 г. слово напечатано с ударением на последнем слоге – «листопа́дъ», а в Псалтири [1643–1644] гг. – на предпоследнем слоге – «листопа́дъ». В Полууставе 1643 г. и Псалтири [1643–1644] гг. название месяца апреля дополнено еще указанием на еврейское наименование: «евревскїи нарицаетсѧ нисанъ».

Следует отметить, что месяцеслов на март месяц в Часослове 1633 г. и Полууставе 1643 г. дополнен статьей «Сей первый ес въ м(е)я(я)цехъ, зане въ нь Адамъ и всѧ тварь създана». В Полууставе 1672 г. – статья в иной редакции: «Сей первый естъ въ М(е)с(я)цехъ, и в той же м(е)с(я)ць, слово б(о)жіе арха(н)г(е)ловымъ гласомъ, пришествіемъ С(вя)т(о)гѡ Д(у)ха вселисѧ въ утробу прес(вя)тыѧ Д(е)вы М(а)ріи». В Полууставе 1643 г. появляется также статья, предваряющая месяцеслов на апрель: «Тогѡ повелѣнѡ Моусеови нарицати, да будетъ Первый въ м(е)с(я)цехъ». В Полууставе 1672 г. начало месяцеслова на апрель сопровождается лишь кратким комментарием: «Сегѡ м(е)с(я)ца Х(ристо)с Г(оспод)ь распѧт быст и въскресъ из мертвыхъ, в лѣт(о) 5535».

Несколько иной по форме вариант названий месяцев приводится в Полууставе, изданном в Киево-Печерской лавре в 1691 г. Здесь указывается латинское название месяца и дается его порядковый номер, начиная с т. н. номерных названий месяцев и продолжая счет для неномерных, а далее приводится украинское название месяца: «септемврїй, серѣчь седмый, рекомый вресень», «октоврїи, еже ест, осмый, именуемый паздерникъ», «ноемврїи, еже ест девятый, рекомый листопадъ», «декемврїи, еже ест десятый, нарицаемый студен, или грудень», «іаннуарїи, еже ест одиннадцатый: гл(агол)емый сѣчень»,

«февруарій, еже есть дванадесАтый: нарицаемый лютый», «мартъ, нарицаемый березозоль», «априлїй, еже ест вторый: нарицаемый квѣтен, зане в том цвѣты земля испушает», «май, Ѡ вещи нарицаемый: еже ест третїй», «їюній, еже ест четвертый: нарицаемый червецъ», «їюлій, еже ест пАтый: нарицаемый липецъ», «августъ, еже ест шестый: нарицаемый серпень».

Текст на март месяц не содержит указание на порядковый номер в римском календаре, но сопровождается статьей, в которой указывается, что это первый месяц. Здесь мы видим еще одну редакцию текста о марте: «Сей первый въ М(е)с(я)цехъ ест М(е)с(я)ць. Зане вой началобытный свѣтъ сей видимый сотворень бысть». Название раздела месяца апреля сопровождается еще и кратким этимологическим комментарием, объясняющим значение слова «квѣтень». Обращает внимание тот факт, что для декабря приводится два варианта славянских названий месяца – «студен, или грудень».

Эта же редакция заголовков месяцев содержится в Святцах (Киев, 1680), включая редакцию текста о марте месяце. Однако ряд месяцев не содержат указание на славянское название месяца.

К этой же группе текстов названий разделов месяцев в месяцесловах относятся заголовки из львовских изданий Часослова 1642, [1668] и 1692 гг. и Устава молитв 1670 г. Одну редакцию представляют собой заголовки с названиями месяцев из Часословов 1642, [1668] и 1692 гг. В Часослове для сентября месяца приводится только латинское название месяца, а в изданиях [1668] и 1692г г. оно дополнено указанием на номер месяца в римском календаре и славянскими названиями. все остальные заголовки в трех изданиях идентичны: «сентемврїй, сирѣч седмый, рекомый вресень: по древних же, руень», «октоврїй, иже есть осмый, именуемый паздерник», «ноземврїй, еже есть 9-тый, рекомый листопад», «декемврїи, еже ест десАтый, нарицаемый студен, или грудень», «їануарїй, еже ест единонадесАтый, глаголемый сѣчень», «февруарїй, еже ест дванадесАтый, нарицаемый лютый», «мартъ, нарицаемый березозоль», «априлїй, еже ест вторый: нарицаемый квѣтень, зане в томъ цвѣты земля испушает», «май, Ѡ вещи нарицаемый, еже ест третїй», «їюній, еже ест четвертый, нарицаемый червецъ», «їюлій, еже ест пАтый: нарицаемый липецъ», «августъ, еже ест шестый, нарицаемый серпень».

В отличие от месяцесловов Часослова и Полууставов киевских изданий, в львовских Часословах славянские названия сентября приводятся в двух вариантах – современном для авторов текста и архаичном, «по древних». Как и в киевском издании Полуустава 1691 г., для декабря дается два варианта названия – *студен* и *грудень* и дается этимологическое объяснение славянскому названию апреля – *квѣтъень*.

Во всех трех рассматриваемых львовских изданиях Часослова месяц март сопровождается начальной статьей «Сей первый въ М(е)с(я)цехъ есть М(е)с(я)ць. Зане вонь началобытнїй свѣтъ сей видимый сотворень быст».

К этой же группе следует отнести заголовки с названиями месяцев из Устава молитв, изданного во Львове в 1670 г., однако иной редакции. Она была позаимствована, видимо, с какой-то рукописи, содержащей явные ошибки, но тщательно воспроизведенные при наборе книги. Название сентября здесь не содержит никаких дополнительных сведений. Далее указывается порядковый номер месяца в римском календаре (только для двух номерных – октября и декабря) и его славянское название: «октоврїй, сирѣч осмый рекомый по римску, мы же паздерник именуемъ сего», «но-емврїй, рекомый по римски, мы же Ѡ вещи нарицаем сего листопадъ», «декемврїй, рекомый десѧтый, мы же груден именуем сего», «іануарїй рекомый по римски, мы же сѣрин именуем сего», «февруарїй нарицаемый лютый», «апрїль, рекомый по римску, мы же квѣтъень нарицаем его», «май рекомый по римску, мы же травень именуем сего», «іюній рекомый по римску, мы же червец сего нарицаемъ», «іюлій рекомый по римску, мы же нарицаем его липецъ», «августъ рекомый по римску, мы же Ѡ жатвы серпев нарицаемъ». Заголовок для марта месяца здесь не приводится из-за дефектности экземпляра, которым пользовались. Обращаем внимание, что славянские названия для двух месяцев приведены явно с ошибками, вызванными неправильным чтением слов по рукописи: «сѣрин» вместо «сѣчен» и «серпев» вместо «серпен». Здесь также приводится украинское название месяца мая – *травень*, что не характерно для львовских текстов названий месяцев по рассмотренным выше книгам. Также интересно, что здесь приводится этимологическое объяснение славянского названия августа месяца – «от жатвы» *серпень* называется.

Все варианты славянских (украинских) названий месяцев представлены в сводной таблице, где названия месяцев приводятся, начиная с сентября:

Андрей Рымша. Которогося месяца... Острог, 1581	Анфологион. Киев, 1619	Анфологион. Львов, 1643, 1651, 1694; Анфологион. Новгород-Северский, 1678	Часослов. Киев, 1633; Полууостав Киев, 1643; Псалтирь. Киев, [1643–1644]; Полууостав . Киев, 1672	Святцы. Киев, 1680; Полууостав. Киев, 1691	Часослов. Львов, 1642, [1668], 1692	Устава молитв. Львов, 1670
вресень	вресень, роуеннь	вресень, руень	–	вресень	вресень, руень	–
паздерникъ	листопад	паздерникъ	паздерникъ	паздерник	паздерник	паздерник
грудень	груден	листопадъ	листопадъ	листопадъ	листопад	листопадъ
просинець	студень	студень	груден	студен, грудень	студен, грудень	груден
стычень	просинец	сѣчень	сѣчень	сѣчень	сѣчень	сѣрин (сѣчень)
лютыи	сѣчень, лютый	лютый	лютый	лютый	лютый	лютый
марец	сухий, березозоль	березозоль	березозоль	березозоль	березозоль	
кветень	березень, березозоль	квѣтень	квѣтен	квѣтен	квѣтень	квѣтень
май	травень	май	май	май	май	травень
чървець	чръвц	чървець	чървець	чървець	чървець	чървець
липець	чръвень, липецъ	липець	липець	липець	липець	липець
серпень	сръпень, заревъ	серпень	серпень	серпень	серпень	серпев (серпен)

Всего по рассмотренным источникам встречается 21 наименование славянских месяцев, включая разные прочтения (не рассматриваются варианты написания). Такой материал позво-

ляет сделать важные наблюдения об использовании разных источников для составления месяцесловов в печатных книгах конца XVI – XVII в., сохраняющих разные традиции, региональные особенности в использовании народных названий месяцев наряду с книжными. Кириллические богослужебные печатные книги являются интереснейшими источниками по истории названий славянских месяцев и должны использоваться лингвистами, историками, культурологами для дальнейших изысканий в вопросах, связанных с изучением исторической хронологии, истории славянского месяцеслова и других важнейших проблем изучения славянской культуры.

¹ Гусев В.Е. Названия времен года и месяцев у славян // Гусев В.Е. Очерки славянской культуры: Письма. Статьи. Доклады. Полевые материалы. СПб., 2012. С. 101–109.

² Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.

³ Шаур В. К вопросу о реконструкции праславянских названий месяцев // Этимология – 1971. М., 1973. С. 93–101.

⁴ Гусев В.Е. О реконструкции праславянского календаря (к проблеме этногенеза славян) // Советская этнография. 1978. № 6. С. 132–143.

⁵ Мареш Ф.В. Словенските светци во Асеманиевото Евангелие // Лихнид: Сборник на трудове. Охрид, 1988. Кн. 6. С. 3–10.

⁶ Мещерский Н.А. О календаре Остромирова евангелия. Доклад на юбилейной конференции... посвященной 900-летию Остромирова евангелия (3–6 мая 1957 г.) // Вопросы языкознания. М., 1957. № 5. С. 155; Мурьянов М.Ф. К истории культурных связей Древней Руси по данным календаря Остромирова евангелия // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. М., 1982. С. 130–138.

⁷ Hołyńska-Baranowa T. Ukraińskie nazwy miesięcy na tle ogólnosłowiańskim. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969.

⁸ Німчук В.В. Давньоруська спадщина в лексичі української мови. Київ, 1992.

⁹ Шустова Ю.Э. Календарно-хронологические сведения в киевском Анфологионе 1619 г. // Библиотека. Наука. Коммуникация : 100-річчя Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського: матеріали Міжнарод. наук. конф. (Київ, 6–8 лист. 2018 р.). Київ, 2018. С. 247–253.

¹⁰ Шустова Ю.Э. Оглавления к украинским печатным Анфологионам (Минеям праздничным) XVII в. как календарно-хронологические источники // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXI Международной научной конференции (Москва, 12–14 апр. 2018 г.). М., 2018. С. 387–390.

История и география

**Фундаментальная экология и природоохранная
практика в СССР в середине 1920-х – 1950-е гг.:
историко-научный анализ
взаимодействия науки и режима**

А.Л. Рижинашвили
Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова РАН,
г. Санкт-Петербург

***Аннотация.** В статье выявляются и анализируются исторические предпосылки отождествления в общественном сознании экологии и охраны природы в СССР в середине 1920-х – 1950-е гг. Показано, что общая утилитарная направленность науки этой эпохи привела к смешению теоретической биологической науки и природоохранной практики. Идеология лысенкоизма, провозгласившая единство организма и среды, оказав негативное деформирующее влияние на все стороны развития науки, также способствовала «размыванию» предмета и задач экологии.*

***Ключевые слова:** экология, охрана природы, тоталитарный строй, лысенкоизм*

В России на протяжении XX в. в общественном сознании (даже в кругу биологов-профессионалов) сложилась уникальная традиция отождествления фундаментальной науки экологии и практики охраны природы¹. При этом в зарубежном научном пространстве, как правило, происходит четкое разделение "ecological" и "environmental" аспектов научной деятельности и практических мероприятий. Истоки этой отечественной традиции, вероятно, следует искать в исторических особенностях развития отечественной экологии. В частности, следует рассматривать два важнейших социальных фактора: резко усилившееся в 1930-е гг.

© Рижинашвили А.Л., 2019

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ,
№ проекта 18-011-00733.

идеологическое давление на науку (практика есть критерий истины)² и интенсивная (подчас хищническая) эксплуатация природных ресурсов (природу нельзя изучать ради знаний, ее нужно переделывать на службу социализму)³. В условиях действия этих факторов ученые-экологи вынуждены были перестроить свои исследования таким образом, чтобы соответствовать господствовавшей идеологии. Не меньшее значение в отождествлении экологии и охраны природы имеет и специфика экологии как науки, объединяющей знания и методы из других отраслей не только биологии, но и небиологических дисциплин. Обсуждаемая общественная практика уже привела к неправильному пониманию предмета и задач экологической науки, тормозит ее развитие, а также негативно сказывается на образовательном процессе⁴. Учитывая особую роль экологии в планировании стратегий использования ресурсов на государственном уровне⁵, необходимо выявление исторических предпосылок этой практики. Без этого невозможно успешное преодоление неверных взглядов. Историко-научный анализ феномена синонимизации экологии и охраны природы позволит в дальнейшем разработать модель одного из вариантов взаимодействия науки и общества, а также науки и власти. Цель моего исследования – анализ исторических причин и предпосылок уникального отечественного опыта отождествления фундаментальной науки (экологии) и прикладной природоохранной отрасли в советской науке середины 1920-х – 1950-х гг.

В первом приближении можно представить, что указанный период в развитии биологии в СССР может быть разделен на два этапа: до сессии ВАСХНИЛ 1948 г. и после нее. Если на первом этапе происходило бесконтрольное использование природных ресурсов, часто без оглядки на их возможное полное исчерпание, для нужд индустриализации, то на втором этапе потребление ресурсов сменилось воплощением в жизнь Сталинского плана преобразования природы. На каждом из этих этапов к биологической науке предъявлялись определенные требования. Если в первом случае требовалось найти пути управления и регулировки стихийными и враждебными для человека процессами в природе, то во втором – в основном провозглашалась задача обеспечения устойчивого воспроизводства хозяйственно ценной биомассы.

В условиях идеологического давления ученые вынуждены были прибегать к модели поведения, получившей название «за-

щитная окраска». Эта модель предусматривала принятие «на словах» идеологической риторики, что должно способствовать защите собственно научной тематики проводимых исследований⁶. При этом в сложившихся условиях природоохранные исследования удобно было сделать частью науки экологии – попросту «спрятать» охрану природу в недра биологической науки.

На первом этапе на государственном уровне охране природы почти не уделялось внимание. Но и в этих условиях многие ученые активно высказывали свою позицию⁷. Они говорили и писали о необходимости не истощительного использования объектов фауны и флоры, призывали, например, задуматься о качестве природных вод, в которые поступают сточные воды. Это находило отражение даже в официальных ведомственных отчетах соответствующего периода времени⁸.

На втором этапе даже на государственном уровне появилось признание того, что нужно сохранять ценные виды, имеющие промысловое значение⁹. При этом социалистическое хозяйствование противопоставлялось буржуазному, капиталистическому. При капиталистическом строе, по мнению советских специалистов, ученые руководствуются идеей об убывающем плодородии, тогда как задача социалистического хозяйства создать в природе условия для устойчивого воспроизводства нужных человеку организмов.

В обоих вариантах живые организмы рассматривались как объекты хозяйствования и потребления. Следовательно, науки, изучающие эти объекты (в том числе, экология и гидробиология), становились частью хозяйственной практики. Смешение теоретической и прикладной науки привело к «размыванию» их границ и отождествлению задач. Особенно наглядно это просматривается на материалах различных идеологических дискуссий. Более того, провозглашенное лысенкоистами в качестве стержня мичуринской биологии единство организма и среды привело к утрате специфики экологического знания¹⁰.

Таким образом, выявление исторических корней и закономерностей уравнивания в сознании экологии и охраны природы позволяет увидеть ошибочность такой системы взглядов и наметить пути к ее исправлению. Разумеется, я далека от мысли, что процессы «утилитаризации» науки в период тоталитарного режима являются единственной причиной неправильных сегодняшних представлений об экологии. Однако, учитывая длительность этого

периода, можно говорить о его значительном влиянии на обыденные и научные представления в СССР, в том числе, в области экологии. Доказательством тому может служить своеобразный взрыв природоохранной деятельности в последующий период «оттепели»¹¹. Эта деятельность ассоциировалась с обретением интеллектуальной и духовной свободы обществом.

---

¹ *Алимов А.Ф.* Об экологии всерьез // Вестник РАН. 2002. Т. 72. № 12. С. 1075–1080.

² *Roll-Hansen N.* Wishful Science: the Persistence of T.D. Lysenko's Agrobiolology in the Politics of Science // *Osiris*. 2008. Vol. 23. P. 166–188.

³ *Вайнер (Уинер) Д.* Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы. М., 1991. 400 с.

⁴ *Алимов А.Ф.* Указ. соч. С. 1080.

⁵ Стратегия научно-технологического развития РФ. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642.

⁶ *Вайнер (Уинер) Д.* Указ. соч. С. 182.

⁷ *Weiner D.* A Little Corner of Freedom: Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachev. Berkeley; Los Angeles; London, 1999.

⁸ Отчет о результатах сплошного рыбохозяйственного обследования озер Ленинградской области (по материалам экспедиции 1932 г.) / Под ред. директора Института К.А. Сметанина Л., 1933.

⁹ Труды Всесоюзной конференции по вопросам рыбного хозяйства (проблемы динамики численности рыб, промысловых прогнозов и воспроизводства рыбных запасов) (Ихтиологическая комиссия АН СССР. Труды совещаний. Вып. 1). М., 1953.

¹⁰ *Новиков Г.А.* Очерк истории экологии животных. Л., 1980.

¹¹ *Weiner A.* *Op. cit.* P. 355–356.

«Конструктивная география»: научное направление о преобразовании природной среды

А.В. Собисевич

В.А. Снытко

Институт истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова РАН,
г. Москва

***Аннотация.** В начале 1950-х гг. советская географическая наука, развиваясь как сугубо описательная дисциплина, испытывала кризис, обусловленный тем, что оставалось все меньше территорий, требующих своего «пионерного» изучения. Требовалось также применять географические науки в развитии экономического потенциала страны. Это обусловило внимание ведущих географов страны к проблемам преобразования природной среды. Директор Института географии АН СССР И.П. Герасимов выступил с идеей нового экспериментально-преобразовательного направления. Задачи этого направления определялись противоречивыми запросами советской экономики и общества: необходимостью потребления природных ресурсов и минимизации процесса ухудшения природной среды. С распадом Советского союза необходимость преобразования природной среды потеряла актуальность, поэтому конструктивная география не смогла реализоваться в качестве самостоятельного научного направления.*

***Ключевые слова:** преобразование природы, советская география, экологическая история*

В Советском союзе природная среда в течение долгого времени рассматривалась как источник необходимых ресурсов для развития социалистической экономики. В начале 1930-х гг. принудительная коллективизация и чрезмерные хлебозаготовки в сочетании с засухой ряде районов рискованного земледелия привели к «великому голоду», когда в разных регионах Советского союза от голода погибло порядка шести миллионов человек¹. Появилась необходимость получения стабильных урожаев. Для этого

в районах рискованного земледелия планировалось провести серию мелиоративных мероприятий по борьбе с засухами, суховеями и засолением почв. Большие надежды возлагались на ирригацию богарных земель, где получение урожая полностью зависело от получаемой в весеннее время влаги.

В 1933 г. увидела свет статья молодого географа и почвоведа Иннокентия Петровича Герасимова «О почвенно-климатических фациях равнин СССР и прилегающих стран», которая своим объяснительным подходом отличалась от превалирующих описательных исследований². Статья оказала большое влияние на проводившиеся в это время многими коллективами исследования агрономических, почвенных, ботанических и климатических условий страны. Результаты этих исследований стали основой для представленного в 1946 г. «сталинского плана преобразования природы», который предусматривал орошение больших массивов прежде целинных земель, а также создание лесополос в качестве средства борьбы с суховеями³. В этом плане приоритет отдавался ученым агрономических специальностей, что вызывало беспокойство их коллег-географов, все меньше вовлекаемых в обеспечение нужд советской экономики.

В 1951 г. И.П. Герасимов возглавил Институт географии Академии наук СССР, сменив на этой должности Андрея Александровича Григорьева (1883–1968). Он стал искать новые направления работы института, уделяя большее внимание проблеме интеграции географических знаний. Опыт участия в работах по лесоразведению, мелиорации и ирригации засушливых земель привел И.П. Герасимова к идее того, что география должна быть лидирующей наукой в преобразовании природы, которое должно было проводиться по единому плану с учетом достижений смежных наук⁴.

Проблема преобразования природной среды в Советском союзе вызвала большой интерес за рубежом. В 1953 г. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей планировало направить в Финляндию почвоведом, который мог бы выступить с циклом лекций по этому вопросу⁵. В этом же году И.П. Герасимов, выступая на общем собрании членов Отделения геолого-географических наук АН СССР, отметил главными задачами географической науки: изучение осваиваемых территорий, выработку мероприятий по преобразованию природной среды и разработку методов управ-

ления природными процессами⁶. Советская география в рамках этого подхода могла выработать меры по покорению и использованию «стихийных сил природы». Однако в 1954 г., после смерти Сталина произошел отход от этой идеи в пользу приспособления природы к нуждам человека. И.П. Герасимов стал придерживаться мнения о том, что человеку как заботливому хозяину следует сделать окружающую среду *«лучше и удобнее, чем девственно-природная среда его былого существования»*.

Отказ от «покорения природы» находил поддержку среди многих ученых. Стало складываться мнение о том, что современная география не может оставаться описательно-познавательной дисциплиной, а должна стать наукой экспериментально-преобразовательного направления. Объектом ее исследования должны были стать *«давно открытые земли, освоенные человеком, с глубоко измененной им природной, густым населением и развитым хозяйством»*⁷. В 1964 г. в газете «Известия» была опубликована статья «География – наука XX века», где И.П. Герасимов вместе с заведующим отделом физической географии Института географии АН СССР Давидом Львовичем Арманом (1905–1976) высказал мнение, что основной задачей современной географии является изучение природных ресурсов: «Мы порой забываем, что в сущности все, чем живет общество, в конечном счете добывается из природных ресурсов. У человека нет других источников, кроме природных. Но целый ряд этих природных ресурсов не возобновляется. Таковы нефть, уголь. Значит нужно выявлять все новые запасы и делать это следует с предусмотрительностью, чтобы обеспечить будущие поколения. С другой стороны, есть ресурсы, которые сами восстанавливаются в природе – это растения, животные, почвенное плодородие, но и их нельзя расходовать неосмотрительно»⁸.

В 1965 г. перспективы развития Института географии АН СССР обсуждались И.П. Герасимовым с президентом Академии наук СССР, академиком Мстиславом Всеволодовичем Келдышем (1911–1978). По результатам обсуждения профиль института был определен в проведении преобразовательно-географических исследований, что подразумевало участие в мероприятиях по масштабному преобразованию водного и теплового баланса поверхности природных комплексов. В 1966 г. И.П. Герасимов предложил называть исследования, направленные на целенаправ-

ленное преобразование природной среды и решение других важных задач географической науки – «конструктивными»⁹. Предлагая этот термин, он подразумевал, что новые исследования будут кардинально отличаться от прежних познавательных-описательных, однако затем у этого названия появилось второе значение – «конструирование» окружающей среды.

Конструирование природных комплексов находилось в тесной связи с исследованиями по экологической тематике, которые с начала 1970-х гг. получили распространение в Советском Союзе. В 1974 г. И.П. Герасимов вместе с основателем географического ресурсоведения Алексеем Александровичем Минцем (1929–1973) выступил автором очерка «Региональные проблемы рационального использования естественных ресурсов, охраны и преобразования окружающей среды в СССР»¹⁰. Экологическому аспекту в развитии советской экономики была посвящена работа «Вклад конструктивной географии в проблему оптимизации воздействия общества на окружающую среду», где И.П. Герасимов связал большую антропогенную нагрузку на окружающую среду со сверхиспользованием природных ресурсов. Задачей конструктивных исследований, таким образом, было изучение возможностей экосистем к восполнению той биологической продукции, которая забиралась для нужд промышленности и народного хозяйства¹¹.

В конструктивной географии большое внимание уделялось масштабным ирригационным проектам. Выступая против снижения уровня Аральского моря, И.П. Герасимов предлагал уничтожить в дельтах рек Амурдарьи и Сырдарьи заросли тростника, что было способно частично снизить испарение влаги. Когда же над Аральским морем нависла угроза полного исчезновения, И.П. Герасимов выступил сторонником переброски части стока северных рек в засушливые районы Советского союза¹². Возможно, именно такие подходы стали причиной того, что на съезде Географического общества в 1980 г. некоторые участники называли это направление «мелиоративной географией». Сам И.П. Герасимов считал, что эти высказывания свидетельствовали о неправильном понимании возможностей применения конструктивных географических исследований. Критически относился к этому направлению экономико-географ Юлиан Глебович Саушкин (1911–1982), который в своей книге «История и методология географической науки» от-

метил, что природно-технические комплексы следует конструировать «не из головы, а из природы»¹³.

В 1981 г. в журнале «Известия АН СССР. Серия географическая» была опубликована статья «Научная методология советской конструктивной географии», где И.П. Герасимов резюмировал, что конструктивные географические исследования нельзя было в полной мере считать прикладным направлением, как было с инженерной геологией в геологических науках¹⁴. В своих черновых записях к статье «Вклад конструктивной географии в проблему оптимизации воздействия общества на окружающую среду» автор подчеркивал, что географическая наука уже отошла от решения таких простых практических задач как участие в проектировании различных инженерных сооружений, поисках минеральных ресурсов, бонировке сельскохозяйственных земель. Более того, передовые направления географии уже представляли «мост между наукой и практикой»¹⁵. Отмечая актуальность междисциплинарных исследований И.П. Герасимов отмечал проблему охраны природы в Советском Союзе, успешное решение которой во многом не могло быть осуществлено из-за узкоотраслевых интересов: «Биологи придают ей целиком биологическое содержание, без учета других аспектов, метеорологи сводят всю проблему к вопросам загрязнения среды, медики – проявляют интерес только к той части территорий и акваторий, где живут люди»¹⁶. Это делало очевидным, что конструктивная география должна быть «интегральной» дисциплиной, которая бы использовала достижения таких дисциплин, как математика, физика, химия и биология.

Одним из применений конструктивной географии И.П. Герасимову виделась возможность не только управлять изменением природой среды, но и осуществлять прогнозирование различных неблагоприятных явлений. Опустынивание, эрозионное разрушение ландшафтов, обезлесение, выпадение кислотных осадков, нефтяные загрязнения и многие другие виды антропогенного воздействия ученый называл «конструкционными перестройками». Ограждение природной среды от деструктивных «конструкционных перестроек» как раз и было новой задачей конструктивной географии¹⁷. С начала 1980-х гг. И.П. Герасимов выступал научным консультантом при подготовке научно-популярных фильмов экологической направленности. Материалы его интервью режиссеру фильма о проблемах опустынивания позволяет судить о том, что ученый пришел к понима-

нию схожести антропогенного воздействия индустриального общества на природную среду как в капиталистических, так и социалистических странах¹⁸.

С распадом Советского Союза необходимость в преобразовании природной среды потеряла свою актуальность, а устремления И.П. Герасимова, ушедшего из жизни в 1985 г., чтобы конструктивная география заняла ведущее место среди наук о Земле, не осуществились. Конструктивные идеи, правда, в своем первоначальном значении как передовые и интегральные решения получили развитие в работах коллег и учеников И.П. Герасимова. В настоящее время в Институте географии РАН «конструктивными» принято называть те исследования, где применяются новые методологические и научные подходы к изучению географической оболочки Земли.

¹ Пианчола Н. Сталинская «Иерархия потребления» и великий голод 1931–1933 гг. в Казахстане // *Ab Imperio*. 2018. № 2. С. 80–116.

² Герасимов И.П. О почвенно-климатических фациях равнин СССР и прилегающих стран // *Труды Почвенного института им. В.В. Докучаева*. 1933. Т. 8. Вып. 5. С. 1–38.

³ Собисевич А.В., Широкова В.А. Большой Ставропольский канал – обводнительно-оросительная система Северного Кавказа // *Грозненский естественнонаучный бюллетень*. 2018. Т. 3. № 1. С. 81–89.

⁴ Котляков В.М. Избранные сочинения в шести книгах. Кн. 6: Наука – это жизнь. М., 2003. 575 с.

⁵ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 22. Д. 411. «ВОКС. Переписка с Финляндией».

⁶ Герасимов И.П. Советская конструктивная география. М., 1976. 210 с.

⁷ АРАН Ф. 1850. Оп. 1. Д. 185. Л. 56. «Переписка с Центром международных проектов, отделом малоотходных технологий и охраны природы».

⁸ Там же. Д. 4. Л. 22. «Статьи и заметки, опубликованные в периодической печати».

⁹ Иннокентий Петрович Герасимов (1905–1985) / Отв. ред. А.Л. Яншин. М., 1995. 252 с.

¹⁰ Герасимов И.П., Минц А.А. Региональные проблемы рационального использования природных ресурсов, охраны и преобразования окружающей среды // *Ресурсы, среда, расселение*. М., 1974. С. 55–79.

¹¹ Герасимов И.П. Вклад конструктивной географии в проблему оптимизации воздействия общества на окружающую среду // *Известия Всесоюзного географического общества*. 1982. Вып. 3. С. 193–201.

¹² Герасимов И.П., Кибальчич О.А., Коронкевич Н.Н., Львович М.И. Географические прогнозы в проблеме межзональной переброски речного

стока в СССР // Известия Академии наук СССР. Серия географическая. 1981. № 2. С. 11–25.

¹³ Саушкин Ю.Г. История и методология географической науки (курс лекций). М., 1976. 424 с.

¹⁴ Герасимов И.П. Научная методология советской конструктивной географии // Известия Академии наук СССР. Серия географическая. 1981. № 2. С. 6–11.

¹⁵ АРАН Ф. 1850. Оп. 1. Д. 72. Черновик статьи: «Вклад конструктивной географии в проблему оптимизации воздействия общества на окружающую среду».

¹⁶ Там же. Д. 79 «Научные основы преобразования современной биосферы Земли в ноосферу XXI столетия». Междисциплинарная программа фундаментальных научно-исследовательских работ в системе АН СССР».

¹⁷ Герасимов И.П. Географический прогноз: советский опыт // Известия Академии наук СССР. Серия географическая. 1985. № 2. С. 41–45.

¹⁸ АРАН Ф. 1850. Оп. 1. Д. 185. «Переписка с Центром международных проектов, отделом малоотходных технологий и охраны природы».

Историческая география в научном творчестве В.К. Яцунского и О.М. Медушевской

Т.К. Холматов

Школа исторических наук
НИУ «Высшая школа экономики»,
г. Москва

***Аннотация.** Статья посвящена изучению научного творчества В.К. Яцунского (1893–1966) и его ученицы О.М. Медушевской (1922–2007) в области исторической географии. Показано, что в результате разработки ими теоретико-методологических аспектов в середине – второй половине XX в. историческая география вышла на новый уровень как по своему дисциплинарному статусу, так и по характеру междисциплинарных взаимодействий.*

***Ключевые слова:** историческая география, В.К. Яцунский, О.М. Медушевская, пространство, преемственность научных взглядов, картографические источники*

Конец XX – начало XXI в. ознаменовался в социально-гуманитарных науках «пространственным поворотом». В этот период ряд исследователей подчеркивают необходимость роста историко-географических знаний для исторической науки, т. к. пространство как одна из важнейших составных частей исторической географии связывает воедино время и событие. В этих условиях появились и продолжают появляться исследования, в которых подчеркивается необходимость поставить новые задачи перед дисциплиной, но прежде чем это сделать, следует обратиться к предшествующим периодам, когда историческая география окончательно сформировалась как научное знание.

Одним из первых советских исследователей, стремившихся установить более тесный диалог истории с географией, был Виктор Корнельевич Яцунский (1893–1966). Несмотря на то что разработки в области исторической географии относятся к позднему

этапу его научного творчества (1940–1960-е гг.), интерес к вопросам этой дисциплины у него постепенно формировался еще в 1920-е. Именно в этот период обнаруживается интерес В.К. Яцунского к истории, экономике и географии – трем «смежным» наукам, которые переплетались на протяжении всего его научного пути¹. Но если в 1920-е гг. все три науки присутствовали в научном творчестве исследователя приблизительно в равной мере (тогда он занимался составлением сборника карт по экономической истории Российской империи под названием «Атлас наглядных пособий по истории народного хозяйства России в XVIII–XX вв.»²), то начиная с 1940-х гг. в большей степени преобладали история и география. Как отмечала ученица В.К. Яцунского Э.Г. Истомина, именно разработки в области экономической географии и истории мирового хозяйства постепенно вывели его в такую смежную область знания как историческая география³.

В 1940-е гг. В.К. Яцунский разрабатывал три главных вопроса исторической географии: историю ее формирования и развития, теорию, а также принципы и методы работы с источником в историко-географических исследованиях.

В.К. Яцунский акцентировал внимание на зависимости развития историографической географии от историографических тенденций с конца Средневековья. Как вспомогательная историческая дисциплина она, согласно Яцунскому, брала свое начало с XIV–XV вв., когда в Европе широкое распространение получила гуманистическая историография. Гуманисты стремились изучить прошлое, в особенности античность. Их интересовали не только события, быт и нравы людей прошлого, но и то, в каких условиях жил человек. Именно стремление узнать жизненные условия людей, которые во многом зависели от географического фактора, побуждало гуманистов изучать географию прошлого. Однако гуманисты не различали современную для них географию и географию античной эпохи. Переломный момент разделения исторической географии и современной наступил в XVI в. По мнению В.К. Яцунского, главный недостаток авторов историко-географических работ того периода заключался в слабой критике античных и раннесредневековых источников, что нередко приводило их к неверным суждениям. Именно за это их критиковали представители эрудитской школы XVII–XVIII вв., которые способствовали значительному развитию методологических аспектов

исторической географии. В это же время под влиянием работ западноевропейских просветителей появились историко-географические работы в России. С XVIII в. развитие исторической географии как в Западной Европе, так и в России проходило одновременно по одному и тому же пути. Ее развитие в данный период связано с практической необходимостью. В конце XIX – начале XX в. главным препятствием для дальнейшего развития исторической географии стало отсутствие исследований ее теоретических основ. Как считал В.К. Яцунский, авторы историко-географических работ XIX – первой трети XX в. лишь выдвигали различные точки зрения по данному вопросу.

В итоге историографический анализ трудов с периода античности до новейшего времени позволил В.К. Яцунскому перейти к разработке теоретических аспектов исторической географии: цель дисциплины, ее задачи, объект и предмет исследования, а также взаимоотношение дисциплины с исторической и географической науками. Многие из этих вопросов В.К. Яцунский поднимал в статье «Предмет и задачи исторической географии» (1941)⁴, а расширил их исследование в монографии «Историческая география: история ее возникновения и развития в XIV–XVIII веках» (1955)⁵. В ней В.К. Яцунский рассматривал историческую географию как вспомогательную историческую дисциплину, цель которой заключалась в изучении определенных пространственных изменений в соответствующем историческом периоде. Для достижения этой цели он сформулировал четыре задачи исторической географии: 1) дать характеристику физико-географического ландшафта определенной эпохи; 2) охарактеризовать население с точки зрения его этнического состава; размещения и продвижения по территории; 3) описать географию производства и хозяйственных связей; 4) изучить географию внутренних и внешних политических границ⁶.

Из поставленной цели также вытекает предмет исследования дисциплины – география определенной территории в историческом процессе. Соответственно, объектом исследования является исторический источник.

Главной ценностью исторической географии для географической науки В.К. Яцунский считал то, что историческая география показывала, как исторически сложилась современная экономическая и политическая география определенной страны или территории, а с точки зрения исторической науки дисциплина дает возможность подробно

охарактеризовать пространственную локализацию исторического процесса. В этом прослеживается стремление В.К. Яцунского связать события и время в пространстве, что в итоге дает возможность задуматься об огромном влиянии территориальной принадлежности людей, особенностях их восприятия, системы ценностей в зависимости от их природных и социально-политических условий.

В своих работах В.К. Яцунский показал, что в историко-географических исследованиях может привлекаться тот же корпус исторических источников, что и в исторической науке в целом (за исключением картографических источников, которые более востребованы именно в исторической географии). Однако историческая география рассматривает источники под другим углом, ее интересуют географические сведения, приводимые в них. При этом В.К. Яцунский не ограничился лишь письменными и даже вещественными источниками. Он считал, что материалы и методы топонимики, этнографии и антропологии также могут быть востребованы в историко-географических исследованиях.

В середине XX в. наблюдается возрождение исторической географии не только в научной сфере, но и в преподавании. Во многом благодаря разработкам В.К. Яцунского по исторической географии ощутимо усиливается преподавание этой области науки в высших учебных заведениях СССР. Так, курс исторической географии велся в 1940-е гг. в Историко-архивном институте. В 1943 г. начинает читаться курс исторической географии на географическом факультете Московского педагогического института. Следом, в 1950-е гг., преподавание исторической географии было введено в Московском государственном университете.

В этот период также наблюдается развитие исторической географии на институциональном уровне. Так, в конце 1962 г. В.К. Яцунский стал организатором Группы исторической географии Института истории АН СССР и первым ее руководителем.

С 1944 г. преподавательская деятельность В.К. Яцунского была в основном сконцентрирована в Историко-архивном институте, в котором он до 1959 года читал курс исторической географии. За 15 лет работы в вузе у него появился ряд учеников в этой области. Одной из них была Ольга Михайловна Медушевская (1922–2007), которую Яцунский готовил к защите диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Русские географические открытия на Тихом океане и в Северной Америке».

(50-е – начало 80-х годов XVIII в.)» после смены ее научного руководителя А.И. Андреева (1887–1959). Следует подчеркнуть, что О.М. Медушевской в период работы над диссертацией пришлось поменять научного руководителя, так как в то время Андреев был вынужден покинуть Москву и, следовательно, кафедру вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института. Несмотря на назначение В.К. Яцунского новым научным руководителем О.М. Медушевской, фактическое руководство оставалось за А.И. Андреевым, который, в отличие от В.К. Яцунского, был специалистом по ее диссертационной теме. Влияние В.К. Яцунского на историко-географические взгляды О.М. Медушевской в большей степени прослеживается после защиты ее диссертации в 1952 году, когда она занималась разработкой учебных пособий и программы курса исторической географии. В.К. Яцунский был наставником, которому жанр научных пособий был хорошо знаком, ведь именно с их разработки начиналась его научная карьера (в 1922–1929 гг. он занимал должность консультанта Отдела учебных пособий Главполитпросвета Наркомпроса РСФСР)⁷. Кроме того, он обладал глубокими историко-географическими знаниями, которые проявлялись не только в научной, но и учебной сфере благодаря многолетнему опыту преподавания этой дисциплины. Полученными знаниями он делился со своей ученицей, которая под его редакцией опубликовала сначала программу курса «Историческая география» (1956)⁸, затем учебные пособия «Картографические источники XVII–XVIII вв.» (1957)⁹ и «Картографические источники первой половины XIX века» (1959)¹⁰.

Преемственность научных взглядов В.К. Яцунского в области исторической географии наблюдается также в лекции О.М. Медушевской «Историческая география как вспомогательная историческая дисциплина»¹¹. В ней О.М. Медушевская сформулировала теоретические основы дисциплины – цель и задачи, а также ее предмет, выявила исторические источники, которые наиболее часто привлекались исследователями в историко-географических работах, а также рассмотрела историю становления исторической географии как вспомогательной исторической дисциплины в XVIII–XX вв. В этих вопросах она главным образом опиралась на исследования В.К. Яцунского. Особое внимание в лекции уделено картографическим источникам (картам, картограммам и атласам), чем исследовательница существенно дополнила историко-географические исследо-

вания своего наставника. Именно через картографические источники О.М. Медушевская наглядно показала соприкосновение задач социально-гуманитарного и естественнонаучного знания. Работа с картографическими источниками предполагает, с одной стороны, те же процедуры источниковедческого анализа, что и в случае иных исторических источников, а с другой – изучение ландшафта местности, рельефа, климата, политических границ и ряда других географических характеристик.

Междисциплинарное взаимодействие истории и географии на новом уровне О.М. Медушевская проанализировала на позднем этапе своего научного творчества. На конференции 1997 г. «Исторический источник: Человек и пространство» автор выступила с пленарным докладом¹². В этом докладе она, с одной стороны, выявила единство объектов социально-гуманитарного и естественнонаучного знания, которое выражалось в историческом источнике, с другой – показала, как реализовывалось это единство в трудах ее наставников, ученых А.И. Андреева и В.К. Яцунского.

В результате научного творчества двух исследователей, В.К. Яцунского и О.М. Медушевской, историческая география стала рассматриваться как дисциплина, основой которой являлось тесное взаимодействие природной среды и человеческой деятельности в прошлом. Их теоретико-методологические разработки в этой области привлекли внимание не только историков, но также географов, экономистов, демографов и других специалистов из разных областей научного знания, которые все чаще обращались к исторической географии для решения ряда вопросов в своих исследованиях.

---

¹ Рыбаков Ю.Я. Вспомогательные исторические дисциплины в работах В.К. Яцунского // Археографический ежегодник за 1969 год. 1971. С. 193.

² АРАН. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 81.

³ Истомина Э.Г. Виктор Корнельевич Яцунский и Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования и методология, опыт и перспективы: Материалы XXXI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2009. С. 24.

⁴ Яцунский В.К. Предмет и задачи исторической географии // Историк-марксист. 1941. № 5. С. 3–29.

⁵ Яцунский В.К. Историческая география: история ее возникновения и развития в XIV–XVIII веках. М., 1955. 330 с.

⁶ Там же. С. 9–10.

⁷ АРАН. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 213. Л. 18–26.

⁸ Медушевская О.М. Историческая география. М., 1956. 24 с.

⁹ Медушевская О.М. Картографические источники XVII–XVIII вв.: Учеб. пособие. М., 1957. 28 с.

¹⁰ Медушевская О.М. Картографические источники первой половины XIX века: учебное пособие. М., 1959. 48 с.

¹¹ Медушевская О.М. Историческая география как вспомогательная историческая дисциплина. М., 1959. 21 с.

¹² Медушевская О.М. Исторический источник: человек и пространство // Исторический источник: человек и пространство: Тез. докл. и сообщений науч. конф. Москва, 3–5 февр. 1997 г. М., 1997. С. 35–61.

**«Между строк»: Изучение географических трудов в
определении культурно-исторического развития Кореи
(на примере «Описания избранных деревень»
(Тхэнниджи, 1751 г.) Ли Джунхвана (1690–1756?))**

Н.А. Чеснокова
Институт классического Востока и античности
НИУ «Высшая школа экономики»,
г. Москва

***Аннотация:** в статье рассматривается изучение в России в XIX–XXI вв. историко-географического сочинения «Описание избранных деревень» (Тхэнниджи, 1751) опального чиновника-конфуцианца Ли Джунхвана. Цель статьи – показать динамику изучения памятника, прояснить основные темы и вопросы, с которыми связывались исследования наших ученых; выявить «слепые зоны», с которыми требуется работать далее. Изучение памятника можно условно разделить на два периода: поздний XIX в. – начало XX в.; середина XX в. (1960–1970-е гг.) – наши дни. Обнаружено, что изначально памятник изучался через японские географические сочинения, его цитировали; вслед за тем – через аналогичные корейские сборники. Сама работа с текстом не проводилась, что привело к появлению некорректных сведений. Дальнейшее изучение «Описания...» важно и для исправления закрашившихся ошибок, и в первую очередь для уточнения историко-культурной информации по событиям XVII–XVIII вв. Считать «Описание...» сугубо сочинением географическим неоправданно, так как оно содержит пласт информации также и по истории, торгово-денежным и социальным отношениям.*

***Ключевые слова:** «Описание избранных деревень», «Тхэнниджи», Ли Джунхван, корееведение, история корееведения, география Кореи*

© Чеснокова Н.А., 2019

Доклад подготовлен при поддержке РФФИ (проект № 18-39-00158 «“Освоение” и “присвоение” пространства: формирование корейской этнической самоидентичности в XVII–XVIII вв. через реорганизацию культурного пространства региона»).

Историко-географические труды издревле играли в культуре народов Дальнего Востока великую мироустроительную функцию. Помимо того, что они связывали отдаленные уезды или провинции друг с другом; сочинения подобного рода также служили доказательством единства владений под рукой монарха.

Впервые среди стран Дальнего Востока жанр историко-географических сочинений (кит. *фан чжи* 方志, *дифан чжи* 地方志) стали использовать в Китае. Как замечает Б.Г. Доронин, эти описания, касаясь прежде всего истории и географии региона, «строго говоря, не являлись ни тем, ни другим»¹. Жанр не сразу получил единое оформление: к нему можно отнести как и различного рода картографические материалы, которые на заре китайской государственности содержали сведения о регионе, так и сводные труды, куда входили не только карты, но и известные данные обо всех регионах – их истории, населении, географическом положении и др. Подобного рода сочинения поддерживали власть монарха и символически «закрепляли» земли под его началом. Также *дифан чжи* давали экономическую характеристику регионам и уточняли вопрос даннических отношений с «варварскими» племенами, проживающими на территории Китая или близ него.

В Корее, о которой далее пойдет речь, информации о ранних историко-географических сочинениях не сохранилось: самый ранний дошедший до нас исторический письменный памятник – это «Исторические записи Трех государств» 三國史記 (*Самгук саги*, 1145 г.) придворного историка Ким Бусика 金富軾 (1075–1151). Несмотря на наличие в нем указаний на некоторые более ранние историко-географические сочинения, подробные сведения отсутствуют.

Несмотря на значимость историко-географических сочинений в культуре и политике Дальнего Востока, они лишь с недавнего времени стали вызывать академический интерес. В данной статье рассматривается, как происходило изучение произведения «Описание избранных деревень» (*Тхэнниджи*, 1751 г.) опального чиновника Ли Джунхвана в России в конце XIX – начале XX в.

«Описание...» интересно тем, что повествует о «восьми провинциях», из которых на тот момент состояла Корея: их географическом положении относительно Китая и друг друга; истории; культуре; нравах и обычаях насельников. В произведении впервые вводится пред-

ставление о связи корейских гор – позднее оно будет описано в иных произведениях позднего XVIII–XIX вв. и станет опорой при утверждении единства корейского народа. «Описание...» было написано на ханмуне – кореезированной форме китайского письменного языка – и распространялось благодаря анонимным копиистам, пока в 1912 г. не было опубликовано (с некоторыми правками) «Обществом блестящей литературы Кореи» 朝鮮光文會 (*Чосон Кванмунхве*). Позднее изучение произведения происходило, по большей части, именно через отредактированную версию «Общества блестящей литературы Кореи».

«Описание...» было переведено в конце XIX в. на японский язык и опубликовано также в Японии; интересовало и интересует исследователей в КНДР и РК; Европе и США; России. Всех, однако, привлекает в нем разная информация – так, например, это источник сведений о социально-экономическом положении в Корее в XVII–XVIII вв.; политической придворной борьбе; социальном расслоении общества и положении крестьянства; географическом детерминизме. В данной статье нас интересует, в первую очередь, непосредственное изучение «Описания...» в России: когда и кем оно осуществлялось и какую цель преследовал автор, обращавшийся к нему?

Условно изучаемый период можно разделить на два: 1) изучение и распространение «Описания избранных деревень» в России в конце XIX – начале XX в.; 2) изучение во второй половине XX – начале XXI в.²

Первый период: Изучение и распространение «Описания избранных деревень» в России в конце XIX – начале XX в.

Вплоть до конца XIX в. Корея оставалась «страной-отшельницей», старавшейся максимально закрыть свои границы от иноземного влияния и вторжения. Сведения о ней поступали в Россию благодаря редким путешественникам; торговым миссиям; контактам с Китаем и Японией. Научное же изучение страны началось с 1897 г., когда в Санкт-Петербургском Императорском университете впервые стал преподаваться корейский язык. В то же время была приобретена коллекция корейских книг, собранных дипломатами, состоявшими на службе в Корее в 1880-х – 1890-х гг.³

До настоящего момента изучена лишь малая часть корейских рукописных фондов, хранящихся в Санкт-Петербурге. Остальная же, подобно айсбергу, таит в себе редкую информацию о средне-

вековой Корее и ждет своего исследователя. Среди таких сочинений есть немало и историко-географических.

Это, например, «Описание Пхеньяна» 平壤志 (*Пхенанчи*), «Описание Сонгена»⁴ 松京志 (*Сонгенджи*), хранящиеся в фонде китайских ксилографов восточного отдела Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета⁵, «Описание Пхеньяна» 平壤志 (*Пхенанджи*), «Описание округа Тонънэ» 東萊邑誌 (*Тоннэ ыпчи*), «Описание Намсонъа» 南城誌 (*Намсонджи*) из рукописного отдела Института восточных рукописей Российской академии наук⁶.

В первую очередь российских дипломатов (К.И. Вебер (1841–1910); П.А. Дмитриевский (1851–1899)) интересовали карты Корейского полуострова, и это неудивительно, учитывая, что наши страны граничили по воде и суше. В одном из писем К.И. Вебера, отправленного 20 марта 1884 г. из Тяньцзина, сохранилось следующее: «Я с утра до позднего вечера занимаюсь своими картами и дорожу каждою секундою, оставляя все остальное, не относящееся до Кореи, в стороне»⁷. Вебер собирал карты Кореи и отдельных провинций, планы и описания столицы и крупных городов. Позднее он подарил свою коллекцию Санкт-Петербургскому университету.

Кроме этого, журналист С.Н. Сыромятников приобрел в Корее учебник «География Кореи» 朝鮮地誌全 (*Чосон чиджиджон*), а П.А. Дмитриевский перевел на русский язык сочинение «Географическое описание Кореи», предположительно составленное неким корейцем во время династии Мин⁸, оба издания также хранятся сейчас в Научной библиотеке Санкт-Петербургского государственного университета.

Соответственно, на настоящем этапе основные усилия российских дипломатов были направлены на то, чтобы в максимально сжатые сроки получить максимально подробную информацию о Корейском полуострове, его географическом положении, истории и культуре. Не имея возможности проконсультироваться о значимости того или иного памятника для корейского общества, приходилось действовать «вслепую» либо обращаться к аналогичным японским исследованиям в этой области. Японцы, в свою очередь, в тот же период также были заинтересованы в максимальном приращении знаний об истории и географии Кореи – уже не раз под-

нимался вопрос о колонизации; необходимо было также собрать информацию для последующей пропаганды японской культуры.

По-видимому, именно через японские издания об «Описании избранных деревень» узнал востоковед Николай Васильевич Кюнер (1877–1955). Он также был первым, кто ввел «Описание избранных деревень» в научный оборот в отечественном корееведении, упомянув в 1912 г. это произведение в своем крупнейшем исследовании «Статистико-географический и экономический очерк Кореи, ныне японского генерал-губернаторства Циосен»⁹ при сравнении современного ему описания «Главного корейского хребта» с традиционным корейским:

...уже в начале XIX стол. один корейский географ, И Чхюньхоан 李重煥 в сочинении Циосен-пхал'екчи 朝鮮八域誌, точно таким же образом и совершенно правильно изображал под общим именем Корейской цепи направление Главного хребта от Пэктусан на юго-востоке с побережной цепи Сиочяньбэксан [совр. Со Чанбэксан 小長白山脈 – Н.Ч.], затем на юго-западе и далее на юге в качестве цепи Тчхеллень [совр. Чхоллен 鐵嶺] и Кымгансан 金剛山 к цепи Тхэбэксан 太白山 в северном углу Кенсандо 慶尙道...¹⁰

Как писал сам Н.В. Кюнер: «Японские данные самого разнообразного содержания являются ныне для Кореи не только самыми полными, но и наиболее современными, простираясь до настоящего момента (1912), что объясняется той особенной ролью, которая выпала на долю Японии на Корейском полуострове за последние 25 лет и которая завершилась несколько более одного года тому назад присоединением его к территории японской империи под одной верховной властью. Исключительное положение, занятое Японией в Корее, побуждало самих японцев уделять значительное внимание делу научного и практического изучения этой страны и обусловило появление на японском языке многочисленных сочинений, описывающих Корею с разных сторон ее природных условий и экономического и культурного быта ее населения и выясняющих способы и цели деятельности японцев в этой части азиатского материка»¹¹.

Одним из японских исследований, на которые опирался Н.В. Кюннер, были «Очерки рельефа Кореи» (*An Orographic Sketch of Korea*)¹² географа Кото Бундзиро 小藤 文次郎 (1856–1935). Мы полагаем, что информацию об «Описании...» Н.В. Кюннер получил именно из этой работы, на что указывает крохотная неточность в датировке: Н.В. Кюннер полагает, что «Описание...» было завершено в начале XIX в., и об этом же, говоря о достижениях корейской географии и конкретно Ли Джунхване, заявляет Кото: «Век назад в Корее был хороший географ, так же как много их было в Китае в прежние дни»¹³. Учитывая, что «Очерки рельефа Кореи» были написаны в 1903 г., а, по словам Кото, «Описание...» завершено «век назад», то у Н.В. Кюннера были все основания считать, что оно было создано не раньше начала XIX в.

Тем не менее именно «Статистико-географический и экономический очерк Кореи...» стал той первой публикацией на русском языке, в котором упоминалось «Описание...» и была высказана идея о едином горном хребте, проходящем через весь Корейский полуостров. В нем, однако, рассматривается лишь общее географическое положение страны, культурные и исторические аспекты не упоминаются.

В 1885–1904 гг., до русско-японской войны, наши ученые нередко посещали Корею и за этот срок достигли значительных научных успехов. В частности, благодаря экспедиции члена Русского Географического общества А.Г. Лубенцова в 1895 г. была разработана схема орографии Северной Кореи и даны названия всем важнейшим горным хребтам Северной Кореи (Граничный, Туманский, Капсанский, Тэдонский), прочно вошедшие в географическую литературу¹⁴.

Второй период: исследование «Описания избранных деревень» в СССР и России во второй половине XX в. и начале XXI в.

Рукопись «Описания...» в России в фондах институтов или научных библиотек на данный момент отсутствует, в связи с чем изучение памятника возможно либо опосредованное (через уже существующие труды в мировом корееведении), либо в рамках научной работы в архивах и библиотеках Республики Корея, Корейской народно-демократической республики. Поэтому вплоть до настоящего времени отечественные ученые знакомились с произведением только через иные монографии и исследования.

Первым, кто после Н.В. Кюнера упомянул «Описание...», стал, предположительно, Л.Р. Концевич. Он, опираясь на северо-корейские труды, не исследовал произведение отдельно, но включил его в число других корейских географических сочинений в своей статье в сборнике «Топонимика Востока. Новые исследования». Л.Р. Концевич назвал произведение «Описание избранных селений» 擇里志¹⁵.

В России в 1970-е гг. выходят две книги, посвященные истории Кореи, в которых упоминается произведение Ли Джунхвана: «Общественная мысль Кореи в эпоху позднего феодализма» Г.Д. Тягай (1922–2006)¹⁶ и созданная коллективом авторов «История Кореи: с древнейших времен до наших дней»¹⁷.

Г.Д. Тягай впервые в российском корееведении уточнила, что Ли Джунхван был внуком выдающегося *сирхакиста* Ли Ика 李翼 (1681–1763), и верно указала год его рождения – 1690. В отличие от Н.В. Кюнера и Л.Р. Концевича, Г.Д. Тягай назвала Ли Джунхвана автором сочинения «Пхальбекчи»¹⁸ («Описание восьми провинций»)¹⁹, что свидетельствует о том, что при написании «Общественной мысли Кореи...» Галина Давыдовна использовала другой источник, но, предположительно, это были северо-корейские материалы.

В «Истории Кореи» Ли Джунхвану также посвящено только одно предложение: «Важнейшие данные об отдельных районах Кореи содержатся в книге Ли Джунхвана (1690–1753) “Тхэнниджи” (“Описание избранных деревень”»)²⁰. Однако, как следует из приведенной цитаты, исследователи опирались на источник, отличный от того, который использовала Г.Д. Тягай, что позволило впервые в российском корееведении связать Ли Джунхвана со словом «Тхэнниджи», ныне считающимся официальным названием рукописи²¹.

Многообразие известных российским корееведам названий произведения Ли Джунхвана, с одной стороны, расширяло возможности изучения корейской традиционной географии, но с другой-вызывало путаницу. Так, например, в «Очерках Кореи» М.В. Воробьева (1922–1995), опиравшегося, в числе других исследований, и на «Общественную мысль Кореи...», и на «Историю Кореи с древнейших времен...», Ли Джунхван оказался автором двух географических сочинений. Тем не менее именно описание, данное произведению М.В. Воробьевым, было наиболее полно:

Его [Ли Ика] ученики много сделали для развития отечественной географии. Ли Чжунхван создал «Описание восьми провинций» («Пхаленчжи»), на которые делилась Корея, как образцовую географию Кореи...»²²;

...Одним из ранних трудов этой эпохи является «Тхэнничижи» Ли Чжунхвана. Это сочинение уже не напоминает географические регистры-перечни географических названий в официальных летописях и географических описаниях первой половины XV в. Это научная география в подлинном смысле слова, хотя и покоящаяся частично на теории инь-ян. В сущности, это первая подлинная демография, оснащенная теоретическими рассуждениями о четырех типах населения и о восьми провинциях (всей Кореи). Теория четырех типов населения устанавливала связь населения с географической средой, подчеркивала естественное равенство всех людей, существующие же различия в способах обитания объясняла социальными факторами. Описание восьми провинций – это, в сущности, общая география Кореи. О каждой из восьми провинций даются подробные сведения – местоположение, естественная среда, история всех производств, климата. Географическое описание провинций включает физическую и описательную географию.

Эта книга – вершина географической науки Кореи до освоения европейских географических сочинений [курсив мой. – Н. Ч.]²³.

Позднее «Описание избранных деревень» как географический труд XVIII в. упоминалось в обширном исследовании «Владыки старой Кореи» Т.М. Симбирцевой²⁴. Также в этой книге век спустя после издания «Статистико-географического и экономического очерка Кореи» Н.В. Кюнера российскому читателю была представлена концепция *Пэкту тэган*²⁵.

Заключение

В российском корееведении «Описание...» традиционно рассматривается как географический труд, средневековый трактат о социально-экономической географии. Культурный же пласт информации остается забытым. Во-первых, это связано с тем, что манускрипт как таковой не был исследован до нынешнего времени. Во-вторых, традиционная корейская география *пхунсу* 風水, составляющая значительную часть «Описания...» и более десяти

веков играющая важную роль в культурно-социальной стороне жизни корейского народа, стала интересовать отечественных корееведов сравнительно недавно. Это связано с тем, что в советское время *пхунсу* считалась суеверием, пережитком прошлого, от которого корейцы, однако, не хотят отказываться.

В этой связи нам кажется чрезвычайно важным рассматривать «Описание...» не просто как историко-географический источник, но и как продукт своего времени: требуется изучить терминологическую специфику текста; его культурный контекст; место среди иных историко-географических произведений периода. В условиях непрекращающегося спора о культурных границах между Цинским Китаем и Кореей текст «Описания...» представляется уникальным свидетелем эпохи, и его изучение должно быть не только фактическим, но и проникать «между строк». Предварительное изучение памятника, осуществленное отечественными корееведами в XX в., подготовило замечательный фундамент, на котором далее возможно продолжать работу с этим уникальным текстом.

---

¹ *Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002. С. 150.

² Настоящая статья опирается на диссертационное исследование автора: *Чеснокова Н.А.* «Пространственные представления и самосознание культуры в Корее в XVII–XVIII вв. По материалам историко-географического памятника «Описание избранных деревень» (Тхэнниджи, 1751 г.) Ли Джунхвана (1690–1756?)» (2018). В первой главе указанной работы рассматривается изучение «Описания избранных деревень» в Корее, США, странах Европы и России.

³ *Троцевич А.Ф., Гурьева А.А.* Описание письменных памятников корейской традиционной культуры. Вып. 1: Корейские письменные памятники в фонде китайских ксилографов восточного отдела Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2007. С. 8.

⁴ В указ. выше соч. название приводится как «Описание Сонгъйонъя», что связано с иной системой транслитерации.

⁵ Подробнее о рукописях см.: *Троцевич А.Ф., Гурьева А.А.* Указ. соч. С. 115–121.

⁶ *Троцевич А.Ф., Гурьева А.А.* Описание письменных памятников корейской традиционной культуры. Вып. II: Корейские письменные памятники в рукописном отделе Института восточных рукописей Российской академии наук. СПб., 2009. С. 6. Подробнее о рукописях см. С. 135–143.

⁷ *Симбирцева Т.М.* Владыки старой Кореи // *Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности.* Вып. 35. М., 2012. С. 154.

⁸ Подробнее см.: *Троцевич А.Ф., Гурьева А.А.* Описание письменных памятников... Вып. 1. С. 15–16.

⁹ *Кюнер Н.В.* Статистико-географический и экономический очерк Кореи, ныне японского генерал-губернаторства Циосен. Владивосток, 1912. Т. 1–2. 656 с. Циосен – так в транскрипции начала XX века записывалось самоназвание Кореи того времени – этноним Чосон. Подробнее см.: *Чеснокова Н.А.* Памяти Н.В. Кюнера (1877–1955). «Очерк Кореи» (1912 г.) – к столетию со дня публикации и в связи с переводом на корейский язык // *Вестник Центра корейского языка и культуры.* Вып. 16. СПб., 2014. С. 7–27.

¹⁰ Там же. С. 107.

¹¹ Там же. С. III.

¹² *Koto V.* An Orographic Sketch of Korea // *Journal of the College of Science, Tokyo: Imperial University, Vol. XIX., Article 1, 1903.* P. 1–86.

¹³ *Ibid.* P. 5–6.

¹⁴ *Зайчиков В.Т.* Корея. М., 1951. С. 59–60.

¹⁵ *Концевич Л.Р.* Материалы для диахронического изучения корейской топонимии // *Топонимика Востока. Новые исследования.* М., 1964. С. 55–73.

¹⁶ *Тягай Г.Д.* Общественная мысль Кореи в эпоху позднего феодализма. М., 1971. 256 с.

¹⁷ *История Кореи с древнейших времен до наших дней: научное издание.* Т. 1 / Ред. Ю.В. Ванин. М., 1974. 470 с.

¹⁸ Пхарёкчи 八域誌 – совр. транскрипция Л.Р. Концевича.

¹⁹ *Тягай Г.Д.* Указ. соч. С. 96.

²⁰ *История Кореи с древнейших времен до наших дней: научное издание.* Т. 1 / Ред. Ю.В. Ванин. С. 295.

²¹ *Пэ Усон.* Атмосфера знаний и книг (Токсо-ва чисиг-ый пхунгён). Пхаджу, 2015. Р. 180.

²² *Воробьев М.В.* Очерки культуры Кореи. СПб., 2002. С. 146.

²³ Там же. С. 146–147.

²⁴ *Симбирцева Т.М.* Указ. соч. С. 61.

²⁵ Там же. С. 322–325.

Сведения об авторах

АНТОНОВА Ирина Борисовна – кандидат педагогических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета.

АРТАМОНОВА Людмила Михайловна – доктор исторических наук, профессор Самарского государственного института культуры.

БОРОЗДИНА Надежда Олеговна – аспирант кафедры современных проблем философии Российского государственного гуманитарного университета.

БРОДСКИЙ Юрий Игоревич – доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН.

ВАЛЕЕВА Нина Тимофеевна – кандидат филологических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета.

ВЕПРЕЦКИЙ Сергей Викторович – младший научный сотрудник Российского государственного гуманитарного университета.

ГАЙДУК Владислава Леонидовна – заведующая архивным сектором Медиатеки Государственного музейно-выставочного центра РОСИЗО.

ДОЛГОВА Евгения Андреевна – кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета.

ЕРШОВА Галина Гавриловна – доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета.

КОСИЧЕНКО Иван Никитович – аспирант Российского государственного гуманитарного университета.

ЛУКЪЯНОВ Дмитрий Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории исторической науки факультета истории, политологии и права РГГУ.

МИРОНОВ Борис Николаевич – доктор исторических наук, доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

МУХИН Олег Николаевич – доктор исторических наук, профессор Томского государственного педагогического университета.

ПЧЕЛОВ Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета.

РИЖИНАШВИЛИ Александра Львовна – кандидат биологических наук, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.

СЕКАЧЕВА Дарья Сергеевна – младший научный сотрудник Российского государственного гуманитарного университета.

СИНЕЛЬНИКОВА Елена Федоровна – кандидат исторических наук, ученый секретарь Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.

СМИРНОВ Юрий Николаевич – доктор исторических наук, профессор Самарского национального исследовательского университета им. акад. С.П. Королева.

СНЫТКО Валериан Афанасьевич – член-корреспондент РАН, доктор географических наук, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.

СОБИСЕВИЧ Алексей Владимирович – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.

СУКИНА Людмила Борисовна – доктор исторических наук, профессор Института программных систем РАН.

ФАДЕЕВА Марина Владиславовна – аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

ФЕДОРОВА Людмила Львовна – кандидат филологических наук, доцент Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета.

ХОДНЕВ Александр Сергеевич – доктор исторических наук, профессор Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского.

ХОЛМАТОВ Темурмалик Комилджонович – магистрант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

ЧЕСНОКОВА Наталия Алексеевна – старший преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

ШУСТОВА Юлия Эдуардовна – кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета.

ЯКОВЛЕВА Светлана Анатольевна – доктор филологических наук, профессор Национального автономного университета Мексики.

Contents

Foreword	
Complex research and system approaches in the Humanities	
<i>Ershova G.G., Vepritskii S.V., Sekacheva D.S.</i> The Archeological Monument “La Casa de las Golondrinas”. Specifics in the Interdisciplinary Research	10
<i>Mironov B.N.</i> On Historical Development of the Human Conscience	23
<i>Brodskii Yu.I.</i> Mathematic Modeling for Intercultural Relations	44
<i>Ershova G.G.</i> The Cultural Revolution Phenomenon. On Articulation of the Issue	56
<i>Borozdina N.O.</i> From History to Philosophy of the University. A Bridge into the Future	74
<i>Lukianov D.V.</i> Divergent Spheres of Modern Scientific Revolutions. Mediography and Historiography in the Mediums Coalition of the Present	80
Theories of Social Sciences in specifics of historical research	
<i>Sukina L.B.</i> Interdisciplinarity in Studying the History of Russian Culture in the Late Medieval and Early Modern Period	91
<i>Mukhin O.N.</i> “Whom Are You Laughing at?” On the Methodology for Analyzing the Socio-Cultural Role of Laughter in Historical Research	102
<i>Dolgova E.A.</i> Scientific Community of the Late 1910s – the First Half of the 1930s. Theoretical Approaches in Historical Retrospect	112

Khodnev A.S.
“Undisciplined” Interdisciplinarity.
Public History and its Practices 123

Gaiduk V.L.
Virtual Archives and Historical Knowledge in early 19th 133

History and Social Sciences

Kosichenko I.N.
Self-Government of Indian Peasant Communities
in Yucatan in the Early National Period 143

Artamonova L.M.
The Gender Turn of the Provincial School in the Middle
of the 19th Century. Social Factors and Consequences 152

Smirnov Yu.N.
Modernization of the Social and Cultural Memory
of the Provincial Nobility in the Middle of the 19th Century.
From Articulation to Literature, From Family to Public 162

Sinelnikova E.F.
The Revolutionary Everyday Life
of the Scientific Societies of Petrograd 171

Fadeeva M.V.
Diaries of the Dying. An Experience of Reconstruction
and an Attempt of Existential Analysis 181

An Image of the Name and an Image of the Language in Historical Interpretation

Antonova I.B.
The Image of Power in the Media Space.
An Excursion unto the History of Political Discourse 191

Valeeva N.T.
From Goalkeeper to Vratar' (Goalkeeper).
The Competition of English and Russian Football Lexicon
in the pre-Soviet, Soviet and post-Soviet Russia 200

Pchelov E.V.
The Name of Alexander in the Russian Dynastic History
and Culture of the 18th – 19th Centuries 205

Fedorova L.L., Yakovleva S.A.
Images of Women in the Diachrony and Interlanguage Comparisons
(According to Lexicographic Sources) 214

Shustova Yu.E.
Slavic Names of the Months in the Ukrainian
Printed Books of the Late 16th – 17th Centuries 229

History and Geography

Rizhinashvili A.L.
Fundamental Ecology and Environmental Practice
in the USSR in the mid-1920s – 1950s. The Historical and Scientific
Analysis of the Interaction of Science and Regime 241

Sobisevich A.V., Snytko V.A.
"Constructive geography". A Scientific Direction of Research
in the Transformation of the Natural Environment 245

Kholmatov T.K.
Historical Geography in the Scientific Work
of V.K. Yatsunskii and O.M. Medushevskaya 252

Chesnokova N.A.
"Between the Lines". The study of Geographical Works in the Definition
of Cultural and Historical Development of Korea
(for Example, the "Description of Selected Villages"
(Thannigi, 1751) Lee Junhwan (1690–1756?)) 259

An Information about the authors 269

Walls and Bridges -7th. Interdisciplinarity. What does it require of the historian, what gives and what deprives of? Collection of proceedings from the international scientific conference

The collection combines articles of the authors participants in the 7th International Scientific Conference “Walls and Bridges. Interdisciplinary Approaches in Historical Research”, held at the Russian State University for the Humanities on May 24-25, 2018. Researchers raise the question of restrictions on the application of methods and approaches of other disciplines to specific historical issues and also the question of the scientific qualification level, necessary for a historian in order to work correctly in the border disciplinary space.

The collection is intended for historians, sociologists, political scientists, linguists, and the other disciplines specialists who turn to historical issues in their research.

С79 Стены и мосты – VII; Междисциплинарность: что от историка требует, что дает и чего лишает?: Сборник трудов международной научной конференции. / Российский государственный гуманитарный университет; Отв. ред. Е.А. Долгова, сост. И.Н. Косиченко. М.: РГГУ, 2019. 276 с.

ISBN 978-5-7281-2311-8

Сборник объединяет статьи авторов-участников Международной научной конференции «Стены и мосты – VII»: Междисциплинарные подходы в исторических исследованиях», состоявшейся в Российском государственном гуманитарном университете 24–25 мая 2018 г. Исследователи ставят вопрос об ограничениях применения методов и подходов других дисциплин к узко-исторической проблематике и о необходимом уровне научной квалификации историка для корректной работы в пограничном дисциплинарном пространстве.

Для историков, социологов, политологов, лингвистов, представителей других дисциплин, обращающихся в своих исследованиях к исторической проблематике.

УДК 930.2(08)

ББК 63

Научное издание

СТЕНЫ И МОСТЫ – VII

**Междисциплинарность:
что от историка требует,
что дает и чего лишает?**

**Сборник трудов
Международной научной конференции**

*Корректор Ж.П. Григорьева
Компьютерная верстка Т.М. Гуменюк*

Подписано в печать 21.05.2019.
Формат 60 X 90 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 17,375 Уч.-изд. 18,2
Тираж 200 экз. Заказ № 464

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
Тел.: 8-499-973-42-06